КАК ПОДПИСАТЬСЯ НА «МИР РУССКОГО СЛОВА»

Вы можете оформить подписку на журнал в секретариате РОПРЯЛ по адресу

199034, Россия, С.-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта, д. 11/2, комната 204

Тел.: (812) 325-11-32, 320-68-62
Тел./факс: (812) 323-66-20
e-mail: info@ropryal.ru

а также

в отделе реализации Издательства С.-Петербургского государственного университета по адресу

199004, Россия, С.-Петербург, 6-я линия В.О., д. 11/21, комната 22

Тел.: (812) 328-77-63, 325-31-76
Тел./факс: (812) 328-44-22
e-mail: post@unipress.ru

Об условиях и стоимости подписки можно узнать в отделе реализации Издательства СПбГУ и С.-Петербургской штаб-квартире РОПРЯЛ по указанным адресам.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Уважаемые коллеги!
По вопросам подписки и доставки журнала
за пределами СНГ обращайтесь к нашим дистрибьюторам:

ЗАО НПО «Информ-система»
117447, Россия, Москва,
Севастопольский пр., 11А
Тел. (095) 127-91-47,
129-78-22
Факс (095) 124-99-38

ЗАО «МК-Периодика»:
129110, Россия, Москва,
ул. Гиляровского, 39
Тел. (095) 681-91-37,
681-97-63, 681-87-47
Факс (095) 681-37-98

ЗАО «Светс Блэквелл»:
117105, Россия, Москва,
Нагатинская ул., 3а
Тел. (095) 111-40-58,
Факс (095) 111-74-25

ЗАО «ПТК Венера»:
109029, Россия, Москва,
ул. Мал. Калитниковская,
9а, ком. 106
Тел./факс (095) 270-07-60

Germany: Kubon & Sagner (Munich),
tel. (+49 89) 54-218-110
fax (+49 89) 54-218-218

Japan: Nauka Ltd. (Tokyo),
tel. (+81 03) 5259-2711
fax (+81 03) 5259-2714

Switzerland: PinkRus GmbH (Zurich),
tel. (+41 1) 262-2266
fax (+41 1) 262-2434

Sergei Fjodorov,
subscriptions division
Ruslania Books Ltd
Lapinlahdenkatu 1 C
FI-00180 Helsinki, FINLAND
Tel. (+358 9) 27270737
Fax (+358 9) 27270720
sergei.fjodorov@ruslania.com
Internet: www.ruslania.com

№ 3 2006

В НОМЕРЕ:

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ «МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Учредитель
Некоммерческое партнерство «Общество преподавателей русского языка и литературы»

Редакционный совет:
Л.А.Вербицкая
В.В.Воробьев
Л.П.Клобукова
Ю.Е.Прохоров
Е.Е.Юрков
В.М.Шаклеин
С.Н.Голубев

Адрес редакции:
Московское бюро
117198, Москва,
ул. Миклухо-Маклая, 6. РУДН
тел.: (095) 434-07-45
факс: (095) 433-80-22
e-mail: ropryal@mail.ru

Петербургское бюро:
199034, С.-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта, д. 11/2
тел.: (812) 325-11-32, 320-68-62
факс: (812) 323-66-20
e-mail: info@ropryal.ru

Издательство
С.-Петербургского государственного университета

[официальные материалы]

4 «Талант… это смелость, свободная голова, широкий размах». К юбилею Людмилы Алексеевны Вербицкой

9 Русский язык как неродной в федеральной целевой программе «Русский язык»

11 В.П.Абрамов
Русский язык на многонациональной Кубани и в странах СНГ

15 Второй фестиваль русской речи «Русское слово»

[лингвистические заметки]

18 В.И.Коньков
О некоторых особенностях речевой практики современных СМИ

21 А.н.Потсар
Отражение природы массового текста в его речевом облике

[взаимосвязь литературы и языка]

25 Г. Н. Акимова
«Водонапорная башня» В. Пелевина — синтаксический нонсенс?

30 Севинч Учгюль
Деконструкция истории, или как иностранцу читать Татьяну Толстую

35 С.В.Бревнова
Синтез интегрального смысла в семантическом поле художественного текста

41 И.М.Вознесенская
Дневник: особенности семантической структуры и речевой организации

49 И.Г.Новоселова
Феномен сознания личности в «Дневниках» М. М. Пришвина (1920–1922 гг.)

[поэтическая речь]

53 Конкурс молодых поэтов «ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ»

56 И.Н.Сухих
Художественный мир Некрасова. Спор об искусстве: поэт как гражданин

Главный редактор:
К.А.Рогова

Дизайн:
Т.Семеновой, Е.Соловьевой

Над журналом работали:
Редакторы:
Т.Б.Авлова, Д.А.Щукина
Вып. редактор
Т.В.Семенова

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (свидетельство ПИ №77-5399 от 11.09.2000)

Тираж 1500 экз.

Подписано в печать 7.08.2006

Отпечатано в типографии Издательства СПбГУ
СПб, Средний пр., 41

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Мир русского слова» обязательна

Присланные рукописи не возвращаются.
Рецензии авторам не высылаются.

Материалы просьба представлять только в электронном виде

65 Н.В.Райан
Русские поэты в Китае и в Австралии

69 М.Осташ
Польская детская поэзия как источник гуманитарного, природоведческо-географического и математического вдохновения

75 А.-П.Лонго
О поэзии Каролины Павловой

79 Биография — это часть поэтического текста. Интервью с директором Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме

[методика преподавания русского языка]

82 Т.И. Распопова, Е.Ф.Акаткина, О.Н.Олейникова, Т.И.Старикова
Стратегия и тактика создания современных учебников русского языка как иностранного глазами преподавателей-практиков

86 Шэн Маньмэй
Сопоставительный анализ обращений к родственникам в китайском и русском языках

91 Аббас Ясин Хамза
Формирование мотивации в процессе изучения русского языка. Проблемы и перспективы современной методики РКИ

[история слов и фразеологизмов]

94 В.М.Мокиенко
Из истории фразеологических европеизмов.
ЭЙ, ЗАВЯЖИ НА ПАМЯТЬ УЗЕЛОК!

[представляем новые книги. рецензии]

98 Н. А. Купина, О. А. Михайлова
Давайте говорить правильно!

101 Д.А.ЩУКИНА
«Материалы по языку специальности»

[хроника]

103 Конференция в Волгограде

104 международная конференция «Научное наследие Б.Н.Головина и актуальные проблемы современной лингвистики»

105 Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира — III Международная конференция в Варшаве

119 Международная научно-практическая конференция «Лингвокультурологические и лингвострановедческие аспекты теории и методики преподавания русского языка»

[россия. народы, языки, культуры]

107 ТУЛА
117 Тульский государственный университет

К ЮБИЛЕЮ
ЛЮДМИЛЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ВЕРБИЦКОЙ

«ТАЛАНТ… ЭТО СМЕЛОСТЬ, СВОБОДНАЯ ГОЛОВА, ШИРОКИЙ РАЗМАХ»

А.П.ЧЕХОВ

В канун юбилея Людмиле Алексеевне Вербицкой — ректору Санкт-Петербургского университета, доктору филологических наук, профессору, академику Российской академии образования, заместителю председателя Совета по науке, технологиям и образованию при президенте РФ — было присуждено высокое звание Почетного гражданина Санкт-Петербурга.

Для того чтобы перечислить все награды, которыми отмечен труд Л.А. Вербицкой, потребовалась бы не одна журнальная страница. Достаточно назвать ордена Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» III степени и IV степени, знак «Житель блокадного Ленинграда», памятную медаль «В честь 60-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады», высшую награду Франции — Орден Почётного Легиона, французский орден «Академических пальм» с присвоением звания «Командор», «Рыцарский Крест Ордена Заслуги Республики Польша», украинский орден княгини Ольги III степени, орден Русской Православной Церкви Святой равноапостольной Великой Княгини Ольги III степени, орден им. Св. Праведного Иоанна Кронштадтского «За заслуги в духовном возрождении России», знак «Почетный работник высшего образования России», медаль К.Д.Ушинского Минобразования России и др.

Л.А.Вербицкая — лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования за 2001 год, премии 1997 года Королевского юбилейного фонда Великобритании за достижения в области высшего образования, Международной премии имени Николая Рериха (2003 г.),

Национальной премии общественного признания достижений женщин России «Олимпия» за 2003 год, именной научной премии им. С.Ф. Ольденбурга в области гуманитарных наук за 2005 год и др.

Чтобы стать преподавателем Санкт-Петербургского университета, Л.А.Вербицкой пришлось пройти нелегкий путь. Дочь репрессированных родителей, она, чудом вырвавшись из трудовой воспитательной колонии для несовершеннолетних во Львове, поступила в Ленинградский университет. После его окончания в 1958 году по специальности «русский язык и литература» она — лаборант, аспирант, младший научный сотрудник, ассистент, доцент, профессор кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Филологического факультета, с 1985 года заведует кафедрой общего языкознания.

Общественная работа Людмилы Алексеевны Вербицкой начиналась с факультетского профбюро, и это не случайно: уже здесь проявились удивительное внимание к людям, которые ее окружают, и готовность всегда прийти на помощь. Интерес к учебному процессу, стремление к его совершенствованию, забота о студентах закономерно приводят Людмилу Алексеевну к должности проректора по учебной работе. Ректором университета в это время был Станислав Петрович Меркурьев, который определил перспективы развития университета и наметил пути его интеграции в мировую образовательную систему. После его кончины Л.А. Вербицкая, исполняя обязанности ректора, сумела продолжить и развить начинания С.П. Меркурьева. В апреле 1994 года Людмилу Алексеевну избрали ректором Университета. Впервые за 270 лет существования Петербургского университета его ректором стала женщина.

В отношении к памяти Станислава Петровича снова проявились главные человеческие качества Людмилы Алексеевны: умение видеть и ценить людей, острое чувство времени, скромность в оценке собственного труда.

Начало деятельности в должности ректора проходило в трудное время, потребовавшее перенесения центра внимания на административно-хозяйственную, материальную сторону жизни университета. Надо было сохранить преподавательский состав, поддержать душевное спокойствие людей и надежду на то, что их не оставят и что они смогут продолжать свое дело.

С появлением материальных возможностей, к чему Людмила Алексеевна имела непосредственное отношение, она стала активно работать над совершенствованием образовательной структуры университета. В его состав вошли медицинский факультет, факультет международных отношений, факультет менеджмента. На основе частно-государственного партнерства создается бизнес-школа мирового уровня, которая позволит готовить управленческую элиту для государственных учреждений и бизнеса. Первые 50 слушателей будут приняты в 2007 году.

Очень важным для развития научных исследований стало создание по инициативе университета и решению Российского правительства наукограда «Петергоф», в котором университету отводится роль градообразующего элемента. Здесь будут продолжены исследования в области высоких технологий. Под руководством Л.А. Вербицкой Санкт-Петербургский университет идет в своем научно-образовательном развитии в ногу со временем, а в чем-то и опережает его.

Ректор поддержала исследования историков, установивших реальную дату создания СПбГУ — 1724 год. Это было важное открытие не только для Петербургского университета, но и для понимания того, когда реально начиналось и какими сложными путями шло развитие образования в России. Оно никогда не было замкнутым, стремясь к установлению контактов и взаимодействию с зарубежными университетами. Людмила Алексеевна прилагает немалые усилия к расширению международных связей ученых Петербургского университета. Его ведущие научные школы приобретают все более широкую мировую известность в области фундаментальных исследований. Ее деятельность по организации научных исследований и внедрению их результатов в учебный процесс послужила основанием для избрания Л.А. Вербицкой почетным доктором ряда российских и зарубежных университетов, среди

которых Санкт-Петербургский государственный технический университет, Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Воронежский университет, а также Болонский университет, Нью-Йоркский университет и другие. Она активно содействует укреплению позиций Российской системы высшего образования в мировом университетском сообществе, избрана в руководящие органы Конференции ректоров европейских стран, Международной ассоциации ректоров университетов, Ассоциации балтийских университетов, Евразийской ассоциации университетов.

Людмила Алексеевна — замечательный ученый-филолог. Произносительные нормы русского литературного языка всегда были предметом ее научных интересов. Когда в начале 90-х годов усилился натиск заимствований и сниженных средств языкового выражения, по инициативе Людмилы Алексеевны филологи развернули широкую разъяснительную работу, направленную на сохранение и развитие литературного языка. Началом движения за культуру русской речи стали встречи лингвистов — сотрудников российских университетов, ученых академических институтов. Конечно, язык развивается по своим законам, на его состояние оказывают мощное воздействие социальные факторы, но не менее важна и активная деятельность профессионалов, писателей и журналистов, учителей и служителей церкви. Российское общество преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), которое возглавила с 1999 года Л.А.Вербицкая, постоянно координирует эту деятельность. РОПРЯЛ имеет широкие планы своей дальнейшей деятельности.

В 2003 году на X Конгрессе МАПРЯЛ, который проходил на базе Санкт-Петербургского университета, Л.А.Вербицкая избрана Президентом Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы.

Мы, члены РОПРЯЛ, редакция журнала «Мир русского слова», с любовью и благодарностью поздравляем Людмилу Алексеевну Вербицкую, желаем здоровья, сил, энергии, новых творческих достижений. Желаем себе долгих лет сотрудничества с мудрым, добрым, отзывчивым человеком.

Нам хотелось бы дополнить портрет мимолётными наблюдениями за Людмилой Алексеевной — преподавателем.

Проходя ранним утром по средам и четвергам мимо стеклянных дверей аудитории, где она читает лекции, я вижу, как она поглощена общением со студентами, какое удовольствие получают и она сама, и её слушатели. При немыслимой занятости ректора и общественного деятеля, постоянных разъездах по миру, выступлениях, переговорах, необходимости представлять Университет, российское образование и нашу страну в целом, Людмила Алексеевна никогда не отменяет своих лекций — разве что иногда переносит их, меняясь с коллегами. Я уж не говорю, какой она эффективный, тактичный и творческий заведующий кафедрой. За годы руководства Людмилой Алексеевной кафедрой общего языкознания, в 2003 году отметившей своё 140-летие, на ней были организованы несколько отделений – теории языкознания, на котором готовят специалистов по теоретической лингвистике, новоэллинистики и византийской филологии, балтистики, были открыты дополнительные специализации по психолингвистике, социолингвистике, индоевропеистике, шесть магистерских направлений только по отделению теории языкознания. По западным меркам такая кафедра фактически является целым институтом.

Проф. Т.В.Черниговская,
заместитель заведующего кафедрой общего языкознания

Первый раз Людмила Алексеевна появилась в аудитории в качестве лектора, когда мы учились на первом курсе. Все боялись опоздать. Утром в четверг, в холодном феврале… Темно и сонно. Все ждали чего-то особенного, все-таки не просто лектор, а ректор! Потом стало ясно: особенность этого лектора совсем не в высоком статусе, а в высочайшем профессионализме. Людмила Алексеевна никогда не опаздывала и никогда не задерживала после лекции, ни разу не начинала лекции со слов «на чем мы остановились?», потому что всегда прекрасно знала, на чем закончилась предыдущая лекция и с чего начинать очередную. И это при таком количестве ежедневных проблем, требующих срочного решения.

Каждая лекция, казалось, продумана до самых мелочей, отточена и выверена. Конспект вести одно удовольствие. Ни одного лишнего слова, все очень четко и структурированно. Такое бывает, когда лектор читает лекцию по бумажке, но Людмила Алексеевна никогда не читала, а всегда рассказывала нам. Именно рассказывала, очень спокойно, как будто не лекцию, а историю из жизни. Сейчас даже не верится, что со студентами первого курса Людмила Алексеевна вела себя как с коллегами, с удовольствием отвечала на любые вопросы и всегда была готова к диалогу. Людмила Алексеевна почти никогда не отвлекалась, но и без лирических отступлений лекции пролетали очень быстро.

Как приятно нам, студентам, было чувствовать, с какой ответственностью Людмила Алексеевна относится к нашим занятиям. Если вдруг звонил мобильный телефон, она либо сразу отключала его, либо коротко говорила: «У меня лекция». И ясно было, что это сейчас самое важное, а все насущные дела подождут.

Что было и остается совершенно непонятным — как? Как при безумном ритме и постоянной огромной ответственности ей удаётся всегда так потрясающе выглядеть? Энергичная и бодрая (даже на первой паре зимой!), Людмила Алексеевна всегда остается очень эффектной и яркой женщиной. Женщиной, которая помимо глубочайшего уважения, достойна искреннего восхищения.

Настя Макарова,
4 курс отделения теории языкознания

Петербургский университет всегда являлся академическим учреждением, в котором учебные программы не только вобрали традиции исследований блестящего прошлого, но и напрямую связаны с постоянной научной деятельностью профессоров, доцентов и преподавателей. В связи с этим педагог и студент оказываются в схожих условиях: и тот, и другой в поиске; и тот, и другой постоянно узнают что-то новое; и тому, и другому, – что, наверное, важнее всего, – интересно. Благодаря этому между педагогом и студентом возникает взаи¬мопонимание и взаимное уважение, появляется осознание того, что они в своем роде еди¬номышленники. Общение со студентом, особенно младших курсов, позволяет чуткому педагогу в какой-то мере абстрагироваться от того, что принято называть давлением тра¬диции; без «помощи» студента это порой трудно сделать даже самому искушенному исследователю.

Людмила Алексеевна Вербицкая как никто другой осознаёт всю важность и уни¬кальность такого положения дел и показывает на своем примере, что такое контакт между педагогом и студентом, словно олицетворяя собой дух университетского образования в России.

Иногда студенту трудно понять преподавателя, ведь на уровне знаний предмета между ними пропасть, и если вовремя не заинтересовать студента, он может потерять интерес к предмету навсегда; но мне, например, никогда не было скучно на занятиях у Людмилы Алексеевны, мы улавливали всё, о чем она нам рассказывала, и заслуга в этом при¬надлежит ей – она всегда умела говорить о сложном просто, стараясь донести свои знания и увлечь ими слушающих; она никогда не предлагала готовых решений, побуждая тем са¬мым к поиску, к рассмотрению разных точек зрения и к пониманию того, как должен ра¬ботать

исследователь. На занятиях у Людмилы Алексеевны никогда не было страшно за¬дать вопрос – можно было всегда рассчитывать на внимание с ее стороны: студент нико¬гда не слышал в ответ, что он мешает вести занятие или сбивает лектора с мысли. Созда¬ётся впечатление, что она сама как будто недосказывает чего-то, наводя слушающих на размышления о предмете и ожидая от них вопросов, ответы на которые прояснили бы точку зрения педагога, даже несмотря на то, что она никогда не декларируется как един¬ственно возможная.

Занимаясь огромным количеством дел и постоянно находясь в центре внимания, Людмила Алексеевна никогда не отказывала студентам в своем участии, помощи, даже если к ней обращались с чем-то, что большинству людей даже в университете показалось бы пустяком или чем-то совершенно неважным, и уделяла им столько времени, сколько могла.

Помню, на одном из занятий по общей фонетике на первом курсе Людмила Алек¬сеевна рассказывала нам о строении речевого аппарата человека и водила указкой по ужа¬савшему нас тогда сагиттальному разрезу. Посмотрев на часы, она прервалась и, извиня¬ясь, спросила нас, сможем ли мы ее отпустить на 15 минут раньше – не в 12:10, а в 11:55. Она сказала, что в три часа дня у нее встреча в Москве и что ей нужно успеть на самолет. Мы с недоверием переглянулись и, пожав плечами, согласились отпустить Людмилу Алексеевну в Москву. К моему удивлению, когда я вернулся домой и включил телевизор, в про¬¬грамме новостей как раз велся рассказ о том, как ректор СПбГУ Вербицкая только что прилетела в Москву и решает какие-то важные вопросы в Министерстве образования. Я был потрясен: имея столь важные дела в середине дня, она не допустила и мысли о том, чтобы отменить лекцию. В тот момент я осознал, как мне повезло оказаться на фи¬лоло¬гическом факультете и попасть к такому педагогу, как Людмила Алексеевна Вербицкая.

Александр Ростовцев-Попель,
выпускник отделения теории языкознания 2006 года

В рамках целевой программы «Русский язык», утверждённой постановлением Правительства Российской Федерации (29.12.2005, № 833), ведётся теоретическое изучение проблемы русский язык как неродной, анализируется деятельность школ по обучению детей-мигрантов.

Начиная с первого номера 2006 года, наш журнал постоянно сообщает о мероприятиях, проводимых в этой области.

Публикуем стенограмму выступления вице-президента РОПРЯЛ Евгения Ефимовича Юркова, начавшего обсуждение данной проблемы на круглом столе в РГПУ им. А.И. Герцена. В обсуждении принял участие заведующий кафедрой РКИ Кубанского государственного университета, докт. филолог. наук, проф. Валерий Петрович Абрамов, доклад которого мы также публикуем.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК НЕРОДНОЙ В ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК»

Прежде всего разрешите выразить признательность руководству РГПУ имени А.И.Герцена за то, что мы встретились в такой рабочей и одновременно очень приятной обстановке, чтобы обсудить наши проблемы, связанные не только с преподаванием русского языка как неродного, но и вообще с состоянием, изучением, преподаванием и функционированием русского языка в целом. Я коротко остановлюсь на федеральной целевой программе «Русский язык» и напомню также, что в прошедшем году был принят «Закон о государственном языке». Это закон не просто о русском языке: важно помнить и понимать, что это закон о *государственном* языке. Безусловно, очень важно, чтобы русский язык по-прежнему оставался языком межнационального общения и тем инструментом, который поможет нам сохранить мир и благополучие в нашем общем российском доме. В исполнении Закона о государственном языке велика роль РОПРЯЛ.

Мы не в первый раз обращаемся к обсуждению проблемы преподавания и изучения русского языка как неродного. Валерий Петрович Абрамов поделится с нами своими мыслями и анализом того, что происходит, базируясь на данных Краснодарского края. Почему именно Краснодарского края? Потому что, как вы знаете, там эта проблема давно уже существует, и администрация края вместе с органами народного образования решает эти задачи. Безусловно, им непросто. Мы побывали там на уроках, где часть детишек — русскоязычные, часть детей — для кого русский язык является неродным, и нам было приятно увидеть, как эти проблемы могут решаться. Мы увидели настоящих подвижников, увидели подлинно профессиональный труд, на базе изучения, анализа которого можно строить профессиональную деятельность и другим коллегам, которые начинают сталкиваться с этой проблемой.

Мы с вами прекрасно знаем, что и в Москве, и в Петербурге и в других крупных российских городах с каждым годом всё больше в классе находится детей, для которых русский язык не является родным. Поэтому федеральная целевая программа «Русский язык», принятая Правительством Российской федерации на 2006–2010 годы, содержит целый раздел «Укрепление позиций русского языка как средства межнационального общения народов Российской Федерации». Этот раздел включает ряд конкретных положений. Оно нацеливает на «Исследование качества владения русским языком как неродным лицами, обучающимися в образовательных учреждениях РФ», «Проведение систематического наблюдения и анализ баланса русского национального двуя-

зычия на территории РФ», на подготовку «прогнозов и рекомендаций по вопросам функционирования русского языка как языка межнационального общения народов РФ»

Что требуется сделать? Естественно, надо создать банк данных, содержащий информацию об уровне владения русским языком как неродным лицами, обучающимися в учреждениях Российской Федерации. Естественно, должны быть созданы аналитические обзоры и практические рекомендации.

Другой пункт программы «Разработка комплекса мер по усилению роли русского литературного языка в сохранении единого образовательного и культурного пространства Российской Федерации». В нем предусматривается комплекс мер по усилению роли русского литературного языка в сохранении единого образовательного и культурного пространства и создании национально ориентированных методик, учебных программ и комплексов для различных форм обучения русскому языку как неродному. Должна быть создана научно-методическая база обучения русскому языку как неродному.

Это всё разделы научно-исследовательской работы. Она очень важна, и по «Закону о государственных целевых программах» на эти научные разработки выделено шестьсот тысяч, восемьсот тысяч и ещё девятьсот тысяч. Но вот на реализацию комплекса мер по усилению роли русского языка в сохранении единого образовательного и культурного пространства выделено на «пятилетку» почти шестьдесят миллионов рублей. На этот год, на 2006 год, выделено восемь миллионов триста тысяч рублей. Это уже приличная сумма, на которую можно и претендовать, а самое главное, рассчитывать на то, что эти деньги будут востребованы, и будут созданы коллективы, которые действительно создадут программы и практические рекомендации, как создавать комплекс мер по усилению роли русского литературного языка как средства сохранения единого образовательного и культурного пространства. Кроме этого, предусматривается, что субъекты Федерации ещё должны вложить в реализацию программы сорок один миллион за «пятилетку», и в этом году — девять миллионов. Конечно, с субъектами не всё так просто. Они, как правило, не очень охотно реагируют на то, что рекомендует центральная власть. Хотя, должен сказать, что деньги, в частности, наша администрация города выделяла и, надеюсь, будет выделять. Они пока от этого не отказываются и, по крайней мере, понимают, что эти проблемы есть, их надо решать, и если средства не выделять, то и проблемы решаться не будут, потому что, конечно, нельзя бесконечно рассчитывать на бескорыстную работу, на самоотверженную работу профессионалов. Я прежде всего рассчитываю на то, что руководство РГПУ имени А.И.Герцена пошлёт заявку и получит грант, который обеспечит и научные разработки, обеспечивающие поддержку русского языка как языка межнационального общения и поддержку тех мероприятий, на которые в Программе выделены большие средства. Я надеюсь, что можно будет опубликовать и сборник материалов этого Круглого стола, а часть выступлений поместить в журнале «Мир русского слова».

Проблема, которую мы обсуждаем, имеет политическое значение: если мы не научимся и не научим других преподавать русский язык как неродной с тем, чтобы выпускники наших школ владели русским языком как государственным языком, то есть, практически в совершенстве, — у нас не будет ни гражданского общества, ни нормального межнационального общения. Эти задачи решить только с помощью нашего самоотверженного труда абсолютно невозможно. Здесь требуются огромные государственные усилия, потому что даже если мы создадим учебные комплексы по русскому языку как неродному, с учётом специфики в национальных краях и областях, надо на издание этих учебных пособий и комплексов потратить миллиарды рублей. Но учить по обычным русским учебникам детей, для которых русский язык является неродным, это нонсенс.

Самое главное, мы обязательно — и я как член межведомственной комиссии по русскому языку при правительстве РФ заверяю вас — донесём все ваши предложения до комиссии.

В.П.АБРАМОВ

РУССКИЙ ЯЗЫК НА МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ КУБАНИ И В СТРАНАХ СНГ

Валерий Петрович Абрамов
Доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета Кубанского государственного университета, член Правления РОПРЯЛ

В Краснодарском крае и Республике Адыгея проживают россияне более сорока национальностей и тысячи мигрантов из разных государств СНГ. Одни диаспоры оформились на Кубани всего лишь несколько лет назад (турки-месхетинцы), другие живут десятилетиями (корейцы, курды, вьетнамцы и др.), а третьи — веками и даже тысячелетиями (греки, армяне, езиды, ассирийцы и др.). Поэтому русский язык выступает в роли языка-посредника при общении людей разных национальностей независимо от их гражданства. Однако тысячи вновь прибывших на Кубань беженцев и вынужденных переселенцев слабо или вовсе не владеют русским языком. Для детей в 57 школах и 6 дошкольных учреждениях используются специальные учебники, проводятся дополнительные и индивидуальные занятия, а для взрослых организованы факультативные курсы и кружки по русскому языку. Но многие национальные общины игнорируют или открыто бойкотируют изучение русского языка по политическим (националистическим и экстремистским) мотивам. Это преимущественно общины турок-месхетинцев и крымских татар. В 13 южных районах края в связи с этим сложилась напряженность в межэтнических отношениях, появилось множество правовых, социальных, экономических проблем.

Современная ситуация, связанная с преподаванием русского языка как *неродного* (т.е. как языка страны проживания, в отличие от русского языка как *иностранного*), сложилась следующим образом: при муниципальных образовательных учреждениях нет специалистов, регулирующих актуальную и важную сферу школьного образования — преподавание русского языка как неродного. Так, в муниципальных органах образования традиционно курируется учебная работа по математике, истории, физике и т.п., но никто специально не занимается проблемой обучения русскому языку как неродному. Другими словами, руководители отделов, занимающихся этой работой, не имеют достаточно ресурсов и опыта в этой области. Что не способствует решению проблемы массового обучения русскому языку как неродному.

В Краснодарском крае в данный период, период эмиграционного взрыва, некоторые школьные классы в Адлерском, Туапсинском, Крымском районах на 80 % состоят из учеников, для которых русский язык является неродным. В связи с этим возникает проблема «учитель — учебник — ученик». Школьный учитель при этом имеет стандартное филологическое образование, предусматривающее преподавание русского языка в качестве родного. Также отсутствует специализированный учебник,

ориентированный на учеников такой категории, для которых русский язык неродной. Ученик, имеющий интенцию изучать русский язык, остается «не охваченным» программно-методическим обеспечением учебного процесса.

Результаты сдачи ЕГЭ по русскому языку в такой ситуации оставляют желать лучшего. Я полагаю, что следует предусмотреть вариант ЕГЭ специально для школьников, которые изучают русский язык как неродной. Этот вариант должен учитывать специфику контингента учеников, ориентироваться на облегченный образовательный стандарт.

Возможно, это могло бы повысить число желающих изучать русский язык как неродной. Например, в г. Крымске, где компактно проживают турки-месхетинцы, сложилась такая ситуация, при которой родители не хотят, чтобы их дети изучали русский язык по школьной программе, ограничиваясь знаниями, полученными при бытовом общении (на рынке, транспорте и т.д.), что не всегда соответствует даже элементарному и базовому уровням владения русским языком (по стандартам системы ТРКИ — тестирования по русскому языку как иностранному).

Такое положение дел является препятствием для продуктивного вхождения этой группы школьников в современную российскую культуру и ведет к их частичной социальной изоляции и, как следствие, к межкультурной напряженности.

Школьные учителя при этом занимают активную позицию: ходят по домам, приглашают детей в школы, но эти действия оказываются малоэффективными. Поэтому можно утверждать, что процесс социализации данной группы учеников пока мало продуктивен.

Носители русской культуры, которую можно квалифицировать как культуру евразийскую, открытую для понимания и сотрудничества, не видят встречного активного стремления к взаимодействию и вынуждены реагировать критически, что дает повод для появления радикальных реакций, в том числе — националистических.

Так возникает целая проблемная область для работы тысяч социальных педагогов, психологов, конфликтологов, политологов и т.п., а ведь кризисные явления можно было бы решать на уроках русского языка и литературы. Во всяком случае, попытаться это делать.

Министр образования и науки РФ А. Фурсенко, общаясь с журналистами Кубани, рассказал о концепции развития системы образования, реализуемой Правительством России. По его словам, «национальные проекты, инициированные Президентом страны В.В. Путиным, — безусловно, самая горячая из обсуждаемых сейчас в области тем. Проект образования, похоже, будет определять жизнь школы — от начальной до высшей — в ближайшие годы» (Педагогический вестник Кубани: Информационно-методический журнал. 2005. № 4 (34)). Он также представил членов Совета, созданного при министерстве образования и науки РФ «для обсуждения и проведения в жизнь единой государственной политики в области образования» как основного совещательного органа, который должен вместе с министерством ответить на вопросы: что должно делать государство в ближайшие годы для обеспечения развития образования? что ждет население от гражданского общества в свете реализации национального проекта?

Предполагается, что этот Совет возьмет на себя роль координатора, выступит в роли эксперта при разработке и обсуждении законодательных и нормативных актов и, таким образом, станет не просто очередным «статусным» органом, но действительно активным участником преобразовательных процессов.

Однако пока на региональном уровне не видно движения по «продвижению в жизнь» этой государственной политики. Надеемся, что будут также созданы инструменты для реализации задуманного. Тем более что проблема обучения русскому языку как неродному актуальна не только для Кубани. Не меньшие сложности существуют в Москве, Санкт-Петербурге, Сибирском регионе… Вероятно, нельзя забывать о следующем: законы, регулирующие процессы миграции на территорию России иностранцев, должны включать в себя пакет подзаконных актов, направленных на обеспечение социализации этих групп людей и их детей в русскоязычной среде.

Уже несколько лет в Сочи работает Всероссийский семинар-совещание «Целевая программа «Русский язык». Пути и средства ее реализации в Краснодарском крае». В нем участвуют ведущие ученые-языковеды, этнографы, государственные и общественные деятели из Санкт-Петербурга, Москвы, республик Северного Кавказа, Краснодарского края, учителя русского языка и литературы школ края.

Семинар утвердил Краевую целевую программу «Русский язык», разработанную специально созданным для этого Координационным советом по русскому языку при департаменте образования и науки Краснодарского края.

В качестве одного из основных направлений Краевой целевой программы «Русский язык» обозначено «упрочение национально-русского многоязычия, языковая адаптация беженцев, вынужденных переселенцев в социально-культурных сферах», а межнациональные проблемы предлагается решать путем создания этнопедагогических классов и национальных школ и привлекать для этого средства из федерального, регионального и муниципального бюджетов.

Научно-педагогическая база в Краснодарском крае и Республике Адыгея располагает достаточным потенциалом для реализации программы. Система образования Краснодарского края обоих субъектов Федерации укомплектована хорошо подготовленными и активно сотрудничающими друг с другом научно-педагогическими кадрами русистов. Кубанские вузы не теряют нить сотрудничества в области науки и образования с научными учреждениями соседних с Кубанью стран Содружества. Так, в открывшийся в 1994 г. при КубГУ совет по защите докторских диссертаций был избран ученый-русист из Донецкого университета, здесь защищали диссертации по русскому языку несколько соискателей из Украины и Грузии.

Мотивации использования русского языка как языка межнационального общения в странах СНГ многочисленны и убедительны, а сбалансированная общая языковая политика пока не выработана. Медлить с ее созданием и реализацией — значит оказаться в большом проигрыше, потому что движение наших народов в сторону экономической и культурной интеграции так или иначе будет осуществляться, но уже с гораздо большими затратами и трудностями. А пока к нам на филологический факультет едут учиться не только студенты из Китая, Южной Кореи, США, стран Африки, но и из Грузии и Азербайджана.

Объективные решения о том, в каком объеме и на каком уровне необходимо поддерживать преподавание русского языка в каждом государстве Содружества, должны учитывать данные широких социологических исследований. Например, при опросе граждан этих стран об их отношении к русскому языку как к языку межнационального общения можно предложить вопрос: «Хотите ли Вы, чтобы Ваши дети в школе изучали русский язык?»

Очень важно не замалчивать еще одну проблему, а именно — проблему *русского языка как родного* для граждан новых государств, образовавшихся на территории бывшего СССР. Однако этот вопрос должен рассматриваться в пакете программ по поддержке национальных языков и культур нетитульных, миноритарных народов всех стран СНГ. На Кубани процесс создания национальных школ (классов) происходит спонтанно, в основном силами самих национальных меньшинств.

В 20–30-е годы XX века при кубанском педагогическом институте (нынешнем Кубанском университете) успешно работало отделение украинского языка и литературы, среди выпускников которого было немало известных ученых-филологов, писателей, педагогов (в том числе академик Федор Яковлевич Прийма, затем много лет работавший в Пушкинском доме — отделении Института русской литературы Академии Наук). На этом украинском отделении выпускались специалисты по двум языкам — русскому и украинскому. Некоторые из них потом преподавали русский язык как иностранный в 1-м и 2-м Московском комвузах будущим руководителям зарубежных коммунистических партий. Это говорит о высоком качестве профессиональной подготовки именно двуязычных филологов.

На филологическом факультете КубГУ мы обосновываем проект возрождения этого отделения, на котором будут готовить учителей русского и украинского языков. Идея подготовки специалистов одновременно в области двух языков (государственного и языка живущего рядом народа) имеет большую перспективу. На такие отделения будут поступать, несомненно, наиболее одаренные в плане изучения языков студенты, которые впоследствии составят гуманитарную элиту демократического полиэтнического общества.

Теория так называемого «полуязычия» (т.е. одинаково слабого владения и родным, и неродным языком), которое возникает якобы в результате двуязычия, вызывает большие сомнения. Причины полуязычия следует искать в невозможности получения человеком (по разным обстоятельствам) хорошего образования даже на одном языке. Опыт свидетельствует, что если человек не может выучить иностранный язык, то он не способен овладеть на хорошем уровне и своим родным языком. Действительно, не у всех людей есть способности к изучению языков (как не у всех есть музыкальный слух или математические таланты). Поэтому двуязычие, конечно же, не может и не должно быть поголовным требованием.

На филологическом факультете КубГУ наиболее сильные студенты обучаются на отделении русского языка как иностранного с изучением, кроме русского, иностранных языков (европейских и восточных).

Мы не политики, мы преподаватели и ученые-языковеды. Поэтому пусть правительства и парламенты договариваются между собой, а мы будем работать в нашей области.

Если у народов есть интерес друг другу, то общение между ними будет происходить и — на взаимно оптимальных условиях.

Сейчас на страницах газет и журналов, на различных конференциях эмоционально обсуждаются наболевшие вопросы: общее снижение грамотности и культуры речи в российском обществе, язык СМИ, издание учебной и справочной литературы, школьные и вузовские программы по русскому языку и литературе. Обеспокоенность русистов можно выразить в тезисе: «Сохранение русского языка — это сохранение духовной жизни русского народа».

Языковая политика — это меры, принимаемые государством или общественной группой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков, для введения новых или сохранения старых языковых норм.

Состояние уровня грамотности и высокой культуры словесности в обществе во все времена поддерживалось определенными целенаправленными усилиями со стороны государства. Конечно, школа требует больших затрат. Зато она и отдает всегда сторицею. Мысль о том, что битвы на полях сражений выигрывает не полководец, а школьный учитель, настойчиво внушал своим соотечественникам мудрый политик «железный канцлер» Отто фон Бисмарк.

Наблюдая за уровнем подготовки школьников, наших абитуриентов, мы убедились, что за последние десятилетия очень заметно понизился уровень владения русским языком. В школьной практике детей труднее всего научить монологической речи. Они не могут построить цельное самостоятельное выступление на заданную тему и больше всего не любят писать сочинения. Смотрите, что сейчас повсеместно происходит: люди перестали писать друг другу письма, общаются по мобильникам. Исчезла эпистолярная культура в бытовом общении. Слабый уровень владения нормами литературного языка, конечно, во многом связан с отсутствием в массовом предъявлении образцовых текстов на русском языке.

Кстати сказать, по результатам ЕГЭ в Краснодарском крае около 2% школьников написали задания блока «С» с использование ненормативной лексики. Вывод: пресловутая демократизация речи привела к утрате представлений о том, что такое литературный язык и его нормы. И, завершая обсуждение проблем ЕГЭ, также необходимо отметить и такой факт: учителя словесники вынуждены тратить большинство учебных часов, тренируя учеников выполнять типовые экзаменационные задачи. Но из-за этого не хва-

тает времени на то, чтобы пройти весь материал школьной программы. Итак, как это ни парадоксально звучит, сложившиеся требования ЕГЭ и предлагаемые в его рамках тестовые задания, по-видимому, не улучшают ситуацию с повышением уровня владения русским литературным языком, формированием общей культуры речи учащейся молодежи. Нужно не отпугивать детей «олимпиадной» сложностью заданий, а прививать им любовь к русскому языку, всячески развивать интерес к нему, учить понимать его красоту, связь с богатой русской культурой. Тогда выработается эффективная тактика, когда сформирована общая правильная стратегия.

В Санкт-Петербурге прошел Второй фестиваль русской речи «Русское слово», который проводится Санкт-Петербургским государственным университетом и Российским обществом преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ) в рамках долгосрочной федеральной программы «Русский язык и современная Россия» при содействии Благотворительного фонда В.Потанина.
Проведение Второго фестиваля включало целый ряд мероприятий, которые были направлены на изучение современного состояние русского языка, на повышение интереса к нему, на воспитание чуства ответственности за его использование как государственного языка Российской Федерации.

25 мая в Санкт-Петербурге завершился Второй фестиваль русской речи «Русское слово»

В 2005–2006 годах был проведен мониторинг состояния русской речи в современной России, результат которого — издание сборника аналитических материалов «Современная русская речь: состояние и функционирование». Особым явлением научной и культурной жизни стало проведение Круглых столов «Беседы любителей русского слова: православное духовенство о языке» и «Русский язык как неродной — путь к жизненному и профессиональному успеху».

Одно из традиционных мероприятий — фестиваль русской речи среди иностранных студентов вузов России, цель которого — привлечение интереса иностранных учащихся к изучению русского языка, культуры, традиций русского народа, истории России, а также формирование в российском обществе позитивного отношения к иностранцам. 170 студентов из 52 стран мира, достигшие наилучших результатов в овладении русским языком, приехали в Воронеж для участия в конкурсной программе.

Главное событие фестиваля — конкурс на лучшее владение русской речью, который проводился с декабря 2005 года для трех категорий участников: 1) школьники и учащиеся средних специальных учебных заведений (училищ, лицеев, колледжей и т.п.), 2) студенты высших учебных заведений РФ, 3) все желающие независимо от возраста, профессиональ-

ных интересов или образования. Информация о проведении первых двух туров была опубликована в предыдущих номерах журнала.

В Санкт-Петербург приехали 72 финалиста. В заключительном туре были как письменные (например, исправить ошибки в тексте), так и устные (составить монолог на предложенную тему) задания. В итоге по 6 человек из каждой категории вышли в финал конкурса, и на церемонии закрытия фестиваля среди них должны были определиться лучшие.

25 мая в Петровском зале СПбГУ состоялся Круглый стол «Языковая личность журналиста и языковая политика в современной России», в работе которого приняли участие представители ведущих СМИ России, научной общественности, деловых кругов, а также конкурсанты. Обсуждался язык СМИ, его роль в воспитании толерантности, необходимость отказа от речевой агрессии, а также творчество журналистов.

Заключительным мероприятием фестиваля стала торжественная церемония, которую открыла ректор СПбГУ, президент РОПРЯЛ академик РАО Л.А.Вербицкая: «Вот уже второй раз Санкт-Петербургский государственный университет принимает у себя участников и гостей фестиваля русской речи „Русское слово“. Всех нас объединяет любовь к русской речи, к русскому слову, стремление сохранить наш язык и творчески его использовать. Русский язык сегодня — это еще и ключ к жизненному и профессиональному успеху. Именно эти слова стали девизом Второго фестиваля русской речи».

С приветственным словом к участникам обратилась Л.А.Путина: «Язык — форма духовного бытия нации; он один обеспечивает возможность национального самосознания, одновременно выполняет важнейшие государственные функции. Русский язык — наше духовное наследие, часть каждого из нас и средство взаимопонимания и общения всех народов России. Благодаря русскому языку русская культура, наука, образование открыты всему миру. Фестиваль русской речи объединяет людей, рождает ощущение их родственной близости, взаимопонимание, уважение друг к другу, не оставляет места для вражды и неприязни. Именно поэтому фестиваль „Русское слово“ имеет особое значение не только для его участников, но и для всего российского общества».

Губернатор Санкт-Петербурга В.И.Матвиенко отметила, что «фестиваль не случайно родился на берегах Невы — в городе, где творили великие мастера слова. Петербург бережно хранит традиции русского языка, а также особую духовность, без которой немыслимо представить наш город. „Петербургская речь“, „петербургский стиль“ стали особым явлением русской культуры».

От имени традиционных конфессий произнес слово викарий Санкт-Петербургской епархии архиепископ Тихвинский Константин. В празднике приняли участие руководители Министерства образования, ведущие филологи и журналисты России, консулы зарубежных стран, представители деловых кругов.

Высшую награду фестиваля — бронзовый колокол «Русское слово» (скульптор Г.П.Постников) — в конкурсе школьников получил двенадцатилетний Александр Смирнов из Самары (школа № 133). Несмотря на столь юный возраст он на равных состязался со старшими. Второе и третье места заняли Мария Краснова (г. Казань, гимназия № 8) и Алёна Григорьева (Карачаево-Черкессия, г.Черкесск, школа № 6). Среди студентов первой была Мария Сафонова (Московский педагогический гос. университет), второе и третье места заняли соответственно — Марина Морозова (Ульяновский гос. технический университет) и Роман Панов (Хабаровская гос. академия экономики и права). В конкурсе для всех желающих лучшим был признан Борис Касаткин из Ульяновска, а второе место поделили Лада Александрова (г. Великий Новгород) и Вера Ельцова (Ивановская обл., г. Тейково), набравшие равное количество баллов. Все финалисты получили дипломы, медаль фестиваля и ценные подарки, предоставленные спонсорами.

На торжественной церемонии были также вручены награды в номинации «За вклад в развитие и сохранение русского языка» поэту В.А.Сосноре, драматургу С.А.Носову и журналу

«Иностранная литература» (главный редактор А.В.Михеев). В номинации «За профессиональное владение русским языком и высокую речевую культуру» были награждены журналисты З.Ю.Курбатова (информационная программа «Вести-Петербург»), Л.Г.Парфенов (журнал «Русский Newsweek») и А.Н.Нечаев (газета «Комсомолец Каспия»).

И все же фестиваль — это не только конкурсы и награды, это праздник общения: возможность обсудить за Круглым столом с ведущими филологами и журналистами проблемы языковой политики в современной России, узнать мнение представителей духовенства о сущности слова, познакомиться с городом на Неве и просто поговорить по душам на встрече за чашкой чая.

Русская речь стала не просто предметом обсуждения, а той силой, которая объединила всех участников фестиваля. Из их уст прозвучало, что каждый из нас — независимо от возраста и социального статуса — несет ответственность за сохранение русского слова, за его настоящее и будущее. Поэтому фестиваль продолжает жить, а его организаторы уже готовятся к следующей встрече в 2008 году. Ведь, как поется в «Фестивальной песне» (слова Е.Е.Юркова),

Белые ночи снова пророчат нам
Радость сердечных встреч.
Мы сохраним тебя, Наше Высочество,
Добрая русская речь.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ИЮЛЬ–ДЕКАБРЬ 2006

Июль

17 160 лет со дня рождения русского путешественника, этнографа Николая Николаевича Миклухо-Маклая (1846–1888)

24 180 лет со дня рождения русского фольклориста, историка и библиографа Александра Николаевича Афанасьева (1826–1871)

26 55 лет назад найдена первая берестяная грамота в Новгороде

28 200 лет со дня рождения русского живописца Александра Андреевича Иванова (1806–1858)

Август

6 150 лет со дня рождения русского художника Аполлинария Михайловича Васнецова (1856–1933)

27 День кино
110 лет со дня рождения русской актрисы, народной артистки СССР Фаины Григорьевны Раневской (1896–1984)

Сентябрь

1 День знаний

8 Международный день грамотности

14 140 лет со дня открытия Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского

25 100 лет со дня рождения русского композитора Дмитрия Дмитриевича Шостаковича (1906–1975)

Октябрь

1 Международный день музыки

5 День учителя

19 195 лет со дня открытия Царскосельского Лицея

Ноябрь

2 100 лет со дня рождения русского философа и писателя Даниила Леонидовича Андреева (1906–1959)

4 День народного единения

11 Международная неделя науки и мира
185 лет со дня рождения Федора Михайловича Достоевского (1821–1881)

17 Международный день студентов

19 295 лет со дня рождения русского ученого, естествоиспытателя, поэта, художника Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765)

22 205 лет со дня рождения русского писателя, лексикографа, этнографа Владимира Ивановича Даля (1801–1872)

28 100 лет со дня рождения русского филолога и общественного деятеля Дмитрия Сергеевича Лихачева (1906–1999)

Декабрь

10 185 лет со дня рождения русского поэта, писателя Николая Алексеевича Некрасова (1821–1878)

12 140 лет со дня рождения историка и писателя Н. М. Карамзина

[ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ]

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

В.И.КОНЬКОВ

Владимир Иванович Коньков

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории речевой деятельности и языка массовой коммуникации ф-та журналистики СПбГУ

Сегодня СМИ — наиболее активно развивающаяся речевая сфера. Здесь происходят, во-первых, резкое увеличение количества речевой продукции, во-вторых — качественные изменения, требующие самого пристального внимания.

В настоящее время наблюдается резкое снижение интереса к письменной художественной литературе вообще и к русской классической литературе в частности. Одновременно с этим растет интерес к массовой развлекательной литературе, к речевым ресурсам Интернета, к речевому материалу, порождаемому телевидением и радио, многочисленными печатными изданиями.

Две глобальные причины определяют специфику сложившегося положения дел. Первая причина — это развитие технических средств, дающих возможность легко порождать в большом количестве устную речь и позволяющих легко оперировать ею: хранить, редактировать, подвергать различного рода обработке. Поскольку устная речь является наиболее естественной формой существования языка, то общество испытывает тяготение именно к этой, устной, разновидности речи, а не к письменной. Мы неизбежно будем становиться обществом, которое все больше будет слушать и смотреть и все меньше читать.

Вторая причина, обусловившая повышение интереса к массовому тексту и падение интереса к литературе, — кризис образования. Ситуация с изучением русского языка и русской литературы в стране постоянно ухудшается и приобретает угрожающие очертания. Выпускник средней школы с каждым годом становится все менее грамотным, он с каждым годом теряет знания по русской литературе, он все более испытывает затруднения в свободном владении и письменной (как при чтении, так и при письме), и устной речью. Он все меньше обращается к первоклассным письменным текстам, которые требуют от него духовного напряжения, и все больше обращается к легко воспринимаемому речевому материалу, поставляемому ему средствами массовой информации.

Какую же речевую продукцию поставляют обществу наши СМИ? Какие тенденции в развитии речевой практики СМИ вызывают наиболь-

шую тревогу? Каковы самые важные проблемы в сфере культуры русской речи в газете, на радио и телевидении?

Почему-то представление о культуре речи в СМИ связано прежде всего с такими проблемами, как использование иностранных слов, грамматическая и орфоэпическая правильность речи. Такие проблемы существовали всегда, существуют и сейчас. Однако в настоящее время на первое место выходят проблемы совершенно иного плана, прежде всего это проблемы этические.

Самое важное — наша публичная речевая среда чрезмерно агрессивна. Если раньше речевую агрессию мы встречали только в бытовой форме речевого поведения (ссора, скандал) и при этом осуждали ее, то теперь агрессия не является редкостью даже в публичной речи. Мы говорим не об отдельных непреднамеренных случаях проявления речевой агрессии, что вполне объяснимо. Речь идет о вещах, гораздо более опасных. Появляются целые издания, телепередачи, для которых агрессивный тип речевого поведения является главным, конституирующим.

Трудно понять, почему в течение нескольких лет выходила газета «Лимонка», где легко можно было встретить прямое оскорбление, призыв к убийству, образцы циничного речевого поведения, демонстрирующего открытое пренебрежение к общепринятым нравственным и этическим ценностям. Насыщенные нецензурной лексикой, эти тексты создают атмосферу вседозволенности, ставя общество на грань саморазрушения. Публицистический талант Э. Лимонова здесь был употреблен во зло. Изрядной долей агрессивного речевого поведения отличаются и многие другие оппозиционные издания, например, газеты «Советская Россия», «Дуэль».

В современных условиях очень часто элементом речевой практики СМИ становятся передачи, посвященные тому или иному политику, речи политических деятелей — это наша речевая повседневность. Если говорить о культуре нашей политической речи, то здесь очень показательна судьба В. В. Жириновского. Безусловно, это самая яркая речевая личность на нашем политическом небосклоне. Беда в том, что эта яркость сформирована целиком и полностью на агрессивном типе речевого поведения. В. В. Жириновский привнес в устную публичную речь те стратегии и тактики речевого поведения, которые раньше были характерны только для бытовой ссоры, скандала. К сожалению, наша политическая элита не выдвинула в противовес ему столь же яркую и столь же наступательную в речевом отношении личность, но не выходящую за пределы этических норм. Что же касается наших СМИ, то они, тоже к сожалению, во всю эксплуатируют речь В. В. Жириновского, поступаясь ради сиюминутных интересов нравственным здоровьем общества (вспомним известную передачу А. Любимова).

Еще большее сожаление вызывает тот факт, что идея агрессивного речевого поведения лежит в основе многих телевизионных передач. Так, персонажи бытовых сюжетов, разыгрываемых в телепередаче «Окна», демонстрируют образцы речевого поведения, в нормальном быту абсолютно неприемлемые. И даже наличие талантливого ведущего передачу в целом не спасает. Создается впечатление, что понятие культуры речи к быту и личной жизни граждан никакого отношения не имеет. Однако это представление в корне противоречит истории русской культуры. Повседневная агрессивная, тем более обсценная, речь всеми слоями русского общества во все времена его существования осуждалась. Традиции русской речевой культуры, складывавшиеся в значительной степени в рамках православной культуры, предполагали взвешенное слово, направленное на гармонизацию отношений.

Крайне убогую и агрессивную бытовую речь демонстрируют различные реалити-шоу типа «Дом-2».

Представляется, что ничем не компенсированное тиражирование ущербной бытовой речи в популярных телепередачах имеет отрицательное значение, отягощая и без того не простую речевую ситуацию, сложившуюся в обществе.

Вряд ли приемлем тот тип речевого поведения, который лежал в основе телепередачи «Слабое звено». Более чем сомнительным выглядит речевое воплощение концепции телепередачи «Школа злословия». Общество в данном случае

вправе было бы рассчитывать на то, чтобы получить от писателей, мастеров слова, профессионалов речи, по-настоящему высококлассную устную публичную речь. Увы, ожидания не оправдались.

Разумеется, наше телевидение дает и прекрасные образцы хорошей русской речи. В качестве примера можно привести передачи типа «Вечера в Политехническом», где есть ведущий, владеющий искусством устной публичной непринужденной речи, и его собеседник, также профессионально владеющий речью, доброжелательно настроенный, абсолютно естественный в своем речевом поведении. Искусство устного рассказа демонстрирует Э. Радзинский, участники передачи «Блеф-клуб». Число примеров можно легко увеличить, но, при всем этом благополучии, настороженность вызывает все шире распространяющаяся речевая агрессивность.

Чем можно объяснить сложившуюся ситуацию?

Средства массовой информации не живут изолированной от общества жизнью. Работающие здесь специалисты заканчивают наши средние школы и наши вузы. Потребитель речевой продукции, на которого вынуждены ориентироваться СМИ, тоже закончил нашу среднюю школу и наш вуз. Кризисное положение в сфере образования поэтому в решающей степени определяет и речевую практику СМИ. Не могут СМИ иметь высокую речевую культуру в стране, где плохо учат родному языку и литературе.

Ситуация в настоящее время ухудшается в связи с введением ЕГЭ. Решение о введении ЕГЭ является решением политическим и само по себе отрицательного влияния на изучение русского языка и литературы оказать не может. Дело в другом. Трагическими окажутся последствия той концепции проведения ЕГЭ по русскому языку, которая сейчас повсеместно внедряется в практику преподавания.

Чему должна научить школьника средняя школа, если вести речь о родном языке? Выпускник средней школы должен уметь читать, писать и говорить. Соответствующие коммуникативные навыки и должен выявить и оценить, если исходить из здравого смысла, ЕГЭ. Но та система проведения ЕГЭ по русскому языку именно проверку коммуникативных навыков, вопреки утверждениям разработчиков, игнорирует.

ЕГЭ начисто, полностью, на сто процентов, игнорирует устную речь. Экзамен проводится исключительно в письменной форме. Школа, которая готовит к экзамену, соответственно, будет меньше уделять внимания устной речи, и очень скоро это приведет к речевому одичанию населения. И это в стране, где всегда ценилось устное публичное слово! Наше общество будет слушать, смотреть и — молчать!

Основа экзаменационной концепции — тест. Ни один тест не может более или менее приемлемо выявить коммуникативные навыки. Речевые ситуации, создаваемые в тесте, носят упрощенный, искусственный характер и не встречаются в реальной жизни.

Так называемая творческая часть, мини-изложение с элементами комментария объемом 150 слов, — самая неудачная часть теста. Объем текста, который должен написать испытуемый, слишком мал для того, чтобы можно было определить, какими коммуникативными навыками он обладает.

Очень спорной выглядит идея проведения экзамена по русскому языку в отрыве от экзамена по русской литературе.

Все эти и другие недостатки предлагаемой концепции ЕГЭ по русскому языку лежат на поверхности. Совершенно не обязательно быть специалистом, чтобы обратить на них внимание. Стоит только удивляться тому безразличию, с которым относятся все без исключения партии к проводимой реформе системы образования. Но от того, как будут учить родному языку, зависит не только качество речевого материала в СМИ. От этого зависит качество культуры нации в целом.

А.Н.ПОТСАР

ОТРАЖЕНИЕ ПРИРОДЫ МАССОВОГО ТЕКСТА В ЕГО РЕЧЕВОМ ОБЛИКЕ

Анна Никитична Потсар
Старший преподаватель кафедры теории речевой деятельности и языка массовой коммуникации факультета журналистики СПбГУ

В связи с постоянным развитием средств массовой коммуникации (СМК) в современной речевой практике становится все больше и больше «массовых» текстов, значимость которых для осознания актуальной действительности отмечается философами и социологами. Тексты массовой коммуникации во многом определяют то, как мы воспринимаем окружающий мир, отражая структуру общества и его ценности, создавая образы героев и антигероев, воспроизводя и поддерживая систему общественных стереотипов. Массовая словесность ощутимо влияет не только на повседневную речевую практику, но и на художественную литературу.

Именно в сфере массовых текстов вырабатывается средневзвешенный язык эпохи с его общепринятыми и привычными нормами (в отличие от языка художественной прозы, ориентированной скорее на решение особых стилевых и/или идеологических задач). На современном этапе развития общества массовая словесность является необходимым и полноправным компонентом словесности в целом. Находясь структурно в промежуточном положении между фольклором (в широком понимании) и художественной литературой, массовая словесность вбирает в себя те речевые приемы и смысловые компоненты из указанных систем, которые будут восприняты сознанием массовой аудитории.

Внутри современной массовой словесности наблюдается постоянно усиливающаяся дифференциация, как содержательная, так и стилистическая. Продукция СМК, представленная (в печатной форме) журналистскими и паралитературными текстами [детективы, фантастика и т.п. — *Прим. ред.*], производит впечатление неупорядоченного, хаотичного речевого массива. Имеющиеся исследования языка СМИ показывают, что мы не можем дать массовому тексту характеристику, состоящую из перечня языковых особенностей. Возникает закономерный вопрос: действительно ли этот массив является неупорядоченным? Можно ли выявить общее начало, которое объединяет всю текстовую продукцию средств массовой коммуникации и определенным образом сказывается на речевом облике массового текста?

Речевой облик любого массового текста полностью подчинен тем функциям, которые выполняет массовая словесность в целом, и наибо-

лее очевидным образом эти функции сказываются на типе представления в тексте человеческой личности как одного из наиболее значимых компонентов картины мира.

Текст, предназначенный для массовой аудитории, всегда учитывает усредненный образ адресата, а следовательно, содержит сведения, идеи и образы, апеллирующие к некоторой умозрительной общности, основанной на обыденном сознании. Картина мира, формирующаяся в массовых текстах, обращена в первую очередь к социальной действительности, в ней субъектом является член социума. СМК первыми сообщают о существовании того или иного социального явления, того или иного социального типа. Они как бы узаконивают это существование и первыми пытаются дать оценку новым для общества фактам. Безусловно, эта оценка не претендует на глубину философского обобщения, она является скорее практической, связанной с нормами повседневного человеческого существования, с категориями обыденного мышления — и тем самым ориентирована на социальный контекст и адаптацию человека к меняющимся социальным условиям.

Для жизни в обществе, для адаптации к обществу наиболее существенным представляется понятие социального статуса. Именно на статусные характеристики, в первую очередь, ориентированы массовые тексты, тем самым ограничивая представление о человеческой личности нормативными категориями социального характера.

Концептуальное сближение внешне далеких друг от друга медийного и паралитературного текстов опирается в первую очередь на очевидное сходство в представлении человеческой личности, подтверждаемое анализом всей совокупности массовых текстов. Как в публицистическом, так и в паралитературном тексте образ человеческой личности предстает редуцированным, сочетающим вымышленные черты и черты, которые читатель не может с уверенностью отнести к вымышленным или реальным. В текстах СМИ происходит унификация личности, сведение ее к набору релевантных в данной коммуникативной ситуации признаков, иными словами — ее обеднение: «Личность, которая в художественном тексте представляется в виде многоплановой семантической структуры, в публицистическом тексте представляется одноплановой»[1]. Добавим, что это утверждение применимо и к текстам паралитературы, которая именно на основании анализа представления персонажа может быть выведена за рамки литературного дискурса. Ц. Тодоров пишет о литературном дискурсе: «Согласно первому [определению литературы], отличительная особенность литературного дискурса заключается в том, что составляющие его предложения не являются ни истинными, ни ложными, но создают представление о вымышленной действительности. <…> Согласно второму определению, отличительной чертой литературного дискурса <…> является сосредоточение внимания на сообщении ради него самого»[2]. Приведенное определение применимо только к той литературе, которую принято называть элитарной. Паралитература не является высказыванием ради самого высказывания, сближаясь, как уже было сказано, по своей воздействующей функции с текстом СМИ.

Отметим, что Ю. В. Рождественский считает формирование «культа эталонных личностей» одним из риторических приемов массовой информации: «Эталонная личность как текст живет по своим законам, отличным от законов реальной жизни этой личности»[3]. Таким образом, фигура реального человека (актера, политика, иного публичного деятеля), становясь эталонной в текстах СМК, начинает представлять определенную картину мира и определенную систему ценностных ориентаций, значимую для общества. За эталонной личностью как текстом аудитория не может распознать реальную личность, живого человека. Поэтому граница между реальностью и вымыслом в СМК в восприятии аудитории размывается. Реальная личность становится объектом мифологизации: «Архетипическое восприятие в журналистике выражается в форме мифотворчества, возвышении, укрупнении и мифологизации определенных фигур, когда они могут представать более однородными и унифицированными за счет суммирования различных элементов»[4].

Общий принцип построения речевой характеристики персонажа не зависит от реальности/вымышленности этого персонажа. Более того, реальные персонажи в дискурсе СМК воспринимаются скорее как вымышленные. СМК — это сфера бытования имиджей, то есть целенаправленно сконструированных образов. Поэтому параллель между речевой структурой текстов, описывающих реальность, и речевой структурой текстов, описывающих вымышленные события с участием вымышленных персонажей, оказывается не только оправданной, но и целесообразной. Вымышленная личность, представленная в паралитературном тексте, сформирована на основе узнаваемых аудиторией стереотипов, причем, как правило, персонажи наделены упрощенной характеристикой, в которой укрупнены наиболее значимые черты и опущены второстепенные. Это служит все той же цели воздействия на аудиторию.

Представление персонажа в паралитературном тексте является значительно более объемным, нежели представление персонажа в отдельно взятом тексте СМИ. Однако увеличение объема текста не приводит к качественной трансформации речевой структуры персонажа. Если взять в качестве сопоставимой с романом по объему единицы не один газетный или журнальный текст, посвященный одному персонажу, а совокупность всех появлений одной фигуры на страницах СМИ, мы получим более отчетливую картину соответствия. Можно утверждать, что речевая структура персонажа паралитературы сопоставима с речевой структурой персонажа в совокупности текстов СМИ, отнесенных к одному действующему лицу.

Текстовая модель человека и ее элементы — это всегда концепция, точка зрения. Она выражается разными структурами со своей символикой и целенаправленностью. Как писал М. М. Бахтин, «в художественном произведении в основе реакции автора на отдельные проявления героя лежит единая реакция на целое героя, и все отдельные его проявления имеют значение для характеристики этого целого как моменты его»[5].

В сфере массовой коммуникации действует универсальный принцип выбора героя: персонаж должен соответствовать критериям, определенным функциями массового текста. Первый критерий — это система ценностей (то есть норм и запретов), действующая в обществе. Второй критерий — система ценностей того или иного издания (идеологические принципы, которые изложены в так называемой концепции издания). Два указанных критерия и лежат в основе выбора персонажа и разработки речевой структуры этого персонажа в массовом тексте.

Развиваясь от информационных сообщений к очеркам, увеличиваясь в объеме, трансформируясь от жанра к жанру, представление человека в массовых текстах не претерпевает концептуальных изменений. Усложнение и развитие речевой структуры персонажа завершается в паралитературном тексте — более объемном, повествующем о вымышленных персонажах и событиях, вписанных тем не менее в актуальный для современника контекст. Наиболее значимые компоненты образа во всей совокупности массовых текстов — это событие и статус, вне которых тот или иной персонаж не представляет интереса для читателя.

Каждая из представленных в тексте характеристик личности получает речевое выражение, не соотносящееся с какой-либо определенной речевой формой. Так, событийные компоненты могут быть представлены в виде повествования как композиционно-речевой формы, а могут быть включены в текст на лексическом уровне с помощью существительных с событийным значением. Указание на окружающий человека предметный мир может быть дано в виде предметного описания, но может соотноситься и с изобразительным повествованием как композиционно-речевой формой или опять-таки быть представлено на лексическом уровне. Таким образом, мы можем говорить о речевой структуре персонажа как о цепочке речевых действий, отнесенных к одному и тому же лицу, но не можем напрямую соотносить семантические и структурно-речевые компоненты характеристики персонажа.

Статусная характеристика персонажа нередко может заполнять весь массовый текст, бу-

дучи связана с событиями жизни героя, его мировоззрением и духовным миром. Авторов ряда текстов интересуют пути достижения высокого социального статуса, они пытаются создать для широкой аудитории модель поведения, которая, на их взгляд, приводит к успеху. Во многих текстах (особенно в текстах очеркового характера и в массовых романах) устанавливается причинно-следственная связь между поступками героя, верными с точки зрения системы общественных ценностей, и его социальным статусом.

Сфера чувств и переживаний человека остается закрытой для текстов массовой коммуникации. Внутренний мир персонажа, если он и изображается в тексте, как правило, подвергается редукции, соотносится с определенными социально приемлемыми шаблонами, носит подчиненный характер и интерпретируется в тексте через призму событий или социального статуса.

Идейный портрет персонажа является более значимым для текстов СМК, чем психологический портрет, поскольку он в большей степени связан с социально-статусными характеристиками, и именно социально-политические воззрения той или иной значимой персоны служат предметом для анализа текущей ситуации и прогнозирования событий. В текстах же с выраженным образным началом наблюдается определенная дифференциация, связанная с типом издания: далеко не всегда читателя ежемесячного глянцевого издания интересуют общественно-политические воззрения героя. Как правило, герой, обладающий определенным социальным статусом, интересует аудиторию этого типа изданий как частное лицо со своим мировоззрением (которое представляет интерес для читателей лишь постольку, поскольку принадлежит известному человеку).

Событие является семантической основой любого текста массовой коммуникации. По мере развития структуры текста событие детализируется, сопоставляется с другими событиями, оценивается, включаясь в комментирующий контекст. Набор событий, представленных в текстах СМК, формирует нарративный образ реальности. Сама человеческая жизнь предстает как цепочка социально значимых событий — поступков героя.

В изображении персонажа в массовом тексте, как правило, преобладает внешняя точка зрения. Персонажи изображаются и оцениваются автором в рамках отчетливо выраженной в тексте системы координат, что приводит к монологизации текста. По сути дела, даже если в массовом тексте представлены несколько точек зрения, они не являются равноправными, и мы не можем говорить о полифоничности массового текста. Именно с идеологической точки зрения массовый текст носит монологический характер, поскольку единственная, главенствующая точка зрения в этом тексте подчиняет себе все другие. Это свойство также соотносится со спецификой бытования массового текста, требующей его однозначной интерпретации читателем.

В определенном смысле научной данностью является представление о тексте массовой коммуникации как о нарративе. Проведенный анализ массовых текстов показывает, что этот термин, возможно, не вполне соответствует сути явления. Присутствие точки зрения автора текста даже в том случае, если повествование ведется от третьего лица, постоянная авторская ирония, также указывающая на присутствие оценивающего, комментирующего сознания, скорее переводит массовый текст в сферу ментативов — то есть текстов, повествующих о преломлении событий в сознании воспринимающего субъекта.

Примечания

[1] *Коньков В.И.* Редукция как принцип построения массового текста // Средства массовой информации в современном мире. Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2000. С.139.

[2] *Тодоров Ц.* Семиотика литературы // Семиотика. М., 1983. С. 357.

[3] *Рождественский Ю. В.* Теория риторики. М., 1999. С. 435.

[4] *Свитич Л. Г.* Информационная фантомность // Средства массовой информации в современном мире. Тезисы научно-практической конференции. СПб, 2000. С. 47.

[5] *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической реальности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 17.

Г. Н. АКИМОВА

«ВОДОНАПОРНАЯ БАШНЯ» В. ПЕЛЕВИНА — СИНТАКСИЧЕСКИЙ НОНСЕНС?

…в минуты крайних опасностей.., в одну короткую секунду мы вспоминаем столько, сколько не представляется нашей памяти и в долгий час, когда мы находимся в обычном состоянии духа.
Михаил Кузмин

Почти каждое новое произведение В. Пелевина привлекает внимание читателей. Автор находит не только новые сюжеты или особый ракурс их представления, но и предлагает неожиданные формы языкового решения художественных задач, что, заметим, составляет одну из ведущих особенностей постмодернизма[1].

В настоящей статье предлагается анализ рассказа В. Пелевина «Водонапорная башня», изданного в 2005 г. в сборнике «RELICS. Раннее и неизданное». Рассказы и эссе, помещенные в Сборнике, представлены без указания даты их написания. Рассказ «Водонапор-ная башня» не встретился нам в литературоведческих работах, поэтому его можно отнести к последним произведениям автора. Чем же примечателен этот рассказ? Он составляет полных 13 страниц. Впечатляет, что эти 13 страниц представляют собой один абзац и одно предложение с точкой в конце. Рассказ включает почти 2800(!) слов. Это беспрецедент-ный случай в истории русской литературы.

Галина Николаевна Акимова
Доктор филологических наук, профессор СПбГУ

Такой вывод нам позволяет сделать проведённое исследование размера предложения (РП) сначала на материалах языка XVIII в.[2], позднее— в моих работах и работах моих учеников — на материале современного русского языка[3]. Приняв вслед за В.Г.Адмони определение цельного предложения как предложения от точки до точки, мы провели наблю-дение за языком таких выдающихся представителей своего времени, как М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков и др., и обнаружили высокие показатели РП в языке различных жанров XVIII в. Различая средний и максимальный размер цельного предложения, следует сказать, что даже отдельные «монстры» (длинные цельные предложения) не выходили за рамки 300-350 слов. По данным Т. М. Веселовской, средний размер цельного предложения на протяжении XIX–XX вв. уменьшался.

Однако в художественной прозе конца XX в., как показывают наши наблюдения, а также наблюдения Т. Н. Марковой и А. Т. Давлетьяровой[4], обнаруживаются новые тенденции в отношении размеров цель-

ного предложения: в некоторых произведениях постмодернистского направления встречаются предложения в 234 слова, в 416, а в произведениях С. Соколова встретилось предложение в 686 слов.

Продолжая количественную характеристику текста анализируемого рассказа, отметим, что он состоит из 266 предикативных единиц и представляет собой разветвленное сложноподчиненное предложение с элементами сочинения и бессоюзия. Средняя длина предикативной единицы в составе сложного равна 10,4 слова, однако встречаются предикативные единицы в 15, 20, 40 и даже более слов. Нами составлен граф размеров предикативных единиц в составе сложного, он показывает, что мода (бóльшая их часть) составляет предикативные единицы от 5 до 10 слов.

Обратимся к интерпретации количественных данных. Предложение в 2800 слов — древовидное, не имеет синтаксических разрывов. Нами составлено «дерево» этого сложного предложения, которое, однако, трудно представить в рамках научной статьи. Древовидность и достаточно четко прослеживаемая структура всего сложного предложения совершенно несопоставимы с организацией современных длинных предложений, построенных с синтаксическими разрывами, которые отражают речь, передающую поток сознания.

Предложение «Водонапорной башни» — без синтаксических разрывов, вызывает некоторые ассоциации, например, с прозой Л. Толстого, которая дает яркие примеры так называемой синтагматической (по В. М. Жирмунскому — классической) прозы с развитой синтаксической организацией на всех уровнях — в словосочетании и предложении, простом и сложном. Это особый принцип оформления и передачи мысли, с развитием подчинительных связей, частым употреблением соотносительных слов, со слабой нагрузкой интонации, ведущий к большим размерам синтаксически упорядоченного предложения. Вот пример из «Воскресения» Л. Толстого: «Так думал Топоров, не соображая того, что ему казалось, что народ любит суеверия только потому, что всегда находились и теперь находятся такие жестокие люди, каков был он, Топоров, которые, просветившись, употребляют свой свет не на то, на что они должны были бы употреблять его,— на помощь выбивающемуся из мрака невежества народу, а только на то, чтобы закрепить его в нем».

Подобный тип прозы уже во второй половине XIX в. стал заменяться так называемой актуализирующей прозой (Н. Д. Арутюнова[5]), которая развила синтаксическую расчлененность, повлиявшую на художественную речь в первую очередь. Синтаксическая расчлененность ослабила синтаксические связи, основанные на высокосинтетической русской морфологии, привела к сокращению сложных предложений, их общего объема, развитию конструкции экспрессивного синтаксиса[6].

Тексты конца XX в., как уже отмечалось, показывают довольно неожиданное увеличение размеров предложения как за счет роста употребительности сложных предложений в тексте, так и за счет изменения в составе простого предложения. Мы уже отмечали эти явления как особенность языка конца XX века, то есть кажущееся возвращение к синтагматической прозе: меньше или почти не используются книжные экспрессивные конструкции, влияние разговорного синтаксиса на художественную речь видоизменяется. В синтаксической организации постмодернистского текста даже большие сложные предложения деиерархизируются, преобладают сложносочиненные и бессоюзные связи, восстанавливаются большие ряды однородных членов в простом предложении, но преимущественно на верхних уровнях иерархии, что может вести к увеличению роли подтекста.

В рассказе же В. Пелевина представлена совершенно иная синтаксическая организация. Это одно цельное сложное предложение, начинающееся, как отмечалось выше, подобно прозе Л. Толстого. Различие состоит в том, что это предложение … очень длинное. Наступает трудность восприятия, независимо от синтаксической упорядоченности. Думается, что здесь намного превышен порог восприятия[7], что неоднократно отмечалось лингвистами, принявшими гипотезу В. Ингве об

ограничении человеческого восприятия порогом 7 ± 2. И при этом рассматриваемое сверхдлинное предложение находится в полном соответствии с его содержанием. Необходимо отметить не только синтаксическую цельность предложения-рассказа, но целостность его сюжетного уровня, что подчёркнуто повторами номинации 'водонапорная башня', которые занимают ключевые позиции — это заглавие, а также первые и последние слова самого рассказа. Рассказ посвящается описанию жизни рядового человека советской эпохи, воспринимающего водонапорную башню как символ этой жизни, которая только кажется бесконечной: любая башня…сначала строится таким образом, будто должна подняться до самого неба, чем обязательно завершилось бы простое добавление новых кирпичных колец изо дня в день, если бы не решение строителей уйти, приводящее к тому, что какой-то кирпич обязательно становится последним.

Все предложение-рассказ циклично. Жизнь описана от предвоенного периода, затем идут военный и послевоенный периоды, вплоть до смерти героя, который бросает последний взгляд через окно на все ту же водонапорную башню. В таком построении сюжета становится понятным одно из обозначений самого сборника — RELICS — пережитое знание жизни.

Единство и синтаксическая сложность поддерживаются не только организацией сложного предложения, но и организацией составляющих его простых предложений. Так, при 266 простых предикативных единицах отмечаются 222 придаточных, 45 сочинительных соединений, а бессоюзные связи используются 9 раз. Поражает «возрождение» количества подчинительных отношений. По частоте употребления придаточные располагаются следующим образом: присубстантивные — 60, изъяснительные — 39, местоименно-соотносительные — 19, времени — 19, условные — 16, причины — 16, цели — 13, относительно-распространительные — 10, сравнительные — 5, уступительные — 2, следствия — 1. Если факт наибольшей употребительности присубстантивных и изъяснительных предложений общеизвестен (от письменных источников XVIII в. до современной разговорной речи), то остальное требует комментариев. Можно предположить, что всё разнообразие подчинительных связей (причины, следствия, условия и т.д.) обусловлено содержанием сообщения — рассказом о целой жизни, в котором представлен весь комплекс отношений человека с миром. В цепочке последовательного подчинения встречаются довольно глубокие, достигающие 10 и более шагов в развёртывании зависимости, что также свидетельствует о том, что повествование представляет собой развитие аналитической мысли (а не «поток сознания»). Например: «… и пока в темном дворе меняют колесо, они сильно стучат в дверь, а потом уходят в такой спешке, что соседу приходится одеваться в коридоре, как раз напротив твоей замочной скважины, в которую он вполне мог бы напоследок ткнуть карандашом, раз до этого подсыпал битое стекло в сливочное масло и отравлял колодцы, чтобы ты пил них тифозную воду и полгода лежал в кровати, глядя в окно и угадывая за пушистой завесой падающего снега очертания водонапорной башни, похожей на приставленного к городу часового, стерегущего твой покой, а заодно и тебя самого, чтобы ты случайно не скрылся в собственном будущем, воспользовавшись теплой весенней ночью, в которую появляется возможность, почти не касаясь земли, углубляться в черные заросли не известно откуда взявшегося леса и уже почти узнать то, к чему бежишь со всех ног перед тем, как проснуться и, поглядев на приоткрытую дверь, за которой слышны бодрые утренние голоса и свист примуса, подумать, что каждое утро к ней, как трап, придвигают забитый сундуками и комодами коридор, выход из которого ведет в тот единственный дневной мир, который тебе известен…» (С. 51).

Простые предикативные единицы также построены очень цельно и синтагматично. Тенденция к развитию полипропозитивного простого предложения подтверждается частотным употреблением причастных (82 случая) и деепричастных (10 случаев) оборотов. На одну страницу текста приходится в среднем около десяти оборотов.

Как построен рассказ с точки зрения организации повествования и введения субъекта

повествования? Начало представлено первым лицом: я (становлюсь) единственным свидетелем остановки работ, потому что только я понимаю, что означают пустые леса, от вида которых возникает такое странное чувство, что взгляд сам собой переходит вправо, туда, где…обои чуть отстают от стены…, в текст включаются элементы описания, которые связывают персонажа с непосредственно наблюдаемой действительностью. Переход к воспоминаниям отмечен обращением к «ты» повествованию: которых представляешь.., когда видишь.., пытаешься сообразить.., тебе хочется, которое выражается в употреблении классических обобщенноличных предложений без местоимения «ты» (9 случаев), но гораздо чаще с употреблением обобщенного «ты» (более 20 случаев) и использованием притяжательного местоимения «твой» (около 30 случаев). Например: «… а из-за неожиданной догадки, что с тобой сейчас говорит диктор, фокусник, зарабатывающий себе на жизнь умением заставить тебя на несколько секунд поверить, будто к тебе обращается что-то огромное и могущественное, готовое позаботиться о тебе, когда на самом деле ты и такие как ты нужны этому огромному, чтобы заботиться о нем и защищать …» (С. 53), или: «… коридор, выход из которого ведет в тот единственный дневной мир, который тебе известен, и чем лучше ты с ним знаком, тем реже дверь твоей комнаты будет раскрываться куда-то еще, в места, названия которых ты не знаешь и не узнаешь никогда …» (С. 51).

Остальные лично-указательные местоимения употребляются значительно реже. Любопытно, что местоимение «мы» употребляется в комбинации «мы все», имеющей обобщен-ное значение.

Повествование ведется в основном с использованием имперфективных глаголов, много именных предложений. Здесь представлена обобщенность конкретных ситуаций. В отличие от обобщенно-личных предложений пословичного и сентенционного типа, обычно коротких по протяженности, обобщенные предложения в рассказе В. Пелевина, ориентированные на обобщение ситуации, приближают текст к одной из разновидностей информативного регистра (Г. А. Золотова).

В конце рассказа-предложения происходит еще одна перемена в обозначении персонажа: после «я» — «ты» (в значении обращения к себе-бывшему, ассоциируемому и с другими лицами своего времени) появляется «человек» как высшая форма обобщения.

Таким образом, с точки зрения организации повествования рассказ имеет традиционную трёхчленную структуру: от экспозиции (я у окна с видом на водонапорную башню) к основному повествованию (пробуждённые башней воспоминания о целой жизни) и заключению (смерть человека обрывает все его связи с внешним миром). На языковом уровне структурные переходы обозначены сменой номинаций субъекта повествования.

Мы показали сложность этого текста, что, несомненно, связано и с количественными показателями синтаксических структур. В свете нашей работы 2006 г. о синтаксических составляющих «трудностей» современного художественного текста[8] текст В. Пелевина следует отнести к трудным. Он относится к интеллектуальной прозе, которая демонстрировалась нами в упомянутой статье текстами Г. Газданова и В. Набокова. Текст Пелевина отстоит от этих авторов почти на 70 лет и имеет как общее с названными авторами, так и новое, отличное. Общее состоит в синтаксической связанности в организации текста, широком употребления в составе предикативных единиц компонентов с пропозитвным значением (причастные и деепричастные обороты, отглагольные и отадъективные существительные и т. п.)

Новое, что связывает Пелевина с его уже современниками — употребление большого, даже чересчур большого предложения, но иначе организованного. Выше мы уже отметили, что это большое предложение организовано таким образом, что сохраняет традиционные контуры нарратива. Следует обратить внимание и еще на одно синтаксическое явление, которое активно включается в организацию смысловой структуры текста. Это использование сочинительной связи с сопоставительным значением с использо-

ванием союза «а». Если выписать предикативные единицы, присоединяемые этим союзом, в их текстовой последовательности, то окажется, что они осуществляют переход к тому историческому фону, на котором протекает жизнь героя: на старых обоях в его комнате еще дореволюционная жизнь, а Ленин со Сталиным стояли у окна и читали первый номер «Правды»; всё в нём (в мире) случается крайне быстро, а время суровое и величественное, и хоть Утёсов поёт, что тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадёт… и т.д.

Таким образом, с одной стороны, перед читателем длиннейшее, хотя и жёстко синтаксически организованное предложение-рассказ, охватившее в мгновение целую человеческую жизнь, предложение, не дающее возможности читателю остановиться, повергающее его в состояние затягивающего, казалось бы, недопонимания, с другой — столь же чётко организованная триада повествовательной структуры (экспозиция, основное содержание, развязка) с обозначенным параллелизмом двух смысловых линий: жизнь героя — жизнь страны. Обращаясь к рассмотрению особенностей литературы последних лет, М. Липовецкий пишет: «Постмодернизм воплощает принципиальную художественно-философскую попытку преодолеть фундаментальную для культуры антитезу хаоса и космоса, переориентировать творческий импульс на поиск компромисса между этими универсалиями»[9]. Не стала ли такая попытка моментом, организующим структуру рассказа?

Обратившись к сайту в Интернете «Виктор Пелевин», мы нашли много утверждений, подтверждающих наши наблюдения. Хотя эти утверждения не носят лингвистического характера, мы приведем некоторые из них. Например, в статье Константина Фрумкина «Эпоха Пелевина» есть такие высказывания: «С чисто литературной точки зрения этот писатель вообще страдает избыточным интеллектуализмом <…> Вячеслав Курицын сказал о Пелевине, что он так выпишет картинку, как будто пишет не роман, а режиссерский сце-нарий. После Пелевина не остается мучительных вопросов «что автор хотел сказать?» <…> У Пелевина ни о какой бесконтрольности не может быть речи <…> Пелевин класси-ческий, даже несколько старомодный писатель, находящийся в удивлении перед грядущей эпохой виртуальных миров и галлюционных технологий»[10].

Возвращаясь к оценке современных авторов, следует еще раз подчеркнуть, что синтаксис их текстов чрезвычайно разнообразен, чему никогда не приходится удивляться, каки-ми бы эстетическими направлениями в литературе мы ни занимались. Станет ли опыт синтаксической организации «Водонапорной башни» продлен кем-нибудь, покажет время.

[1] См., напр., Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория. М., 2000; Курицын В. Русский литературный постмодернизм. М., 2000; Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. Новая философия. Новый язык. Минск, 2000; Богданова О.В. Современный литературный процесс (К вопросу о по-стмодернизме в русской литературе 70-80-х гг. XX в.). СПб., 2001; Современная русская литература (1990-е гг. — нач. XX в.): Учебное пособие для студентов. СПб., 2005; Фатеева Н. А. Абсурд и грамматика худо-жественного текста. На материале произведений Н. Искренко, В. Набриковой, Т. Толстой. // Абсурд и во-круг. Сб. статей под ред. О. Бурениной. М., 2004.;

[2] Акимова Г. Н. Размер предложения как фактор стилистики и грамматики. // Вопросы языкознания. 1973. № 2.

[3] Веселовская Т. М. Размер предложения как фактор грамматики и стилистики. Автореферат канд. дис. Л., 1987.

[4] Маркова Т. Н. О некоторых аспектах динамики речевых форм в художественной прозе конца XX в. // Вестник Омского госуниверситета. Омск, 2002. № 8.; Давлетьярова А. Т. К вопросу о «сложности» синтак-сиса постмодернистской прозы. // Материалы XXXIII Международной филологической конференции, вып. 16. Грамматика (Русско-славянский цикл) Ч. I СПб., 2004

[5] Арутюнова Н. Д. О синтаксических типах художественной прозы. // Общее и романское языкознание. М., 1972.

[6] Акимова Г. Н. Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка. Л., 1982.

[7] Акимова Г. Н. К проблеме синтаксической сложности текста. // Материалы XXIX Межвузовской методи-ческой конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 10. Грамматика (Русско-славянский цикл.) СПб., 2000.

[8] Акимова Г.Н. Синтаксическая составляющая в создании «трудностей» современного художественного тек-ста // Обретение смысла. Сб. статей. — СПб., 2006.

[9] Липовецкий М. Русский постмодернизм. Екатеринбург. 1997. С 39-40.

[10] Фрумкин К. Интернет. Сайт «Виктор Пелевин».

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИИ, ИЛИ КАК ИНОСТРАНЦУ ЧИТАТЬ ТАТЬЯНУ ТОЛСТУЮ

СЕВИНЧ УЧГЮЛЬ

«Мир как текст...»
Ролан Барт

«Если литературный персонаж начинает путешествовать из текста в текст, это значит, что он обрел гражданство и эмансипировался от породившего его произведения».
Умберто Эко

Творчество Татьяны Толстой, отличающееся особым, только ей присущим художественным уровнем и тонким артистическим вкусом, практически неизвестно турецкому читателю, как, впрочем, и книги других ныне знаменитых современных российских авторов (Улицкой, Петрушевской, Пелевина, Арабова, Пьецуха, Вик. Ерофеева, Саши Соколова и др.). К великому сожалению, мало кто из этих авторов переведен на турецкий язык. Именно поэтому университетские лекторы не имеют возможности достаточно полно информировать студентов отделения русского языка и литературы о российской культуре. А как знакомить с нею, не касаясь хотя бы самых известных имен современности, которые на долгие годы остаются для нас «terra incognita»?

Это относится и к Татьяне Толстой, чья новелла «Сюжет»[1] (а именно ее мы предлагаем турецким студентам для чтения), жанр которой обозначен как святочный рассказ, стилистически напоминает ее сказки и рассказы «На золотом крыльце сидели...», «Изюм» и др. «Сюжет» непосредственно связан с историей России, а точнее, с авторской декомпозицией этой реальности. Именно данного автора характеризует особая постмодернистская модель мышления, основанная на принципе алинейности и выраженная в гибридно-цитатном языке симулякров, что, естественно, является следствием интертекстуальности, трансформирующей теорию мимезиса, то есть подражания жизни.

Севинч Учгюль
Доктор филологии, кафедра русского языка и литературы факультет естественных наук и литературы Эрджиесского университета Кайсери, Турция

Такое видение мира у любого современного автора ведет к деидеологизации, к утверждению множественности истины и, в конечном итоге, к развенчанию тоталитарности, что делает Татьяну Толстую, скорее всего, представительницей, с одной стороны, соц-арта (конечно, в его постмодернистском понимании), который не только пародирует, но и доводит до абсурда мертвые схемы соцреализма, а с другой — концептуализма,

ибо писательница сочленяет в своем творчестве языки различных эпох, обыгрывает разнообразные прежние и нынешние стеореотипы восприятия жизни и развенчивает любые идеологемы.

Нарративный стиль этого автора и в рассказах, и в антиутопии «Кысь» (сложно доступной зарубежному читателю в оригинале из-за сюрреалистичности стиля и абсурдности метафоричного языка), и, безусловно, в «Сюжете» поражает литературными изысками и неискушенного иностранца и помогает ему осмысливать процессы, происходящие в мире и в человеке, с точки зрения ассоциаций социума и культорологии.

«Русский постмодернизм, в отличие от западного, не избегает морально-этических вопросов»[2], и Татьяна Толстая тут не исключение, а, скорее, правило. Она пишет с разоблачительной откровенностью и всегда следует интуитивной вере в собственное умение распознать Добро, а это не может не привлечь к ней внимание каждого, кто интересуется современной русской литературой, обогащенной великими культурными традициями русских классиков, чьей прямой наследницей (и по родословной, и по восприятию традиций) она, собственно, и является.

Эта писательница «вживляет» в свои произведения элементы различных эстетических направлений, создавая текст, основанный на диссонансах и противоречиях, в котором идет постоянное ироническое обыгрывание цитат из классики. Она смешивает пространственно-временные рамки, стилизует мифы, придает им пародийный, фарсовый и часто гротескный характер (как в «Сюжете»), который распространяется и на историю, и на ее деятелей, и на достижения русской культуры в целом.

Случайность у Толстой всегда отменяет закономерность, потому что для нее действительность иррациональна, а цель творчества — антитоталитарность: «...так моделируется мифологическая картина мира, где периферия граничит с природным хаосом, а центр воплощает культурный логос»[3].

В постмодернизме текст истории всегда направлен на демифологизацию и развенчание концепта истории, которая есть не что иное, как условная сказка о мире в тексте постмодернистской метапрозы, в которой автор отказывается от поиска телеологии исторического процесса, потому что, с точки зрения современных критиков и писателей, сегодня «история — это литература»[4]. Здесь, безусловно, уместно вспомнить и «Шесть прогулок в литературных лесах» теоретика и практика постмодернизма Умберто Эко, рассуждающего о мирах существующих и вымышленных в литературных текстах, касающихся альтернативной истории: «На самом деле, вымышленные миры действительно паразитируют на настоящем, но по сути они являются «малыми мирами», позволяющими нам вынести за скобки большую часть сведений о настоящем мире и сосредоточиться на конечном, замкнутом мире, очень похожем на наш, но онтологически более бедном. Поскольку мы не можем выбраться за его пределы, мы вынуждены познавать его глубины»[5].

Татьяна Толстая в новелле «Сюжет» создает универсальный мир мирообраза и одновременно ищет культурное пространство свободы, предлагая нам поразмыслить над казалось бы абсурдным и бесполезным вопросом. Что было бы, если бы великий Александр Сергеевич не погиб на дуэли с Дантесом из-за того, что птичка божия в неподходящий момент «какает на длань злодея»?

Бытие ее героя с самого начала описано симуляктивно, переработано внетекстовой реальностью. Реальный человек в новелле исчезает, ибо он заменен игровой маской, которая характеризуется множественными расплывчатыми культурологическими ассоциациями и наделена огромным количеством сливающихся в подсознании голосов, сначала образующих некую какофонию, а затем и целостный мирообраз.

Так история в данном тексте получает совершенно иное вариативное значение, и время становится плюралистическим и вероятностным. Автор приводит нас к фантасмагорическому и пародоксальному выводу: иной исход дуэли, в конечном итоге, по мнению Толстой, привел бы к тому, что красная революция вообще никогда бы не свершилась, и Россия, по крайней мере, к кровавому лагерному 37 году оставалась бы мо-

нархией, где на посту министра внутренних дел (имеется в виду полиция), почившего в бозе, но прежде выжившего из ума, дедушку Владимира Ульянова (он же Ленин) спокойно и бескровно сменил бы господин Джугашвили (Сталин).

Не было бы ни террора, ни расстрелов, ни ГУЛАГа, ни эмиграции лучших российских интеллектуалов, ни пролетарской «культуры», ни соцрелизма, а печально известные исторические личности не сыграли бы столь роковую роль в русской истории и не были бы проклинаемы сегодня всеми, кому довелось и не довелось изведать на себе позор и ужас красного ига.

Рассуждая о личности Александа Сергеевича Пушкина (в этом порыве писательница далеко не одинока, нам достаточно вспомнить микророман «Вторая жена Пушкина» Ю. Дружникова, представителя третьей волны русской эмигрантской литературы, и его отношение к идеализированному советскими критиками образу поэта) и о том, что могло бы произойти с ним в реальной русской жизни в девятнадцатом столетии, к которому поэт принадлежал, Татьяна Толстая, в отличие от Ю. Дружникова, не ставит под сомнение его гений творца, но рисует игровую маску обыкновенного человека того времени.

С недостижимой высоты своего литературного опыта додуманный автором, оствшийся в живых Пушкин часто громит своих современников даже в горячечной агонии, когда он «мечется и бредит». Тогда ему грезятся свои и чужие стихи, вписанные автором «Сюжета» в новеллу без кавычек, словно это не обычный цитатный текст, а мысли про себя, тот поток сознания, который не принято и нежелательно, опасаясь дурных последствий, выставлять напоказ и высказывать вслух, но который есть у любого думающего человека и, особенно, у творчески одаренного субъекта, наделенного особой художественной сверхинтуицией, каковым Александр Сергеевич Пушкин несомненно был.

Не выбирая выражений, мастерски нарисованный Толстой великий поэт обрушивается на Гоголя, который умер, «предварительно спятив», на «меланхолического поручика Лермонтова», на «безобразного виршеплета Некрасова», на «кровохаркающего невротика Виссариона», разумеется, Белинского, на «щенка» графа Льва Толстого, на «холодноватого» Тютчева и еще на многих других, которых при жизни поэт не знал, ибо по воле рокового случая не дожил до встречи с ними.

Следует заметить, что данную часть текста довольно сложно объяснять студентам-иностранцам. Чтобы понять анализируемое нами произведение Татьяны Толстой, следует прежде обучить хотя бы элементам русской истории в курсе «Страноведение», но его чаще всего нет в программах, а поэтому приходится в аудитории делить доску надвое и подробно записывать, что происходило в действительности, и что придумал острый и фантасмагорический ум писательницы, дабы добиться низвержения слишком устоявшихся авторитетов, возведенных советской критикой в касту неприкасаемых.

В данном случае на первое место выступает постмодернистская ирония Татьяны Толстой. Специфика данной иронии в том и состоит, что «она как бы укрупнена в силу того, что семантические ряды, к которым она одновременно относит одно и то же явление, это, как правило, или целые мирообразы (хаос и космос), или образы таких языков художественного моделирования, чей возраст фактически равен возрасту мировой культуры (сказка и миф)»[6].

Иронически рисуя вымышленную жизнь маски Пушкина, автор не может не обратиться и к другим культовым фигурам русской истории, начиная с царя, цесаревича, которые в ее тексте не отрекались от престола и не были трагически замучены большевиками, и кончая руководителями советской тоталитарной власти, образы которых построены на антитезе и гротеске.

В новелле несчастный старик (Пушкин), которому скоро стукнет 80, отправляется в маленький приволжский городок (читай Симбирск, место рождения Ленина), дабы поработать над историей пугачевского бунта, и встречает там мальчонку, который ударом снежка в затылок бесславно заканчивает жизнь поэта, обзывая его обезьяной. Абсурд ситуации довершается тем, что в последнем предсмертном порыве Пушкин, «развернувшись в ударе, бьет, лупит клюкой —

наотмашь, по маленькой рыжеватой головке негодяя, по нагловатым глазенкам, по оттопыренным ушам, — по чему попало. Вот тебе, вот тебе! За обезьяну, за лицей, за Ванечку Пущина, за Сенатскую площадь, за Анну Петровну Керн, за вертоград моей сестры, за сожженные стихи, за свет очей моих — Карамзину, за Черную речку, за все!

Вурдалак! За Санкт-Петербург!!! За все, чему нельзя помочь!!!».

Так Толстая поясняет нам, ее читателям и исследователям, причину последующей болезни Ульянова-Ленина, его старческое слабоумие и глубокий маразм последнего периода существования. Удар, метко нанесенный Пушкиным (или Татьяной Толстой?) по будущему классику марксизма-ленинизма, сделал свое дело и даже принес определенную историческую пользу: хулиган («на всю Россию разбойник рос») понял, что кухарка управлять не может (здесь Толстая славно пародирует знаменитый пролетарский советский тезис о том, что всякая кухарка способна управлять государством).

Он так же отрицательно стал относиться к ходокам (тут, конечно, имеется в виду знаменитая картина «Ходоки у Ленина», широко рекламировавшаяся во времена культа красных вождей в СССР) и даже к домашнему журналу под названием «Искра» — газету с таким же названием издавал в подполье сам Ильич. А судьба старшего брата Александра, безуспешно посягнувшего на жизнь царя, заставила его произнести сакраментальную фразу, записанную во все учебники советской истории и, несомненно, в иронически-абсурдный текст новеллы: «Мы пойдем другим путем, маменька!»

В жизни эта дорога привела к кровавой революции и 70 годам морального и физического террора, а в альтернативной истории Толстой, соответственно, — к преданной и раболепной службе государю, к ненависти к рабочим: «Сколоты пролетарские… Расстрелять их мало…» Все наоборот.

Примитивно простенький Владимир Ильич, нарисованный в «Сюжете», — это гротескная антитеза образу «доброго дедушки Ильича», который ежедневно рисовала советская пропагандистская машина, промывая мозги своим гражданам. Все исторические реалии: Финляндский вокзал, броневичок, на котором так любил выступать Ленин, его жена Надежда Крупская (у Толстой он не женат, но всех девок называет Надьками и отдает предпочтение «лупоглазым», ибо известно, что Крупская страдала базедовой болезнью), шапочный патриотизм во время войны с немцами, которую в новелле русские выиграли в 1918 году (а на самом деле, позорно проиграли и заключили усилиями Ленина сепаратный мир), последние годы жизни, проведенные в Горках уже в состоянии слабоумия,— казалось бы, весь событийный ряд вполне выдержан с точки зрения фактологии в тексте произведения, но выписан Татьяной Толстой в форме гротеска и абсурда, понятного человеку, жившему в СССР, а не иностранцу. Множественные пояснения и толкования тут особенно необходимы зарубежному читателю.

Ленинская работа «Как нам реорганизовать рабкрин» переименована писательницей в «Как нам реорганизовать Сенат и Синод», а «сердце революции» Смольный привлекает вождя только наличием множества смазливых благородных девиц, к которым он питает неизменную симпатию, даже оставаясь на посту «Министра Внутренних Дел». Упомянуты Толстой и абсолютно бесполезные или вредные для экологии проекты советского руководства, вроде изменения русла сибирских рек или переноса столицы из Петербурга в Москву.

Повествование «Сюжета» автор завершает 1937 годом с приходом к власти Джугашвили (ведь именно этот год ассоциируется во всем мире со сталинскими лагерями и репрессиями), а сама Толстая мечтает совсем о другом: спокойненько умереть во сне, желательно в 1913 году, пока еще все хорошо, пока еще ужасы не наступили. Ни Первая мировая не началась, ни революция...

Желание хорошее, но такое же альтернативное, как и декомпозированная история, представленная в «Сюжете». «В постмодернизме время плюралиистическое — «прошло-на-

стояще-будущее» одновременно, причем все модусы времени равноправны. Это соответствует представлениям синергетики, согласно которой и прошлое, и будущее содержатся в настоящем»[7] — утверждает доктор филологических наук И.Скоропанова в монографии о русском постмодернизме. С ее мыслями нельзя не согласиться, ибо в том, что пишет Толстая, отчетливо виден постструктуралистский концепт истории, связанный и с жанровым обновлением литературы, и с деконструкцией массовой культуры советского периода, то есть с деконструкцией коммунистического метанарратива, и с антитоталитаризмом, и с темпоральностью культуры вообще.

Примечания

[1] Толстая Т. Сюжет. http:www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/suzet.html. Цитаты в дальнейшем приводятся по этому изданию.

[2] Нефагина. Г.Л. Русская проза второй половины 80-х и начала 90-х годов XX века. Минск: Издательский центр «Экономопресс», 1998. С. 185.

[3] Там же.

[4]Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. Екатеринбург: Из-во Уральского гос. ун-та, 1997. С. 217

[5] Эко У. Шесть прогулок в литературном лесу. СПб.: Из-во «Symposium», 2001. С. 158.

[6] Wilde, Alan. Horizons of Assent: Modernism. Postmodernism, and the Ironic Imagination. Baltimore and London: The John Hopkins UP, 1981. P. 129.

[7]Т. Толстая. Интервью для проекта «НаСтоящая Литература: Женский Род». http:www.litwomen.ru/autogr1.html

[предлагаем вашему вниманию]

Черепанова О. А. Культурная память в древнем и новом слове: Исследования и очерки. —СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. — 331 с.

ISBN 5-288-03950-X

Книга содержит исследования, эссе, публикации древних текстов и записей народных рассказов, которые объединяет общая тема — отражение духовной жизни народа в древней книжности и устной (отчасти и письменной) народной традиции; знакомит широкие читательские круги с сокровищами народной словесности России, и этой задаче в большинстве случаев подчинена форма подачи материала. Четыре раздела книги включают как новые авторские исследования в области лингвистики и ретроспективной этнолингвистики, так и опубликованные ранее, большая часть из которых представлена в настоящем издании в расширенном и измененном виде.

Для специалистов в области филологии и смежных гуманитарных наук, учащихся высших и средних учебных заведений соответствующей специализации и всех, интересующихся русским языком в его сопряжении с отечественной и мировой культурой.

С.В.БРЕВНОВА

СИНТЕЗ ИНТЕГРАЛЬНОГО СМЫСЛА В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

С.В. Бревнова
Кандидат филологических наук, доцент
зав. кафедрой русской и зарубежной литературы
Сочинского государственного университета
туризма и курортного дела

Разработка теории семантического поля художественного текста, лингвопоэтический анализ литературного произведения с точки зрения полевой организации системы языка и ассоциативного мышления ее носителей — во многом пока еще не исследованная область лингвистики. Интересы современной семасиологии обращены к функционированию языковых единиц в тексте (особенно — поэтическом, где смысловая интеграция всех уровней достигает самой высокой степени). В связи с этим развивается и концепция «языковой личности», «языковой» и «художественной картины мира», возрастает интерес к взаимодействию общих и индивидуальных ассоциативных полей в идиостиле писателя.

В истории мировой и отечественной литературы были периоды взаимопроникновения, сближения «языков» поэзии и прозы. В таких случаях исследователи прибегают к выражениям типа «ритмизированная», «поэтическая, цветущая проза» (А.Н. Веселовский), «орнаментальная проза» (А. Белый, Д.С. Лихачев, Л.А. Новиков) и т.п. Тогда язык поэзии, как пишет А.Н. Веселовский, «инфильтруется в язык прозы», литературный синкретизм сопровождает синкретизм и перебои в общественных настроениях. Русская орнаментальная проза сформировалась как особая разновидность словесного искусства в начале XX в., но своими корнями она уходит в литературу предыдущего столетия. Ее возникновение и развитие связано с поисками новых форм поэтической изобразительности (*орнамент* — от лат. *ornamentum* «украшение» — узор из повторяющихся геометрических фигур). Как известно, А. Белый и писатели его школы считали Н.В. Гоголя первым русским орнаменталистом и своим учителем. В попытках воспроизвести гоголевский подход к слову их интересовало, на наш взгляд, то, что сейчас в лингвистике относится к сфере внутритекстового взаимодействия языковых семантических полей и что можно назвать нетипичной (иногда аномальной) сознательной *семантической интерференцией*. Сюда относятся полисемантический каламбур, смешение стилей, различного рода контаминации и т.д. Второй важный аспект орнаментальности — ритмомелодика прозы.

В поисках новых путей изобразительности появился синтез интегрального смысла текста за счет семантики разноуровневых единиц (звуков, лексем, грамматических категорий, графических средств и т.п.).

Характерным примером орнаментального поля можно назвать следующий отрывок из статьи Е. Замятина «Скифы ли?»:

«*По зеленой степи одиноко мчится дикий всадник с веющими волосами — скиф. <…> Скиф — вечный кочевник: нынче он здесь, завтра — там. Прикрепленность к месту ему нестерпима. И если в дикой своей скачке он набредет случайно на обнесенный тыном город, он свернет в сторону*».

В этом отрывке сгущены звуковые повторы, различаются метризованные строки, есть инверсия и даже рифмующиеся слоги (в словах *ВСАДНИК* и *во-ло-СА-МИ*). Повторяется гласный *И* (гласный обобщающего слова *скиф*) «*по <…> степИ одИноко мчИтся дИкИй всаднИк с веющИмИ волосамИ — скИф*». В разном сочетании повторяются согласные К, Д, Н: ДНК, ДК, ВСДНК (звукопись скачки). Повтор щелевых согласных С,В,Ф, Ч, Щ передает свист степного ветра.

В синтагме *вечный кочевник* повторяются сочетания согласных ВЧН — ЧВН, усиливающие друг друга в аспекте апперцепции, а «кольцевой» повтор звука К в слове *КочевниК* поддерживает идею «кольца», символа ВеЧНости. В следующей фразе отмечается повтор согласного Н в слогах соседних слов: *НА-бредет случай-НО НА об-НЕсеН-Ный ты-Ном город, ОН свер-Нет в сторо-НУ*. Здесь можно усмотреть звукосимволизм партикул «Н + гласный», обозначающий отрицание и преграду движения.

Рассмотрим способы создания интегрального смысла в орнаментальных полях романа Е. Замятина и рассказов и повестей Б. Пильняка.

Известно, что семантические поля в художественном тексте образуют не только иерархии, концептуальные синонимические системы, но и привативные (как правило, *аксиологические*) оппозиции — антитезы. Все противопоставленные друг другу в художественном тексте поля можно объединить в две мегапарадигмы: поля Добра и Зла, Жизни и Смерти и т.п. Это создает дополнительные, индивидуально-авторские связи между ассоциируемыми словами. Например, слово *туман* включается Е. Замятиным в поля Жизни и Любви, а его языковой антоним *ясно* также становится в романе символом безжизненной логики, отсутствия любви.

Существующие в языке отношения антонимии используемых в тексте многозначных слов распространяются автором на все значения этих же слов, прямые значения становятся символами переносных (например, «круглый» = «добрый»). Ключевые слова объединяются автором в общие ассоциативные поля, «вертикальные» ряды соотносимых в тексте слов-образов-символов. Например, «Город» противопоставляется дикому миру природы за «Стеной». Слова *математический, ясный, пунктуальный, нормальный, настоящий* (сразу в двух значениях: «подлинный» и «сегодняшний») становятся контекстуальными синонимами, будучи включенными в поле «Город». Становятся авторскими синонимами прилагательные *дикий, туманный, свободный, больной, прошлый.*

В романе «Мы» достаточно последовательно представлены поля времени, пространства, государства, математики, движения, метаморфозы, религии, цвета, света и многие другие. Эти поля пересекаются в тексте своими периферийными областями, на уровне сем. Так, например, поле метаморфозы пересекается с полем техники и с полем движения, поле рационального — с полями техники, математики, логики, где символически совмещаются микрополя прямого и переносного значений лексемы ***ясный*** (семантические признаки: 1) «прозрачный» «стеклянный», «светлый», «блестящий» → 2) «понятный», «закономерный», «очевидный»).

Поля рациональности → точности → техники → математики (контекстуальные синонимы) последовательно противопоставляются в романе полям иррациональности → жизни → природы → естественных человеческих чувств. В соответствии с этим противопоставлением создаются многословные оппозиции, например, «ясность, точность, механистичность» — «туман, расплывчатость, душевность».

В поле времени романа противопоставляются «мир настоящего» (т.е. антиутопического будущего) и «мир прошлого» (XX век как рубеж культурных эпох). В поле настоящего времени

попадают концепты, выраженные словами *мы, наше, я настоящий, ясный, Единое Государство* и т.д., а в поле прошлого — выраженные словами *она, я другой, туман, дикий* и т.д. В поле смеха также противопоставлены смех здорового человека и смех как болезнь и т.п. Например, восприятие улыбки героини передается словами: *удар, боль, укус*. Микрополе личного сформировано вокруг оппозиции понятий «Я — МЫ», противопоставленных на символическом уровне.

Частотными единицами математического поля выступают у Замятина слова *треугольник, квадрат, прямая, линия, точка, синусоид, парабола, четырехугольник, икс, интеграл* и др. Сюда же относятся различные цифровые индексы, сочетания типа *бином Ньютона, иррациональный корень,* названия глав романа как «*записи*», *конспекты*» с номерами в виде арабских цифр.

Для передачи выражения лица героини используются математические символы: *острый треугольник, икс, углы* и т.п. (реже — технические символы: *динамит улыбки.*). Математические понятия становятся метаязыком героя романа для описания его восприятия природы, истории, человеческих эмоций — всего того, что, казалось бы, далеко отстоит от мира абстракций: «*А затем мгновение — прыжок через века, с + на —* ». Понятие души объясняется через тригонометрию, оптику и физику твердого тела: двухмерное существо живет в плоскости, отражающей свет, и не имеет души, а трехмерное тело поглощает свет и имеет душу.

Тропы в романе «Мы» образуют свою особую парадигму, в которой все элементы взаимопроникают друг в друга, трансформируются. Один троп становится базой другого: метафора превращается в символ или становится основанием последующей метонимии или метаморфозы и т.д. И эта «текучесть» образов — характерная черта орнаментального поля.

Симметричные, «зеркальные» повторы тропов, образующих метафорические поля, также относятся к стилистике романа «Мы», например:

«*Желтые — с красными кирпичными прыщами — **стены следили за мной сквозь темные очки окон** …*». (Ср.: *око ← окно — очки*). Глаза таинственной героини сравниваются с окнами, веки — становятся «шторами» на этих окнах, и в открытых глазах-окнах «пылает огонь» камина — симметричный троп, образующий метафорическое поле «окна ↔ глаза».

Тропы вводят в текст синэстетику восприятия:

«*…всё **звенит от солнца**…*», «*…сквозь стекло — свешивается с невиданной ветки **луна, голубая, пахучая***»; «*Я шел под какими-то каменными арками, где **шаги, ударившись** **о сырые своды, падали** **позади меня***».

Ср.: У Б. Пильняка «*Соловьи пахли ландышами*» («Созревание плодов»).

Базой для развертывания метафорических полей у Замятина часто становится полисемантический каламбур. Приведем два примера:

«*Двое: один коротенький, тумбоногий — глазами, как на рога, подкидывал пациентов, и другой — тончайший, **сверкающие ножницы-губы, лезвие-нос**… Тот самый.*

*Я кинулся к нему, как к родному, прямо на **лезвия** — что-то о бессоннице, снах, тени, о желтом мире <….> Это… очень опасно? — пролепетал я. — Неизлечимо, — **отрезали ножницы***»;

«*Человеческая история идет вверх кругами — как аэро. Круги разные — золотые, кровавые, но все они одинаково разделены на 360 градусов. И вот от **нуля** — вперед: 10, 20, 200, 360 градусов — опять **нуль.** Да, мы вернулись к **нулю** — да*».

Уравнение в математическом смысле пересекается с *уравнением* как процессом нивелирования личного, уравнивания всех людей в Едином государстве и т.п.

Повторы слов отмечаются в одном предложении, абзаце, главе, целом тексте. Основной вид повтора — редупликация, полный повтор ключевых слов, словосочетаний, фраз. Есть повторы в виде тавтологий, градаций, плеоназмов. Так, повтор согласного Р используется как звукопись карканья и как звукосимволизм столкновения: «*Там за Стеной — остРые, чеРные тРеугольники каких-то птиц: с каРканием бРосаются на пРиступ — гРудью о пРочную огРаду из электРических волн — и назад и снова над Стеною*».

Звук темы повторяется в соседних словах,

а иногда два или даже три сочетающихся подряд слова в тексте романа начинаются с одной и той же буквы или слога: «*Ничего Нет дальше! Точка. Во ВСЕй ВСЕленной — равномерно, повсюду разлито …*»; «*Легкие, Тяжелые Тени от облаков, внизу — голубые КУпола, Кубы…*; «*… там, Где Грозно Гудела аккумуляторная башня, — НАвстречу Нам четырехугольник: по бокам, впереди, Сзади — Стража*»; «*Синяя МАЙская МАЙолика неба — и легкое солнце — на своём золотом аэро жужжит за нами, не обгоняя и не отставая*».

«Летняя», «светлая» ассоциация звука [j] актуализируется его повтором с словах одного ассоциативного ряда. Здесь единицы поля *огня-света* находятся в сложном ассоциативном пересечении с единицами поля *техники* (ср.: *майолика* «цветная керамика» → *обжиг* глины→ 1) *артефакт,* 2) *огонь → солнце → небо → аэро* «летательный аппарат» → 1) *воздух → небо;* 2) двигатель внутреннего *сгорания* и т.д.

Звукосимволизм также создает метафорические поля: буква *О* в имени героини *О-90* создает свое микрополе «круглого» → «доброго» → «детского». И этот образ развивается по всему тексту романа «Мы»:

«*Милая О! — мне всегда казалОсь, что Она пОхОжа на свОе имя: сантиметрОв на 10* [тоже «круглое» число! — **С.Б**.] *ниже МатеринскОй нОрмы — и ОттОгО вся круглО ОбтОченная, и рОзОвОе О — рОт — раскрыт навстречу каждОму мОему слОву. И еще: круглая, пухлая складочка на запястье руки — такие бывают у детей*». Или: «*Он записан на меня, — радОстнО-рОзОвО Открыла рОт О-90*».

Авторское употребление знаков препинания — тире, двоеточие и сдвоенное тире (— —)— сигнализирует о смятении чувств героя. Двоеточие используется для соединения частей сложного предложения как бы в «зеркальном» порядке (сначала идет часть, которая уточняет, поясняет, а за ней — уточняемое, поясняемое). Вот характерный пример:

«*Арифметически безгрАмотную жАлость знАли только древние: НАм оНА смешНА*» [выделение звукового повтора наше **— С.Б.].**

В математическом поле романа «Мы» тире и двоеточие символически употребляются как омонимы математических знаков «деления» и «минуса». Двоеточие может обозначать отношения «целого» и «его части» (в романе это поля «МЫ» и «Я», где «Я» — частица «МЫ», но не как самостоятельная личность). Двоеточие сигнализирует о переносе характеристики с «МЫ» на «Я». Тире, особенно сдвоенное, обычно сигнализирует об отпадении «Я» от «Мы». Частотность «математических» знаков препинания (тире и двоеточий) в романе «Мы» также несет смысловую нагрузку. В среднем на страницу романа приходится по 7–8 знаков двоеточия (минимум — 5, максимум — 11), по 15–16 знаков тире (минимум — 10, максимум — 27).

В текстах произведений Б. Пильняка четко выделяются поле жизни и смерти. В поле жизни входят поля времени и детства. Кроме того, в текстах Б.Пильняка нами выявлены «кочующие» образы, поля света, места, звука, цвета, света, запаха и многие другие. Типичное для творчества Б.Пильняка поле детства включает лексику, обозначающую рождение, родителей, детей, детские воспоминания, отчий дом. Это поле — лейтмотив всего творчества писателя.

Ключевыми словами, общими почти для всех рассмотренных нами текстов Б. Пильняка, выступают слова: *родить, жить, дети* (поле жизни), *сумерки, рассвет, заполдни* (поле времени), *луна, заря* (поле света), *ландыши, сирень* (поле запаха). Например:

«*Он **жил зимы**, чтобы **жить. Весны** и **лето** он жил, чтобы, **родить**. Он не умел думать. Он делал это потому, что так велел тот инстинкт, который правил им. **Зимами** он **жил**, чтобы есть, чтобы не умереть. **Зимы** были холодны и страшны. **Веснами** он **родил**. И тогда по жилам его текла горячая кровь, светило солнце и горели звезды, и ему все время хотелось потянуться, закрыть глаза, бить крыльями воздух и ухать радостно на все овраги сразу*».

Кроме того, по принципу интегральности орнаментального поля в этом же отрывке «работают» и другие образные средства: рифмуются ударные слоги и повторяется гласный А (в том числе в виде «аканья» в безударных слогах):

«… и *ухАл Радостно нА все овРАги сРАзу*»; сингармонически повторяются звуки И, Ы: «*Он жИл зИмЫ, чтобЫ жИть*» и т.п.

Метонимическое совмещение в одном словоупотреблении значения наречия времени и существительного (*зи́мы* вместо ожидаемого *зимой, веснами* — вместо *весной*), оживляющее внутреннюю форму этих слов.

Повторы ключевых слов в границах одного предложения, абзаца, текста и гипертекста — характерная черта стиля Б.Пильняка: «Ветры иной раз дуют до ***свиста***, но ***человеку*** в море нельзя ***свистать***, как вообще не стоит ***свистать*** и ***просвистываться*** серьезному ***человеку***» (Грего-Тримунтан).

В центре поля «Запаха» у Пильняка располагается поле «Цветов». В рассказе «Целая жизнь» лейтмотивом повторяется описание запаха сосен. В рассказе «Вещи» тема молодости героини включает запах сирени в саду. В рассказе «Старый дом» образ цветущей сирени становится центральным (18 упоминаний-повторов слова *буйный* и его дериватов на 14 страниц текста) и символизирует бабушкин дом и годы детства, а само слово *сирень* повторяется почти в одном и том же словесном окружении: *весна, белая акация, Волга, буйный, буйничать, буйствовать, терраса.*

Доминантами у Б. Пильняка выступают *единицы звукового* и *контурно-цветового фона*, которые становятся организаторами соответствующих орнаментальных полей в текстах его рассказов:

«И он в полноте жизни, в ее красоте, грозно и *жутко ухал*, *встряхивая эхо*.

— *У-гу-гу-гу-у*! — кричал он, *пугая* ночь» .

Звукопись течения ручья дается через повтор звуков [Ш] и [Ч]:

«На дне оврага *шумел черный и поспешный ключ*…».

Метризованные строки передают идею цикличного хода времени, ритм жизни. В коротком (7 страниц) рассказе «Целая жизнь» через примерно равные промежутки текста встречаются короткие метризованные фразы. Преобладают они в концовке рассказа. Иногда из одной такой фразы состоит весь абзац или параграф рассказа («Так было тринадцать лет их жизни»). Далее мы приводим примеры, в скобках указывая размещение метризованной фразы в абзаце: А — абзац, состоящий из единственной фразы, Н — начальная фраза абзаца, К — конечная фраза абзаца, С — середина абзаца: «Овраг был глубок и глух» (А), Тут редко бывал человек (А), В лесу было много волков (К), Уже нарождалась весна (С), Теперь было не так (А), Сосны обстали поляну (Н), Так было всю ночь (А), Небо стлалось серо (С) и т.д. (всего 46 равнометрических фраз).

Лейтмотивные фразы проходят по всему тексту орнаментального произведения «*Ветры дуют с моря. Ветры дуют в море*» (Грего-Тримунтан), «*Ветры дули с моря. Ветры дули в море*» (Грего-Тримунтан).

Двойное тире в текстах Б. Пильняка вырывает, выделяет фразу в середине абзаца. Сдвоенное тире выражает смятение чувств, отчаяние, безысходность. Этот знак может отсутствовать вовсе в тексте одного произведения, а в тексте другого использоваться довольно часто (например, дважды на странице): в рассказах «Верность», «Человеческий ветер», «Расплеснутое время» и др.

В орнаментальной прозе Б.Пильняка значимы выделения ключевых слов и фраз разрядкой и само расположение текста на странице, т.е. использование абзацев и параграфов, иногда включающих всего одну метризованную фразу. Так в поле текста подключается и зрительный образ композиции.

Объяснение многих приемов орнаментики, на наш взгляд, следует искать в подражании сакральным текстам, в отношении к художественному тексту как к магическому, суггестивному феномену. С этим связана и передача языковыми средствами синэстетического восприятия действительности (запах как цвет, звук как свет, звук как запах и т.п.). Орнаментальная проза предназначается для чтения не только глазами, но и вслух, эффект синэстетики достигается контаминацией зрительных и слуховых ощущений на основе семантического обобщения языковых единиц разных уровней. Особенности синкре-

тичного зрительно-звукового и смыслового воздействия орнаментальной прозы на читателя основаны на сознательной концентрации различных сторон и свойств поэтического слова в одном словоупотреблении, на тесном взаимодействии всех возможных образных средств, поддерживающих и развивающих авторскую мысль.

Рассмотренные нами приемы синтеза интегрального смысла в орнаментальном поле можно обобщить как модель, образец творческого конструирования содержательно-формального единства художественного текста и использовать эту модель при изучении семантического потенциала единиц языка в художественной речи.

Башкирский государственный университет при поддержке Российского общества преподавателей русского языка и литературы и Министерства образования и науки Республики Башкортостан проводит Всероссийскую научно-практическую конференцию с международным участием

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Время проведения: 26-27 октября 2006 г.
Место проведения: Башкирский госуниверситет, филологический факультет

На конференции предполагается обсудить следующий круг проблем:

1. Современная лингвистика и основы лингвистического образования в школе и вузе (социокультурные, этнопсихолингвистические, когнитивные, лингвокультурологические).
2. Русский язык как государственный и проблемы единого образовательного и культурного пространства в условиях многоязычия.
3. Роль лингвистического образования в формировании языковой личности в едином социокультурном пространстве (государственные языки, языки народов Российской Федерации, иностранные языки).
4. Лингвокультурологическая концепция обучения русскому языку: содержание и новые технологии.
5. Межкультурная коммуникация: проблемы культуры речи и коммуникативного поведения в современном обществе.

В рамках конференции планируется:

I. Расширенное заседание правления РОПРЯЛ с повесткой дня:
1. Русский язык в дальнем и ближнем зарубежье.
2. Русский язык и языковая ситуация в регионах России: Алтайский край, Башкортостан, Карачаево-Черкесия, Марий Эл, Татарстан, Чувашия, Якутия и др.

II. Круглый стол: Презентация учебно-методической литературы: учебников, словарей, элективных курсов.

Предполагается издание сборника научных трудов. Объем статей до 3 страниц. Требования: материалы должны быть отпечатаны на компьютере в редакторе Word 97-98, поля 2 см., интервал одинарный, шрифт Times New Roman, кегль – 12 (около 3500 зн.).

Тексты докладов на дискете и в распечатке просим направить по адресу: Республика Башкортостан, 450074, г. Уфа-74, ул. Фрунзе 32, Башкирский государственный университет (БашГУ), филологический факультет: проф. Федорову Александру Александровичу, декан (тел. (3472) 73-68-74), проф. Саяховой Лене Галеевне, зав. кафедрой русского языка и методики его преподавания (дом. тел. (3472) 50-33-29).

Телефон для справок: (3472) 73-68-74 (деканат филологического факультета), технический секретарь оргкомитета Бурукина Мария Александровна. E-mail для справок: Filolog@newmail.ru

Тезисы докладов принимаются до 10 июля 2006 г. В заявке на участие в конференции просим указать фамилию, имя, отчество, ученую степень, должность, адрес, телефон, факс, e-mail.

Размещение участников конференции – в гостиницах города Уфы
Проезд и проживание – за счет участников конференции.

ОРГКОМИТЕТ

И.М.ВОЗНЕСЕНСКАЯ

ДНЕВНИК: ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ И РЕЧЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

«Из всех людей человеку наиболее интересен он сам»
(Ю.Нагибин. Дневник)

Ирина Михайловна Вознесенская
Кандидат филологических наук, доцент филологического факультета СПбГУ

Исследователи современного литературного процесса отмечают нарастание читательского интереса к документальной литературной прозе. Следствием этого особого интереса является издание популярных книжных серий, а также всё более широкое представление воспоминаний, писем, дневников на страницах журналов и газет, открывающих для этих жанров специальные разделы и рубрики. Литературоведы и критики, анализируя особую востребованность так называемой литературы non-fiction, становящейся предметом дискуссий писателей и специалистов, подчеркивают потребность современного читателя «в прямом авторском высказывании», «где автор равен себе-реальному», где даны «версии реальных событий и реальных людей», где «художественное исследование невымышленного» обращено к внутренним монологам, рассказам о самом себе. Н.Иванова цитирует Надежду Мандельштам, которая писала: «Какое наслаждение для повествователя от третьего лица перейти к первому! Это всё равно что после мелких и неудобных стаканчиков-напёрстков вдруг махнуть рукой, сообразить и выпить прямо из-под крана холодной воды» [1]

Своё место в этом книжном мире «невыдуманной» литературы занимают дневники, которые, являются чем-то «вроде доказательства бытия. Если не перечитывать дневники, не пересматривать старые снимки, не слушать истории из жизни, которые рассказывают нам родители или попутчики, то может показаться, что мы вовсе и не живем. Нас нет. И реальности — нет»[2]. Здесь же высказано и еще одно справедливое суждение (Аркадия Драгомощенко) о том, что «люди читают: а) в поисках «поддержки» своего мнения, б) найти себя в некоем *моральном* пейзаже, г) да/или нет — но опять-таки найти подтверждение тем принципам, которые ты несёшь в себе, д) вычитать подтверждение своей «вере»…[3].

В определении жанровой природы дневника часто опираются на те мотивы, которыми руководствуется автор, то есть от тех целей, которые побуждают пишущего именно к дневниковой деятельности. Среди них — желание зафиксировать события личной жизни, сохранить под-

робности пережитого, а также потребность выразить себя, «удалить тревогу с помощью письма» [4: 141]. Дневниковые записи, как писал Ю.М.Лотман, «имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которого без записи не происходит [5:25]. Однако дневники известных людей, сохраняя свойства «интимного жанра» (М.Бахтин), тем не менее часто становятся в результате публикации фактами литературы, открытыми для чтения.

В таком случае, являясь актом самопознания, оставаясь «вещью в себе» и «вещью для себя», чем дневник может быть ценен для «другого»? Что «оправдывает» дневник с позиции внешнего воспринимающего?

Ролан Барт, объясняя для себя мотивы Дневника, говорит о том, что в нём пишущему даётся возможность, во-первых, «создать текст, окрашенный некоторым индивидуальным письмом…., авторским идиолектом»; во-вторых, «изо дня в день рассеивать, распылять в тексте следы своей эпохи», в-третьих, «превратить Дневник в кузницу фраз, не «красивых», а точных; делать всё более утончённой и отточенной форму — не само высказывание, а его способ».[6:141]. Если интерпретировать эти мотивы с позиции читателя, то, очевидно, можно сказать, что в такой плоскости дневники дают богатые возможности увидеть образ действительности определённого времени и духовную историю человека этого времени (Ср.: «Мне доставляет такое живое удовольствие читать в Дневнике Толстого о том, как жил русский помещик XIX века!» [Там же: 141], отметить найденную автором словесную форму и способ выражения мысли. Наконец, если личность автора дневника интересна читателю, то «может захотеться узнать поближе любые мелочи его повседневного быта, его вкусы, настроения, сомнения; можно даже, предпочтя личность творчеству, жадно наброситься на его Дневник и забросить его книги» [Там же. с.141].

Таким образом, чтение Дневника позволяет увидеть личность автора. Через систему авторских суждений, содержание и характер оценок, отбор фактов и их трактовок, нашедших индивидуальное речевое воплощение, читатель выводит собственное представление о написавшем дневник человеке, его характере, мировидении, жизненных позициях, убеждениях, о ценностной ориентации, в конечном счёте — о языковой личности автора.

Рассмотрение семантики дневникового текста позволяет вычленить в его структуре две основные составляющие: 1) информативную (представляющую события) и 2) рефлексивную (отражающую результат восприятия, осмысления и эмоциональной реакции автора в связи с тем или иным событием). Такое членение коррелирует с высказанным Н.Д.Арутюновой различением понятий «событие» и «факт». Как отмечает исследователь, «ход вещей создается событиями; события, преломляясь в гранях человеческого сознания, оборачиваются фактами» [7: 517], то есть первое соотносится со вторым как «сфера жизни» — «сфера знаний о жизни», первое имеет референт в реальной действительности, второе — в сознании говорящего. Таким образом, рецептивный компонент семантики дневникового текста отражает событие, пропущенное сквозь сознание, ставшее результатом авторского осмысления.

Пропорции и соотношение этих двух генеральных компонентов в дневниковой деятельности могут колебаться и зависят от личности пишущего, а также ряда экстралингвистических факторов (характера самого события, а также интенсивности отклика, вызываемого этим событием). Содержание дневниковой записи может смещаться как в сторону информативного начала, так и в сторону преобладания оценочно-рефлексирующей составляющей.Однако дневниковый дискурс всё же актуализирует второй из названных компонентов — рефлексию автора, оставляя роль хроникёра, фиксирующего событийную линию в качестве исходного посыла. Как отмечает И.Р.Гальперин, «эмоциональное всё же пробивает себе путь в разные классы информации» [8: 35].

Дневниковый дискурс демонстрирует состояние сознания под воздействием получен-

ной информации и эмоциональные реакции языковой личности — субъекта автокоммуникации.

В связи с чем закономерно возникает вопрос: в каких формах речи находят выражение каждая из этих двух семантических составляющих, какие речевые единицы их воплощают.

I. *Информативный* компонент, как уже было отмечено, представляет внешнее событие, «репродуцирует действительность» (Н.Д.Арутюнова). Наиболее ярко эту функцию выполняют односоставные номинативные предложения, фиксирующие явления действительности. Приведём несколько примеров из «Дневников» И.А.Бунина.

Разрыв. Уехал в Огневку. Вернулся осенью-<…>. Род примирения. (1899, СС. с. 319)

Т.В.Радзиевская, отмечает, что «отдельное высказывание — предложение в таких записях обычно представлено именной или пропозициональной номинацией» [9: 105]. Называя событие, говорящий «не раскрывает характера его протекания, не показывает его в конкретности», что формирует «реферативность» как конструктивную черту речевой организации данного типа текста.

Не менее регулярно информативный компонент структурируют неполные предложения, фиксирующие занятия автора за прошедший день. Типичность такого рода высказываний для дневникового текста достаточно очевидна (Из «Дневников» И.А.Бунина.: *Был на похоронах Кедрина. Ходил к Шестовым. Ездил с Мережковским на мольеровский банкет. Новый год встречали у Ландау. Обедали у Цетлиных с Бакстом и т.п.*).

Названные речевые явления наиболее очевидно маркируют канон жанра, являются проявлением специфичной для дневника коммуникативной ситуации, для которой характерно совмещение адресанта и адресата в одном лице.

Ю.М.Лотман отмечал редукцию как первый признак автокоммуникации, подчёркивая особенно актуальное для этого режима речевой деятельности осложнение текстовой семантики «за счёт втягивания в сообщение внетекстовых ассоциаций» [10: 35]. Рассмотрим в этой связи несколько цитат из Дневника Николая II, относящихся к июлю 1917 года:

21 июля. Пятница

Идеальный день простоял с утра; а также чудная лунная ночь. Утром почему-то поджидал Керенского, хочется наконец [знать], куда и когда мы отправимся? Совершили обычную прогулку от 11 ч. До 12 ч. Опять работали там же и окончили четыре лежавшие дерева. После чая окончил 1-й том «Александра 1».

Перед обедом Мария получила подарки.

22 июля.Суббота

Именины дорогой мама и нашей Марии. Погода была восхитительная и жаркая. Днём работали; срубили три небольших дерева и перепилили их и еще два старых — лежавших давно. Потели жестоко. В 6 час. Пошли к молебну и всенощной. Читал вслух по обыкновению. — Вчера вечером Керенский внезапно приехал из города и остановился в лицее….. (Цит. по книге: Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М.: 1989. с. 528)

Сухая, строгая фиксация занятий, отражающая намерение автора лишь запечатлеть события внешней жизни, тем не менее оказывается осложненной внетекстовой информацией — знанием ситуации: в июльские дни 1917 года царская семья находилась под арестом в Царском Селе в ожидании своей судьбы.

Таким образом, можно заключить, что информативный компонент в дневниковом тексте, в целом репродуцируя действительность, устанавливая референцию с миром действительности, тем не менее не может быть полностью абстрагирован от субъекта, затрагивая его личную сферу. Сам факт называния, упоминания реалий внешней жизни косвенно, импликативно вводит в дискурс элементы знаний, представлений, актуальных для представляемого события с позиции автора.

Как указывает Н.Д.Арутюнова, «события — это родовой термин, охватывающий такие понятия, как процессы, действия, условия, ситуации, изменения, положения дел» [11: 407], поэтому

для информативного компонента релевантны конструкции с «отглагольными и отадъективными существительными со значениями действия, состояния, процесса, состояния, бытия, пребывания, осуществления, свойства, качества, отношения и события».

Жанровому канону дневника в аспекте его речевой организации свойственны номинативные предложения, неполные предложения с глаголами «диктумной» семантики. Актуальным в этом компоненте дневникового текста является общефактическое значение несовершенного вида (ср.: *был, ходил, читал, видел и т.п.)*.Состав единиц, оформляющих информативный компонент, с точки зрения лексико-семантической сложно очертить, так как их разнообразие референтно обусловлено богатством внешнего мира. Можно лишь отметить некоторые регулярные для этого типа дискурса именные и пропозициональные номинации, которые которые служат именем эпизода и формируют тему текста (например: *встреча, книга, концерт, погода, болезнь, работа, награда и т.п.).*

Кроме того, информативный компонент дневникового текста реализуется с опорой на тематические группы существительных со значением места, времени, лица, а также на имена собственные (прежде всего — антропонимы и топонимы), избираемые говорящим в связи с представляемым фрагментом действительности.

Информативный компонент формирует важную жанровую черту дневника — **документализм**.

II. *Рефлексивный* компонент в семантической структуре дневникового текста представляет событие как результат его преломления в авторском сознании, включает в той или иной мере акт рефлексии ситуации. При этом имеем в виду, что «понятие рефлексии, истолковываемое предельно широко, — любое отношение сознания к сущему является рефлексией, — имеет множество измерений, в частности, аксиологическое, эйдетическое и эпистемическое» [12: 69]. В этом случае «говорящий присутствует трижды: первый раз участник ситуации Р, второй раз — как субъект, рефлектирующий Р, хранящий знания, получающий информацию, выдвигающий гипотезы о Р, и третий — как субъект, высказывающийся о Р» [Там же: 71]. Таким образом, встаёт вопрос о том, как событие, становясь объектом восприятия, отношения, оценки говорящего, представлено в его речи, как информативный план осложняется модальной рамкой. Безусловно, рефлексивные компоненты в разных текстах и у разных авторов характеризует разная степень развернутости и полноты речевых форм и средств, репрезентирующих освоение действительности сознанием: от единичных употреблений — его сигналов — до значительных по объему фрагментов, где изображение состояния сознания является самостоятельной целью. Попытаемся представить речевые формы и речевые средства, в которых может быть выражена авторская рефлексия, в нарастающей динамике.

II.1. Объект речи — внешняя картина жизни, в представлении которой эксплицирован фокус зрения говорящего, что актуализирует его присутствие и включённость в изображаемый фрагмент действительности. Событийный план дается сквозь призму видения и оценки говорящего, предметы окружающей действительности получают характеристику, мотивированную видением, впечатлением говорящего (субъект восприятия и субъект речи совпадают). Можно выделить единицы, актуализирующие присутствие говорящего как носителя «точки зрения», как непосредственного наблюдателя. Отметим их, в частности, в следующем фрагменте из «Дневника» Ю.Нагибина:

Сегодня снегопад сочетался с листопадом. Казалось, что падают снежинки — белые, жёлтые, красные. Снега было больше, чем листьев, и потому он подчинил их себе.

Хорошо было в лесу: мощный шум, осиновые, вишнёвого цвета листья под ногой, распахнувшиеся во все стороны коридоры. А в поле зеленая трава и белые от снега дороги.

Видел, как сбиваются грачи в стаи, а когда возвращался с прогулки, они черным плотным облаком висели в небе.(…)

Да, необыкновенно хорошо было в лесу. Я шел и подводил итоги своей жизни и неожиданно остался доволен ею. (Ю.Нагибин. 2 октября 1968 года).

Включение рефлексии по поводу собственной жизни (в конечной фразе) предваряется фрагментом, маркированным авторским присутствием в представлении картины внешней действительности, причем единицы, обозначающие включение наглядно-чувственного восприятия (*казалось; видел, как…)* сочетаются с отражением эмоционального впечатления (*было хорошо).* Включенность говорящего в контекст изображаемого с помощью глаголов, указывающих на определенную пространственную точку зрения (*когда возвращался; Я шел и…),* актуализирует перцептуализацию, видение описываемой картины глазами самого субъекта речи.

В случаях, аналогичных данному, еще нет прямой, буквальной экспликации рефлексии, нет специальных номинаций со значением отношения, оценки, однако речевая ткань фрагментов текста содержит сигналы, обнаруживающие деятельность сознания, проявляющие участие воспринимающего субъекта. Событие, представленное сквозь призму видения и наглядно-чувственного восприятия говорящего, утрачивает свой нейтрально-хроникальный облик, окрашиваясь субъективным отношением автора.

II.2. Объект речи — событие внешней жизни, осмысленное и оцененное автором. Рефлексия в этом случае не получает развернутого представления, тем не менее является эксплицитной, выражена лексемами с оценочной коннотацией. Так, например, в записи из дневника М.А.Булгакова, в целом сдержанно-строгой, с преобладанием информативной составляющей, отношение автора выражено глаголом «выставили»:

8 января 1924 года

Сегодня в газетах: бюллетень о состоянии здоровья Л.Д.Троцкого.

Начинается словами: «Л.Д.Троцкий 5-го ноября прошлого года болел инфлуэнцией…», кончается: «отпуск с полным освобождением от всяких обязанностей, на срок не менее 2-х месяцев». Комментарии к этому историческому бюллетеню излишни.

Итак, 8-го января 1924 г. Троцкого выставили. Что будет с Россией, знает один Бог. Пусть он ей поможет!

Нельзя не отметить дальнейшее развёртывание рефлексии в эмоционально окрашенных высказываниях (*Что будет с Россией, знает один Бог. Пусть он ей поможет!)*, которые и раскрывают суть отношения (не одобрение, а осуждение).

II.3. Авторскую рефлексию выражают единицы, семантика которых прямо предназначена для выражения оценки (точнее — разных видов оценки: эмоциональной, эстетической, морально-этической). Ее объектом становятся люди и явления. В этом случае событие помещается в модальную рамку и эксплицированность авторского отношения является очевидной.

Из «Дневника» К.Чуковского: (13 апреля 1953 года): *Дивные апрельские события! Указ об амнистии, пересмотр дела врачей-отравителей окрасили все мои дни радостью.*

Наиболее типично выражение авторского отношения в фрагментах, передающих впечатления автора от других лиц. Все дневниковые записи изобилуют такими формами, поэтому ограничимся только одним примером из «Дневника» К.Чуковского:

(30 июня 1955):

(…) Ахматова приехала ко мне в тот самый день, когда в СССР прилетел Неру. (…)

Ахматова была как всегда очень проста, добродушна и в то же время королевственна. Вскоре я понял, что приехала она не ради свежего воздуха, а исключительно из-за своей поэмы. Очевидно, в её трагической, мучительной жизни поэма — единственный просвет, единственная иллюзия счастья. (с.229).[ ]

Рассматривая специфику дневникового дискурса, необходимо заметить, что его особенностью является жесткость, откровенность, иногда беспощадность оценок, которая с позиции автора является выражением его **искренности,** а с позиции воспринимающего текст — проявлением **правдивости,** доверительности.

II.4. Наиболее открытым представлением рефлексии являются случаи, когда ее объектом является сам говорящий. В этом случае чаще всего автор оценивает собственное эмоциональное состояние, а также выражает отношение к собственным поступкам, поведению, к своим достижениям и успехам, критически осмысливает события собственной жизни. Актуальным средством выражения этого состояния служат высказывания с семантикой эмоционального и физического состояния:

4 января 1957 года: *На душе муть, тошнота. Всю ночь томит меня сознание непоправимой ошибки* (Чуковский, с.246)

Или пример из «Дневников» И.А.Бунина: «22.1У. 36. (…) *Шел по набережной, вдруг остановился: «да к чему же эта непрерывная двухлетняя мука, все равно ничему не поможешь! К черту, распрямись, забудь и не думай!» А как не думать, (…) Все боль, нежность. Особенно, когда слушаешь радио, что-нибудь прекрасное (…)* (Дн. Бунина, СС, 452). Или запись от 20 октября 1933 года во время напряженного ожидания решения Нобелевского комитета: «*Вчера и нынче невольное думанье и стремление не думать. Все-таки ожидание, иногда чувство несмелой надежды — тотчас удивление: нет, этого не может быть! Главное — предвкушение обиды, горечи. И правда непонятно! За всю жизнь ни одного события, успеха (а сколько у других, у какого-нибудь Шаляпина, например!) Только один раз — Академия. И как неожиданно! А их ждешь…*» (Дн. Бунина, СС, 449) .

Таким образом, используется разнообразный спектр языковых средств: в лексике — существительные, называющие чувства (*боль, нежность, мука, обида, горечь*), эмоционально окрашенные экспрессивные конструкции, восклицательные и вопросительные предложения, эмоционально-оценочная лексика. формирующая общий эмоциональный тон речи, междометия и вводные слова (*боже мой! Господи! Черт меня побери! Какое счастье, что…; слава богу).* Для контекста, выражающего чувства, эмоциональное состояние характерны экспрессивы: Как *бесконечно больно и жаль того счастья!* (Дн. Бунина, НЖ, 439) *Сколько мы пережили!* (Дн. Бунина, НЖ, 439) *До чего я пал* (Дн. Бунина, СС, 453) *Как жизнь коротка!* (Дн. Чайковского, 201)[7] *Ах, какой я урод человек!* (Дн. Чайковского, 17). Характерны именные конструкции: *Я в отчаяньи*; *все годы — мучения, порою отчаянье.* Безличные и номинативные предложения. Восклицательные предложения: *Страшна жизнь!* (Дн.Бунина, НЖ, 433) *И всему конец! Как странно — я в Германии* (Дн.Бунина, НЖ. 434) *Ах, если бы перестать странствовать с квартиры на квартиру!* (Дн. Бунина, НЖ, 445).*Стараюсь работать. И в отчаянии и — все не то!* (Дн.Бунина, НЖ, 439). *Так больно, так обострены все чувства, так остры все мысли и все воспоминания! А как тупы мы обычно! Как спокойны! И неужели нужна эта боль, чтобы мы ценили жизнь?* (Дн.Бунина, СС, 374).

Приведенные примеры показывают рефлексию как открытое состояние и формируют такое качество дневникового дискурса, как его **исповедальность**. Поскольку оценка предполагает взгляд извне, то в дневниковой автокоммуникации усиливается раздвоение авторского «Я»., необходимое для обращения к «другому» в себе. «Самообщение» возможно только в том случае, если я не тождественен с самим собой во времени, в подсознании. Необходимо «открыть» самого себя, растождествиться с собой…» [13: 205] Н.Д.Арутюнова, анализируя значимость «другого» в отношении морально-этических оценок, приводит концепцию Ж.-П.Сартра: «Понятие «другого» чрезвычайно важно для формирования самосознания. «Другой» превращает субъект познания в его объект. Благодаря существованию «другого» человек способен вынести суждение о себе самом как об объекте. Познавая себя, мы познаем свой образ в чужом сознании. «Другой» открывает мне меня. Он конституирует меня как совершенно новый для меня тип. Моя личность получает дополнительные параметры. «Другой» как бы становится посредником в отношениях меня с собой, соглядатаем моих мыслей и ощущений. Благодаря «Другому», в частности, у человека возникает чувство стыда, необходимо предполагающее присутствие свидетеля [14: 41].

Одним из наиболее характерно представля-

ющих ситуацию выражения внутреннего состояния, самоанализ, самооценку, является «Дневник» Ю.Нагибина. Приведем из него фрагмент:

Я опять попал в какой-то душевный капкан. Схватило меня суетливым и щемящим ужасом и не отпускает (…) В личном плане меня несколько ошеломил вдруг наставший покой, истинный покой. Мне в самом деле хочется разнообразия, «свежины» и жалчайших романтических приключений. Мне прекрасно, мило, нежно, доверчиво и любовно с Аллой. Но и тут я делаю с собой что-то дурное. Я словно боюсь забыть Геллу. Кстати, недавно я прочёл, что подобное же происходило с Прустом. Он также боялся потерять тоску и боль по ушедшим людям. И я сдерживаю свое сердце, начинаю травить его тоской о былом, мешаю себе быть до конца счастливым. Но главная беда не в этом. Очевидно, я привык к остроте каждодневности, к перепадам и ежечасным катастрофам. Это не мешает тому, что мне искренно хотелось всё время тишины, опрятности, порядка и покоя. Тут вроде бы имеется какой-то психологический разрыв, но что поделаешь!

(4 февраля 1969 г. с. 230–231)

Открытое представление состояния авторского сознания эксплицируют конструкции, актуализирующие субъектную отнесенность состояния (*Я попал в капкан; Меня схватило ужасом; Меня ошеломил..; Мне хочется..; Мне прекрасно; Я боюсь; Я сдерживаю своё сердце; Я привык..; Мне хотелось…)* а также лексические единицы, передающие эмоциональное состояние *(душевный капкан, ужас, тоска и боль, травить, психологический разрыв и т.п.)*.

Выражение сложных душевных движение, наблюдение над собственным духовным миром, самораскрытие личности в дневниковом дискурсе сопровождает **интонация откровенности, доверительности**. Нельзя не заметить, что при всей индивидуальности внутреннего состояния и специфике используемых речевых средств, которые дают представление о внутренней драме, переживаемой автором, остроте этих переживаний, этот текстовый фрагмент обладает общей семантикой: «Выражение внутреннего состояния» и представляет возможные речевые реализации данной ситуации.

II.5. Наконец, авторская рефлексия в дневниковом дискурсе находит обобщенное воплощение в генерализованных высказываниях, представляющих результат авторского осмысления события. Говорящий выводит законы существования, когда отмеченная черта становится закономерностью, переходит на другие классы (не конкретное лицо, а *все, люди, человек*), событие из единичных переводится в регулярные, вечные (*всегда, никогда*), то есть происходит генерализация субъекта и генерализация временного контекста.

Есть такая убогая фраза: нас многое связывает. С нелюбимым человеком не связывает ничего: ни совместно пережитая смерть близких, ни годы, прожитые бок о бок, ничто не заносится ему на текущий счет. С любимой связывает все, пельмени ВТО, афиши, морщины на собственной руке, каждая малость полна после разлуки глубиной и силой, потому что любимый человек пронизывает собой все: теряя его, теряешь весь мир, который затем надо воссоздавать наново, наново обставлять пустоту, как обставляют новую квартиру (Ю.Нагибин).

Фрагменты с обобщенной семантикой являются важным конституирующим элементом содержания дневниковой записи. Законченная мысль получает в них прямое воплощение, раскрывая в эксплицитной форме идеологию автора, его взгляд на мир и человека. Таким образом, они представляют собой наиболее очевидный и объективный контекст, ясно обнажающий ключевые, значимые концепты авторского мировидения. Объектом речи в них являются значимые категории бытия — *человек, любовь, жизнь и смерть, счастье и несчастье, творчество и т.п.* Фрагменты с обобщенной семантикой для такого рода слов оказываются той сильной позицией, где эти единицы, попадая в фокус, получают особую актуализацию.

Набор таких суждений, учитывая специфику субъекта речи в дневниковом тексте (его идентичность автору), позволяет пишущему од-

нозначно эксплицировать свои взгляды на мир и человека, а воспринимающему текст — раскрыть систему ценностных представлений личности и, в конечном счете, обнаружить сущностные авторские черты.

В силу того, что семантика этих фрагментов имеет генерализованный характер, выводя объект речи из узкой сферы индивидуально-личного в пространство «общего», они оказываются оптимальной средой, где концептуализация ключевых понятий приобретает завершенность и оформленность.

Рассмотренные семантические составляющие, свойственные дневниковому дискурсу, позволяют обозначить некоторые типологические характеристики, которые объективно присущи текстам данного жанра в единстве семантико-речевого представления. В этом смысле можно заключить, что дневник как жанр обладает значительным лингвометодическим потенциалом. Его возможное учебное использование открывает естественный путь в формировании речевой и жанровой компетенции, представляя модель не только целого жанра, но и его типичных семантических составляющих: выражение внутреннего состояния, сообщение о событиях, выражение отношения и оценок, отражающих рефлексию пишущего по поводу фактов внешней и внутренней жизни человека. Названные семантические установки отвечают коммуникативным потребностям каждого человека, его желанию выразить себя, рассказать о себе и своей жизни, мыслях, настроениях, то есть отражают естественные темы человеческого общения. Освоение стратегии такого рода построений, моделей реализации этих стратегий, а также возможных способов их речевого оформления являются существенной основой в обучении речевой деятельности. Как писал М.М.Бахтин, «индивидуальный опыт складывается в непрерывном взаимодействии с чужими высказываниями» (с.269).

Литература

1. Иванова Н. По ту строну вымысла. Ноябрьские тезисы. http://magazines.russ.ru/znamia/2005/11/voo12.html.

2. Дискуссия писателей и критиков по поводу документальной прозы // Знамя. 2006, №1. http://magazines.russ.ru/znamia/2006/1/voo12.html

3. Там же.

4. Барт Р. О дневниках // Искусство кино. 2001, №7.

5. Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 23–46.

6. Барт Р. Указ. соч.

7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М., 1999.

8. Гальперин И.Р. Текст как объект лигвистического исследования. М., 1981.

9. Радзиевская Т.В. Текст как результат безадресатной стратегии // Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.

10. Лотман Ю.М. Указ. соч.

11. Арутюнова Н.Д. Указ. соч.

12. Т.А.Майсак, С.Г.Татевосов. Пространство говорящего в категориях грамматики, или чего нельзя сказать о самом себе // Вопросы языкознания. 2000. № 5.

13. Пигров К. Дневник: общение с самим собой в пространстве тотальной коммуникации // Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации. Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 6. СПб., 1998.

14. Арутюнова Н.Д. Речеповеденческие акты и истинность // Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.

15. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Цитаты из дневников приведены по следующим изданиям:

М.Булгаков. СС в 8-ми тт. Т.8: Жизнеописание в документах. СПб: «Азбука-классика», 2002.

И. А. Бунин. Дневники. Собр. соч.: В 6-и тт. Т. 6. М., 1988.

Юрий Нагибин. Дневник. М., 1996.

П. И. Чайковский. Дневники. М.; Екатеринбург, 2000.

К. Чуковский. Дневник (1930–1969). М., 1994.

ФЕНОМЕН СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ В «ДНЕВНИКАХ» М. М. ПРИШВИНА (1920–1922 гг.)

И.Г.НОВОСЕЛОВА

Творческие искания М.М. Пришвина формируются в духовной атмосфере эпохи, когда сознание личности обретает особую значимость, получая поистине широкую интерпретацию. В начале XX века актуальным становится понятие «космос души» как знак необъятности сознания, сопрягающего человека с миром бытия. В широком понимании «космос души» можно представить как духовную сферу, где выражается неизменная потребность личности в осмыслении своих отношений с миром.

В начале XX века в произведениях Блока, Белого, Андреева, Бунина, Мережковского, Пастернака, Пришвина, Вернадского, Бердяева, Мечникова, Флоренского и других была обозначена проблема сознания «я», которая осмысливается в его связи с идеей бессмертия жизни, выявляется «я», охватывающее мир как таковой. Расширяющиеся возможности личностного осмысления мира в космических глубинах бытия оказывают влияние на отражение фактического материала.

Ирина Германовна Новоселова

Кандидат филологических наук, старший преподаватель Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток)

Обращение к феноменологическим принципам исследования выводит нас к особому видению дневников как сферы, куда входит интуиция, фиксация подсознательных актов, медитация, рефлективное отражение процессов бытия в сознании личности. В центре оказывается осмысление самого процесса познания мира человеком, постижение постижения. Анализ познания и его объекта в их единстве становится основной целью. Происходит обнаружение в сознании феноменов — тех концептуальных структур сознания, которые отражают самоосмысление и связь личностного сознания с универсальными законами духовной жизни человека. С одной стороны, сознание личности предстает как объект, с другой — оно не может входить в зону исследования прежде всего как субъект со своими процессами субъективно-психологического плана, помогающими человеку осознать свое место в мире, мир во всем его объеме и богатстве и сложности восприятия его.

Отражение бытия в сознании человека составляет суть дневника как эстетической формы. Необходимо говорить о слиянии двух предметов повествования в дневнике: о факте действительности и мироздании, с одной стороны, и о субъекте, их воспринимающем, с другой. В то же время сознание воспринимающего субъекта само становится объектом восприятия, «восприятием восприятия». Фиксация окружающего и самосознание едины в этой памяти души, выраженной в слове дневника и сосредоточенной на постижении сущности, феномене бытия как такового.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ: грант № 06-04-87401а/Т

Философский взгляд на универсальную связь человека и бытия создает феноменологическую глубину восприятия бытия. «Живая жизнь» проникает в сознание человека и наполняет самоценностью бытия любые внешние события, стирая границы между реальностью и сознанием за счет приобщения всего к акту восприятия человеком феноменов, универсалий жизни.

Особое место в динамике формирования сознания М. М. Пришвина, на наш взгляд, занимают «Дневники. 1920–1922 гг.» У писателя возникает потребность осмыслить факт как часть системы мира, как деталь целого, включающего в себя субъективные, интуитивные факторы. Пришвин определяет новый уровень постижения фактического, опираясь на созерцание, импульс рефлекторной связи с миром, активизацию структур сознания личности.

Осознавая все происходящее в душе как дар бытия, как «личное творчество в жизни», Пришвин в дневнике 1920–1922 гг. приходит к выводу о важности чувства жизни, именно оно обретает силу бессмертия, побеждая время: «Бессмертие не идея, а самочувствие жизни — это есть чувство жизни… Идея бессмертия — это атака — порыв, а жизнь рода — молчаливый и мощный ход борьбы за бессмертие» (149).

Поток сознания, обращение человека «внутрь себя», бессознательное, интуитивное становится предметом «интеллектуальной симпатии» XX века, когда личность является выразителем и свидетелем «душевного потока» (45). Именно эта тенденция XX века активизирует у Пришвина его потребность обращения к дневнику как жанру. Творческая работа сознания, соединяющего и сопрягающего духовное состояние человека, его переживания и нынешнего, и вчерашнего, составляет своеобразие дневников Пришвина. Категория памяти становится у писателя особо значимой: «А нужно бы просто взять сам интеллект под контроль чувства жизни» (213). «Контроль чувства жизни» становится важнейшим феноменом процесса восприятия.

Цельность личности обретается в интуитивном ощущении, когда становится «мир обыкновенный желанно-прекрасным», когда обретается духовное единство человека и мира в результате осознания им чувства дара жизни, интуитивного соединения небесного и земного. Для Пришвина моменты самонаблюдения таких «психологических взрывов», процессов сознания, чрезвычайно важны. Это чувство возникает в дневниковых записях постоянно, потому что события настоящего становятся для Пришвина прежде всего пережитым, своеобразным «фактом души», явлением, которое преображено сознанием человека.

В центре дневниковых записей обычно два предмета: факт и субъект. Но в дневниковых записях М. М. Пришвина эти предметы обретают космический объем. Факт быта переходит в факт бытия, наполненный самоосмыслением «я» в своей приобщенности к универсальному ходу жизни. Факт обретает многомерную связь с концептами реальности и сознания. Субъект же повествования в дневниковых записях М.М. Пришвина в процессе самоанализа сливается с объектом повествования, охватывая своим «я» весь мир, но в то же время не уходя от своего внутреннего, духовного, индивидуально неповторимого как содержащего в себе некий вечный закон бытия. Пришвин пишет о духовной силе, возникающей в ситуации приобщении к миру: «Я — это момент встречи духа с материей, это Я могучее, радостное и себе довлеющее» (207). «Я» в своем мысленном порыве сосредоточенно настолько, что обретает какую-то особую энергию мысли. Она преодолевает границы между прошлым и настоящим, соединяет себя и все вокруг в поток жизни.

Можно условно выделить два уровня взаимодействия «я» и мира. «Я» всеобъемлюще, оно столь велико в своих чувствах, что способно охватить мир, включить его в свое сознание. В то же время «я» чувствует свою незримую, родовую связь с земным, житейским началом, воспринимая себя как составную часть всеобщего.

Факт жизни и «память восприятия», чувство бытия, обращенное к художественному отражению мира, реальность и процесс работы души и сознания сопряжены в дневниках писателя. «Я высшее», «я» личности охватывает собой

мир, расширяется в этой связи до масштабов вселенной, человек чувствует свою приобщенность к бытию, радость его творения. «Я сам — это все что хочу и могу» (121).

Приобщенность к широте жизни природы сообщает уверенность в преодолении всего мелкого по сравнению с размахом бытия. «Утром туманы синие разбегались от солнца, открывая леса золотые и все утро, царственно раскидистое, широкое, великое…» (94) Чувство величия мира противостоит социальной неустроенности человека, наполняет душу любовью к миру.

Важно, что в дневниковых записях М.М. Пришвина осознанно фиксируется чувственное переживание фактического, но от него почти всегда есть выход к бытийному, духовно наполненному чувству широты жизни. Это моменты единения личности с миром. В дневниках Пришвина чувство любви становится светом бытия, оно размыкает душу человека в ситуации безысходности, спасает от социальной замкнутости: «Любовь — это чувство вселенной, когда все во мне и я во всем» (60). Пришвин подчеркивает важность переживания мысли о единстве внешнего и внутреннего чувства единства мира: «Нельзя истреблять заповедные уголки природы, потому что с ними таинственно связаны самые глубокие потоки человеческой мысли» (183). Чувство природы сопоставимо с ощущением движения жизни: «Земля пахнула своим запахом, и все вокруг становится так, будто слушаешь сказку мира» (269). В восприятии мира у Пришвина всегда существуют бытийные константы: небо и лес, запах земли, заповедные уголки природы. Широта и величие — это и облик мира, и чувство, которое испытывает человек, приобщаясь к процессу анализа своих впечатлений от реальности, к «руководящему жизнью сознанию». Повествование в отдельной дневниковой записи включает пение птиц, звуки голосов, звезды утренние, человека с котомкой и концепты вечного хода жизни («слава утру», «непокоренная природа», «чувство острой влюбленности в мир»), обращающее нас в сферу сознания личности, ее реакции на происходящее, осмысление отражения объективного в субъективном.

Взаимодействие личности и мира, где свобода человека достигается в широком пространстве жизни, помогает представить своеобразие модификации дневников М.М. Пришвина.

Жизнь сознания человека подчинена в дневниковых записях поиску своего места в мире, опор в глубинах бытия, самосознанию как универсальной связи «я» и жизненного пространства. Духовный простор чувств и мыслей человека, космичность его восприятия мира создают ощущение безграничной свободы человека: «Итак, земля, и солнце, и что за солнцем, вся вселенная движется несвободно, только Я свободно во всей вселенной…» (204). «Я» свободно и в то же время оно отражение этой вселенной. Мысль кажется парадоксальной. Бесконечность жизни сопоставима с безграничностью самой личности человека, но каждый человек одновременно чувствует свою индивидуальность: «*18 марта.* Зверь уравнения и Бог отличия: от-личия… Созидание, творчество создает от-личия» (41). Человек отличается от другого: каждый «имеет свое, Иваново, отличие… И это отличие есть черта Личности всего Космоса» (40). И вновь возникает парадоксальность: свое отличие — «Иваново» — в то же время есть выражение всего космоса. Но на самом деле в этой внешней парадоксальности заключена истина, мысль о единстве всего мира.

В своем дневнике писатель стремится зафиксировать моменты согласия в процессе самосознания человека, когда «любовь моя к своему дому и родине моей бедной соединяется чудесно с красотой мира: мое и лучшее мира соединяются» (подчеркнуто мною — И.Н.) (282).

Чувство приобщенности к красоте мира вызывает порыв любви, сообщающей «я» пафос гуманистического постижения законов бытия, где властвует духовная собственность. Естественное чувство приобщенности к красоте мира уводит человека «от себя в мир широкий, как океан, где нет уже мещанской собственности. Так что чувство собственности есть исток в универсальное» (283). Поэтому и сферу деятельности художника — слово — писатель связывает с самореализацией «Я», соединением «я» своего сознания и мира.

Эти образы на грани чувственного и понятийного составляют неповторимую черту дневниковых записей Пришвина. Для писателя важно не потерять свое «я», не уйти от себя, а пронизать своим сознанием окружающее, вобрать в себя мир, запечатлеть этот момент, когда человек чувствует и осознает одновременно отсвет окружающего в себе.

Таким образом, в дневниковых записях М.М. Пришвина сочетается человеческое «малое» с широтой бытия, и именно в этом единстве «полной жизни» обретает космичность «я» человека («Я высшее»). Рождается концепция «полного человека», «Личности всего Космоса», что дает силы человеку противостоять прежде всего в своей душе озлобленности, утвердиться в вечности любви и добра, почувствовать «полную минуту» бытия.

Литература

Пришвин М.М. Дневники. 1920–1922. — М.: Московский рабочий, 1995

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ (РОПРЯЛ)
приглашает вас принять участие в VI Всероссийском семинаре
«Русский язык. Культура речи», который состоится 29 января - 2 февраля 2007 года
на базе Санкт-Петербургского государственного университета.

Сам предмет семинара – культура речи – рассматривается в двух аспектах: как предмет изучения (лингвистического, исторического и философского анализа) и как предмет обучения. Темами лекций и дискуссий станут: общие вопросы изучения и преподавания культуры речи, особенности книжно-письменной и устной речи, риторика как область обучения устной речи, вопросы культуры речи в философском и психологическом аспектах, современный политический дискурс и др.

Лекторами семинара являются ведущие профессора СПбГУ, РГПУ им. Герцена и других вузов страны.

В рамках семинара планируется проведение преподавателями петербургских вузов мастер-классов, презентаций учебников нового поколения, круглого стола.

Организаторы семинара принимают предложения по тематике круглого стола и готовы организовать дополнительное заседание, посвященное обсуждению актуальных проблем преподавания культуры речи.

Участникам семинара выдается свидетельство.

Семинар проводится Российским обществом преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ) и Санкт-Петербургским государственным университетом при содействии Министерства образования и науки РФ.

Предварительная программа семинара и дополнительная информация будет размещена на портале РОПРЯЛ www.ropryal.ru в октябре 2007 г.

С вопросами о проведении семинара можно обращаться
по электронной почте info@ropryal.ru или
по тел./факсу (812) 323-66-20, тел.: (812) 325-11-32

Добро пожаловать!

Конкурс молодых поэтов

«ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ»

проводится под патронатом княжны Елены Волконской и при поддержке Посольства Российской Федерации в Италии, Росзарубежцентра, МИД РФ, Российского общества преподавателей русского языка и литературы, филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.
В этом году его победителями стали студентки филологического факультета СПбГУ Ксения ЧЕКУЛАЕВА /3 курс/
и Екатерина ШКЛЯЕВА /2 КУРС/

КСЕНИЯ ЧЕКУЛАЕВА

Бессвязное про одну поездку

Рим — суматошный и потрясающий. В Риме много скутеров, много туристов и много фонтанов. А еще там настоящее, невозможное солнце! Я вернулась из Рима красивой, совсем южной. Совсем другой.

Мы спали по пять часов, днем бродили по этим уютным холмам, по этим магазинчикам галстуков, шляп и плетеных корзин, этим развалинам, площадям с фонтанами, тихим храмам, улыбались итальянцам, а вечером ели осьминогов и пиццу, и я была самой счастливой. А потом мы видели княгиню Волконскую и общались с ней, и в это до сих пор трудно поверить.

Нет смысла описывать Рим. Он удивительно разный и, наверное. Всегда неожиданный. Если вам кажется, что вы знаете, чего от него ждать, — вы ошибаетесь. Вечный город у каждого свой, это точно. Так вот. Мой Рим — сумасшедший и прекрасный.

А итальянский язык — самый красивый язык в мире. Да.

Уроки французского

Медленно тает на языке вишневым мороженым —
Будь осторожней —
Это такое невыносимо нежное
Мягкое порно для сладкоежек

Это как поцелуй — осязаешь кожей —
Слетает с губ и падает льдинкой хрупкой

Это с рассвета воркующие на карнизе
Голубь с голубкой

Звук абрикосовых косточек, бьющихся о стекло
Шорох осенних бабочек в голове

Апрельское колдовство
Шаги по кофейным зернам

Дождь в огуречной траве

Это как снег, как виноградный сок
Маленькими глотками
Когда, запрокинув голову, произносишь
J aime les nuages и затихаешь

И чувствуешь – эхо, отраженное облаками
Тихо целует в висок…

ШКЛЯЕВА ЕКАТЕРИНА

Пережевываю бублик. Читаю газеты. Плачу. Лето снова наполнилось серыми красками, тонами фильма про туманного ежика. Как органично, как гармонично здесь — в городе Достоевского. Но как непроста эта гармония — она как будто качается между смертью и жизнью вопреки. Она наполнена туманами — фильм тот же. Она оставляет за тобой одно единственное право — двигаться наощупь.

И странно, как странно то, что на другом краю Европы так же качается на крючке вечностей другой, может быть даже совсем другой город. Он так же — разрываясь между падением плоти и парением мысли — позволяет ступать наугад по своим замысловатым улицам. Он гармоничен.

Но эта другая гармония — гармония совсем других оттенков. Залитые солнечным светом, стены римских домов и церквей поднимаются над душным асфальтом и серыми мостовыми. И поднявшись, уже не опускаются вниз. Так и вся история, все лица и эпохи этого города — они стремились только к вечности. Только вверх, чтобы больше никогда не вернуться…. Чтобы только напоминать нам, как было когда-то, предупреждая об ошибках, сохраняя на мозаиках и полотнах великие имена прошлого.

Возможно в этом парении — самое хрупкое и великое, что может сохраниться. И мне казалось, что это хрупкое и великое — как раз то, чего я касаюсь своими длинными пальцами. И что именно так я увидела Пантеон, Рафаэля и главную улицу Ватикана.

Именно так я встретилась с внучкой Столыпина и жаркими садами Тосканы — все открывалось как будто в полете, всё позволяло только коснуться себя, а потом улетало дальше. Улетало, чтобы пересечь границы улиц и остаться в вечности, которая и есть — гармония.

Словно тысячу лет назад
Мой печальный и смелый город:
Бесконечность прямых – гроза –
Струны ливней… высокий ворот…
Мне б уплыть по твоей воде,
Прикрывая шинелью плечи,
Навсегда перепутать дней
Быстротечность и бесконечность.
…Только ты моему двору
Не оставишь и капли даже,
Лишь туманом пройдя к утру
По фасадам многоэтажек.

Когда я соскучусь по желтому полю,
По красному солнцу, по синей звезде,
Я двери свои всем прохожим открою,
Я брошу свой дом. Я уйду по воде.

Когда я соскучусь по росам лиловым,
По белым туманам – по чистым тонам,
Я выйду за грани великого Слова
И книги поэтов раздам по томам.

Я стану лишь именем древнего списка
Всех тех, кто воздал чистоту – чистоте,
Всех тех, кто бродил наугад в пограничье
И все же ушел, направляясь к звезде.

И.Н.СУХИХ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР НЕКРАСОВА

СПОР ОБ ИСКУССТВЕ: ПОЭТ КАК ГРАЖДАНИН

Николай Алексеевич
НЕКРАСОВ
1821–1877

Игорь Николаевич
Сухих Профессор, доктор филологических наук СПбГУ

Некрасов — одна из самых спорных и противоречивых фигур не только в русской культуре, но и в русской поэзии.

Тургенев в шестидесятые–семидесятые годы не раз объявлял, что в стихах Некрасова «поэзия и не ночевала». «В белыми нитками сшитых, всякими нелепостями приправленных, мучительно высиженных измышлениях «скорбной» музы г. Некрасова — ее-то, поэзии, нет и на грош» («По поводу «Отцов и детей», 1868). А Д. С. Мережковский через несколько десятилетий назовет Тютчева и Некрасова «двумя тайнами русской поэзии».

Достоевский, как мы помним, поставил Некрасова сразу за Пушкиным и Лермонтовым. А молодые читатели возразили: Некрасов — «выше Пушкина». (Столь же противоречивые оценки позднее вызовет лишь поэзия Маяковского.)

Проблема заключается в том, что Некрасов не просто сочинял стихи, лучше или хуже пушкинских или тютчевских. Он предложил *иную систему художественных координат*: новый взгляд на задачи поэта, новые поэтические темы, даже новую стиховую систему. Некрасов, действительно, пришел в русскую поэзию с *новым словом*, которое далеко не все современники (да и потомки) готовы были принять и признать.

Сборник стихотворений 1856 года открывается программой, манифестом «Поэт и гражданин». Размышления о поэте и поэзии продолжают пушкинское «Поэт и толпа» (1828) и лермонтовское «Журналист, читатель и писатель» (1840), и в то же время во многом противоположны художественным концепциям поэзии золотого века.

Пушкинский *поэт* — пророк, питомец вдохновения, подчиняющийся лишь «веленью Божьему» и голосу Музы, находящий источники творчества прежде всего в собственной душе, презирающий «толпу» и «светскую чернь».

Лермонтовский *писатель* (на самом деле и он — Поэт) тоже сочиняет под властью вдохновенья. Однако темы его поэзии связаны уже с житейскими волненьями и битвами: «Тогда пишу. Диктует совесть, Пером сердитый водит ум: То соблазнительная повесть Сокрытых дел и тайных дум…» Но и он презирает суд толпы, противопоставляя ей свое свободное творчество.

В стихах Некрасова Муза остается одной из главных героинь, но

принципиально меняется ее привычный облик, поэт находит ей новое место в творческом процессе.

В «Поэте и гражданине» стихи Пушкина цитирует Гражданин, но сразу же утверждает, что стихи Поэта — его современника — ближе ему, чем пушкинская гармония: «Но признаюсь, твои стихи Живее к сердцу принимаю».

Из этого стихотворения часто повторяют известную контрастную формулу: «Поэтом можешь ты не быть, Но гражданином быть обязан». Однако Гражданин не только противопоставляет, но и *объединяет* эти общественные роли, обозначает свои требования к Поэту, не отрицающие его призвания:

> Будь гражданин! Служа искусству,
> Для блага ближнего живи,
> Свой гений подчиняя чувству
> Всеобнимающей Любви…

Пушкинская гармония уже невозможна в мире, где «не видно солнца ниоткуда». Служенье искусству, звукам сладким и молитвам сменяется у нового поэта *долгом перед обществом*. Вместо презренья к толпе («подите прочь…) поэт чувствует свою *вину* перед ней и ее посланником, Гражданином.

Стихотворение «Поэт и гражданин», таким образом, становится декларацией нового искусства: активного, гражданского, ориентированного на воспроизведение острых общественных проблем и социальных конфликтов.

Н.А.Некрасов. Литография Бореля, 50-е годы XIX века

Некрасовская *земная Муза* спускается с поэтического Олимпа на городские улицы или сельские пашни.

Муза и страдающая крестьянка — *сестры*: такова позиция Некрасова.

Лица и голоса: страдание и сострадание

Не оставляя прежних поэтических тем, Некрасов резко расширяет их круг и сдвигает их вниз по социальной вертикали. В его поэзию входят коллизии и персонажи, лишь изредка или вовсе не попадающие в поле внимания других поэтов: жизнь городских низов (мелких чиновников, бедняков-разночинцев, «падших» женщин), но, прежде всего — *крестьянский мир* в самых разнообразных его проявлениях: семейные конфликты, тяжелый труд, детство и старость, праздники и будни. Поэзия Некрасова словно становится продолжением прозы натуральной школы.

«Новый» Некрасов начинается стихотворением «В дороге» (1845), в котором ямщик рассказывает попутчику о своей трагической любви к воспитанной в барском доме жене. Некрасов — и здесь тоже его принципиальное отличие от предшествующей лирики — дает не только образ, но и *голос*, *точку зрения* своему герою. С этого времени и до конца жизни одной из самых важных линий некрасовского творчества становится *ролевая лирика* — рассказ какого-либо персонажа о своей судьбе («Огородник», «Нравственный человек», «Буря», «Песня Еремушке», стихотворения из цикла «О погоде»).

В других случаях поэт отказывается от точки зрения героя, но сохраняет *фабулу,* повествование о нем. Многие стихи Некрасова (в отличие от лирики его современников Фета или Тютчева) можно не только процитировать, но легко *пересказать*.

Одно из ранних иронических стихотворений Некрасова называлось «Современная ода». Намного чаще он пишет *современные баллады*, *стихотворения-рассказы*, в основе которых, в отличие от старых баллад Жуковского или Лермонтова, — не таинственно-фантастические, а современные бытовые темы («Размышления у па-

радного подъезда», («Железная дорога», «Генерал Топтыгин»). Именно поэтому вполне логичным был переход Некрасова к поэмам, увенчанный главным его созданием — эпопеей «Кому на Руси жить хорошо». (Тютчев и Фет, чуждые повествовательности, вовсе не писали поэм).

При большом разнообразии тем, персонажей и сюжетов в поэзии Некрасова есть центральный герой и основной эмоциональный тон, эмоциональная доминанта. Еще в одном обращении к музе сказано: «Сестра народа — и моя!» («Музе», 1877).

Понятие *народ* имеет для поэта четкий социальный характер. Народ — это не помещики или чиновники (даже из бедных петербургских углов), купцы или интеллигенция (включая самого поэта). Народ — это *деревенский мужик*, хранитель и кормилец; это *русская женщина*, баба; это *крестьянские* дети.

В «Элегии» (1874) Некрасов полемически настаивает на важном, исключительном характере этой темы.

> Пускай нам говорит изменчивая мода,
> Что тема старая "страдания народа"
> И что поэзия забыть ее должна,
> Не верьте, юноши! не стареет она.

Поскольку судьбу народа Некрасов видит в трагических тонах, чувство глубокой скорби, уныния становится доминирующим в его стихах.

«Родная земля! Назови мне такую обитель, Я такого угла не видал, Где бы сеятель твой и хранитель, Где бы русский мужик не стонал?» («Размышления у парадного подъезда», 1858).

«В полном разгаре страда деревенская… Доля ты! — русская долюшка женская! Вряд ли труднее сыскать» («В полном разгаре страда деревенская…», 1862)

«Холодно, голодно в нашем селении, Утро печальное, сырость, туман…» («Молебен», 1876).

Начинаясь с сострадания народной доле, чувство уныния заполняет весь мир: поэт видит ужас городской, петербургской жизни («О погоде»), воспринимает как страдание любовь («панаевский цикл) и практически все события собственной жизни. Лирический герой Некрасова с ужасом вспоминает детство и молодость, клянет свою застенчивость, страдает от невозможности выполнить долг.

Мир Некрасова — сплетение человеческой боли, социальной, личной, философской.

«Что ни год — уменьшаются силы, Ум ленивее, кровь холодней…Мать-отчизна, дойду до могилы, Не дождавшись свободы твоей!» («Что ни год — уменьшаются силы…», 1860).

«О слезы женские, с придачей Нервических тяжелых драм» («Слезы и нервы», 1861).

«Ты грустна, ты страдаешь душою: Верю — здесь не страдать мудрено. С окружающей нас нищетою Здесь природа сама заодно» («Утро», 1874).

«Страстный к страданью поэт!» — воскликнул Достоевский, прочитав «Последние песни» и увидев в этом концентрированном страдании что-то родственное себе. («Дневник писателя» за 1877 год).

Через сорок лет К. И. Чуковский гиперболически развил это наблюдение: «Это был гений уныния. В его душе звучала великолепная заупокойная музыка, и слушать эту музыку, передавать ее людям и значило для него творить. <…> И вообще тот всемирный человеческий стон, не прекращающийся в течение веков, …звучал у него в ушах непрерывно…<…> Из множества разрозненных образов, постоянно привлекаемых им как объекты для слез, в конце концов, выкристаллизовалось у него несколько устойчивых мифов, которые стали главенствующими и явились синтезом всех остальных, средоточием их разрозненных качеств; эти образы у него были такие: народ, мать, Белинский и собственная «безрассудно-разбитая» жизнь («Кнутом иссеченная Муза»).

У каждого из этих персонажей лирики Некрасова обнаруживается своя драма.

О страданиях народа уже говорилось выше.

Судьба Белинского, «честного сеятеля добра», трагична не только из-за ранней смерти, но также по причине литературных и правительственных преследований, тяжелой работы, бед-

ности, зависти конкурентов, отсутствия видимого результата деятельности.

Два образа «мученицы-матери» в лирике Некрасова также объединяет общий мотив страдания.

Женщина-крестьянка страдает от притеснений помещика, ругани и побоев мужа, непосильного труда, солдатчины и смерти детей («Тройка», 1846; «В деревне», 1854; «Внимая ужасам войны…», 1855; «Орина, мать солдатская», 1863).

У женщины из образованного общества судьба немногим отличается от крестьянской. Ее дети избавлены от ужасов воинской службы, но она сама не избавлена от тяжести домашнего гнета и преследований. В стихотворении «Родина» (1846), написанном в один год с «Тройкой», судьба матери поэта изображена в сходных тонах.

Навеки отдана угрюмому невежде,
Не предавалась ты несбыточной надежде —
Тебя пугала мысль восстать против судьбы,
Ты жребий свой несла в молчании рабы...

Определение *раба* применяется и к свободной женщине из дворянской усадьбы. В поведении обеих отмечается сходный «вечный испуг». «Муж-привередник» из крестьянской избы и «угрюмый невежда» из дворянской усадьбы в равной степени оказываются домашними тиранами.

Лирический герой: нервы, слезы, веселье

Лирический герой поэзии Некрасова является частью этой всеобщей боли, вселенского страдания. Причины его весьма разнообразны и сильно расширяют традиционный образ лирического поэта.

Он несет с собой груз драматического прошлого, мрачного детства и голодной юности. Но к этим мрачным воспоминаниям добавляются и новые источники нервности. Он, как и Белинский, испытывает зависть врагов и предательство друзей, ощущает невозможность осуществления взятой на себя задачи. Его «раненое сердце», как сейсмограф, ловит любую человеческую боль. Он страдает от застенчивости и безвестности, от отсутствия счастья и воли, от вековой тишины во глубине России, от вида крови и убийств, от скрежета лопаты на городской мостовой и дождливого мутного неба над деревенской пашней.

Не является исключением из общей атмосферы и чувство любви. В стихотворениях, связанных с отношениями Некрасова с А. Я. Панаевой («панаевский цикл») главным мотивом становится не восторг и красота любви, а непонимание, нервность, взаимные страдания.

Стихотворение «Мы с тобой бестолковые люди» (1851) посвящено ссоре близких людей. Надежда на счастье вырастает здесь из прозы взаимного примирения, возможно, не окончательного.

Если проза в любви неизбежна,
Так возьмем и с нее долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участья…

«Панаевский цикл» Некрасова часто сравнивают с «денисьевским циклом» Тютчева. Но трагизм этих стихотворений все-таки имеет разную природу. Влюбленные Тютчева вдвоем противостоят всему миру. Причиной трагедии и смерти оказываются здесь внешние обстоятельства, враждебная толпа. «Толпа, нахлынув, в грязь втоптала, То, что в душе ее цвело» (О, как убийственно мы любим…», 1851).

Отношения любящих людей у Некрасова разрывают внутренние конфликты. Герои смертельно противостоят друг другу и, в конце концов, остаются в одиночестве посреди враждебного мира.

Мы разошлись на полпути,
Мы разлучились до разлуки
И думали: не будет муки
В последнем роковом «прости»,
Но даже плакать нету силы…
Пиши — прошу я одного…
Мне эти письма будут милы
И святы, как цветы с могилы, —
С могилы сердца моего!
(Прощанье», 1856)

Чем беспощаднее лирический герой судит себя за ошибки и заблуждения, бездействие и бессилие поэтического слова, тем сильнее его же-

лание найти человека, в котором эти недостатки преодолены.

Подвижник, борец за народное дело — главный положительный герой лирики Некрасова. Этот образ, как правило, создается с опорой на биографии современников Некрасова, его знакомых и друзей (Белинского, Добролюбова, Т. Шевченко, Чернышевского). Но Некрасов создает не стихотворения-портреты, а стихотворные *легенды*. Образы монументально укрупняются, включаются в культурный контекст, приобретают богатырский характер.

Однако лирика Некрасова не ограничивается доминирующими печальными мотивами.

К. И. Чуковский заметил, что временами «гений уныния» превращался совсем в иного поэта. «Народ призван спасать его …от уныния. <…> Только в народе Некрасов умел улыбаться. Все веселые его стихотворения — все до одного — о народе. Даже больше, чем веселые — радостные. Первые главы «Коробейников», «Дядюшка Яков», великолепная «Сельская ярмонка», «Крестьянские дети», — везде мы чувствуем улыбку Некрасова. Только здесь он гармонически ясен, в ладу с самим собой» («Кнутом иссеченная муза»).

Некрасов умел смеяться и по-иному: злым сатирическим смехом. Начиная с «Современной оды» (которая на самом деле — сатира), в стихах Некрасова появляется галерея помещиков-самодуров, чиновников-проходимцев и казнокрадов, промотавшихся аристократов, мечтающих поправить свои дела с помощью выгодной женитьбы.

Важной особенностью поэзии Некрасова является не только разъединение, но и *сочетание* разных эмоциональных тонов и жанровых традиций.

В «Размышлениях у парадного подъезда» (1858) «Железной дороге» (1864) в рамках одного произведения соединяются и традиционное для поэта сочувствие к русскому народу, и сатира на его гонителей и притеснителей, и покаянное чувство лирического героя-рассказчика.

В художественном мире Некрасова на равных правах существуют жанры оды, элегии и сатиры. Образ лирического героя дополняется изображением многочисленных персонажей со своими судьбой и словом. Поэтому лирику Некрасова принято называть *многоэлементной лирической системой*.

Но творчество Некрасова не исчерпывается лирикой. Поэт, которого интересовали *другие* люди и характеры, который любил *рассказывать* в стихах, неизбежно должен был обратиться к большим повествовательным формам.

Поэмы (их поэт сочинил более десяти) — важнейшая часть творчества Некрасова. Поэмы, как правило, завершают и переводят на иной, монументальный, уровень главные темы некрасовской лирики.

«Коробейники» (1861) и «Мороз Красный нос» (1863–1864) — продолжение народной линии некрасовского творчества.

«Дедушка» (1870) и «Русские женщины» (1871–1872) изображают героические типы, которые в данном случае поэт находит в предшествующем поколении, среди декабристов и их жен.

«Современники» (1874) вырастают из некрасовских сатир.

Но главным созданием Некрасова, поэмой-итогом, поэмой-синтезом стала «Кому на Руси жить хорошо».

Кому на Руси жить хорошо (1863–1877)

Экспозиция: в мире сказки

«Кому на Руси жить хорошо» оказалась главной некрасовской книгой. Задумав поэму в 1863 году, вскоре после отмены крепостного права, поэт работал над ней — с большими перерывами — до последних дней. Книга оборвалась вместе с жизнью, оставив читателям и исследователям много загадок.

Из четырех ее фрагментов только «Часть первая» мыслилась Некрасовым как законченная, завершенная. Главы «Последыш» и «Пир на весь мир», связанные между собой и сюжетно, и по времени действия (в «Пире…» действие происходит в той же деревне Большие Вахлаки ночью, сразу после дневных событий, описанных в «Последыше»), имеют авторские пометки «из второй части». А «Крестьянка» — подзаголовок «из части третьей».

Какие еще фрагменты вошли бы во вторую и третью части, осталось неизвестным. Некрасовское произведение, таким образом, входит в число тех великих созданий русской литературы («Мертвые души», «Братья Карамазовы»), работа над которыми так и не была завершена. Они похожи на недостроенный храм: вглядываясь в сохранившиеся части, мы должны догадаться о смысле целого.

Современные литературоведы, помня о незавершенности поэмы, располагают написанные части в порядке авторской работы над ними: «Часть первая» — «Последыш» — «Крестьянка» — «Пир на весь мир». В некоторых изданиях «Крестьянка» публикуется раньше «Последыша». Но «Часть первая» и «Пир на весь мир» всегда остаются на своих местах, создавая рамочную композицию поэмы.

Некрасов задумывает «Кому на Руси жить хорошо» в те же годы, когда Толстой начинает работу над «Войной и миром». И поэт, и прозаик руководствовались сходным замыслом: показать русскую нацию в кризисной ситуации, на переломе. И Толстого, и Некрасова волновала «мысль народная».

Прозаику, однако, для воплощения замысла *романа-эпопеи*, понадобились исторический материал и собственная философия истории. Поэт в создании *поэмы-эпопеи* обратился к явлениям современной, пореформенной действительности, но зато нашел точку опоры в фольклорной поэтике.

Толстой в своей эпопее смотрел на прошлое с точки зрения современности. Некрасов вглядывался в современность словно из глубины веков.

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков…

Уже первое четверостишие некрасовской поэмы — привычный для русской поэзии трехстопный ямб с непривычными дактилическими окончаниями — обозначает важные принципы художественного мира, определяет особенности ее художественного мира.

Характеристика места и времени имеет условный, сказочный характер (сравним: *в некотором царстве, в некотором государстве*). Условность поддерживается названиями деревень, которые нельзя найти на карте, но легко понять как характеристику их обитателей: «Подтянутой губернии, Уезда Терпигорева, Пустопорожней волости, Из смежных деревень: Заплатова, Дырявина, Разутова, Знобишина, Горелова, Неелова — Неурожайка тож»

К сказке восходит и главный мотив путешествия, странствия с какой-то заранее определенной целью (в сказке это называется «трудная задача»). А хронотоп *большой дороги*, который использует Некрасов, оказывается одним из самых важных в русской литературе от Радищева до Чехова.

Герои-спорщики не индивидуализированы, как другие персонажи поэмы. Они представляют образ коллективного «счастьеискателя». Наконец, само число странников оказывается символическим: семерка в фольклорной поэтике — магическое, загадочное число.

Естественно, на первых же шагах путешествия героям встречаются особые персонажи: похожая на ведьму «корявая Дурандиха», говорящая птица, дарящая «скатерть самобранную».

Путешествие некрасовских странников начинается в *мире сказки*. По-сказочному сформулирован и главный, образующий завязку поэмы вопрос, который мечтают разрешить странники:

Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Современность: в поисках счастливого

Но сразу же после пролога, в первой главе, герои из фольклорного, сказочного мира попадают в мир реальный. Ответ на свой вопрос герои поэмы должны получить уже в пореформенной России.

В первых спорах странников кандидатами в счастливые оказываются представители всей надстраивающейся над мужиком социальной вертикали: помещик, чиновник, поп, купец, вельможный боярин-министр, царь.

Но «высоко Бог, далеко царь…». В первой части странникам удается узнать лишь мнения

попа и помещика, персонажей, наиболее близких к мужицкой жизни. Оба они отказываются от звания счастливых.

Однако уже в первой части фабула поэмы отклоняется от заданной в прологе линии. В главах «Сельская ярмонка», «Пьяная ночь», «Счастливые» странники начинают «в толпе — искать счастливого». Поиск, следовательно, начинается уже не по вертикали, а по горизонтали, среди таких же мужиков, как и сами герои.

В этих главах Некрасов объединяет многочисленных героев своей ролевой лирики. На диогеновский призыв «*ищу счастливого человека*» являются самые разные люди с историями своей жизни: старуха, вырастившая огромную вкусную репу; выживший в двадцати сражениях, битый палками, но оставшийся в живых солдат; хвастающий своей силой и своим огромным молотом каменотес; больной крестьянин, счастье которого видится в мечте умереть на родине.

Некрасов строит эти картины на ироническом парадоксе. Парад «счастливых» завершается нищими. В надежде получить бесплатное угощение они тоже толкуют о своем счастье: им с охотой подают милостыню. Зато о своем несчастье плачется «дикий помещик», лишенный привычных забав в виде псовой охоты и «удара скуловорота».

Иной тип счастливого человека предлагает крестьянин Федосей из деревни Дымоглотова: «Коли Ермил не выручит, Счастливцем не объявится, Так и шататься нечего…»

Ермил Гирин — первый появляющийся в поэме тип «просто мужика», который перестает быть только страдальцем и вырастает в народного заступника, действующего «не колдовством, а правдою».

Портреты: три судьбы

В главах из второй и третьей части, «Последыш» и «Крестьянка», темы первой части развиваются, но меняется композиция. Теперь поэт дает не движущуюся панораму современной жизни, а *портреты персонажей* из намеченных ранее двух противоположных лагерей.

Князь Утятин — словно выживший из ума Оболт-Оболдуев.

В главе «Крестьянка» поэт подводит итоги давно волновавшей его теме женской судьбы («Тройка», «В полном разгаре страда деревенская…»). Поиски счастливицы «среди баб» приводят странников к Матрене Тимофеевне. Она прошла почти все испытания, которые могут выпасть на долю крестьянки: семейный «ад» в доме мужа, страшная гибель ребенка, публичное наказание по прихоти самодура-помещика, солдатчина мужа. Тем не менее, она правит домом и растит детей, но сама соглашается со словами «святой странницы»:

Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У Бога самого!

И эту главу Некрасов строит на контрасте. Если Матрена Тимофеевна демонстрирует великое терпение, то Савелий богатырь святорусский — предел этого терпения, бунт против насилия, хотя тоже очень своеобразный. «Клейменый, да не раб!» — говорит о себе бывший каторжанин.

Определение «богатырь», применяемое к Савелию, полно горькой иронии.

"Как вы терпели, дедушка?"
— А потому терпели мы,
Что мы — богатыри.
В том богатырство русское.

Позднее, вернувшись с каторги, Савелий становится невольным виновником гибели внука, уходит странствовать, кается и умирает, дожив до «ста семи годов».

Судьба этого героя перекликается с судьбой Ермила Гирина: и последовательная защита мужицких интересов, и внезапный бунт приводят к одному итогу.

Как вы ни бейтесь, глупые,
Что на роду написано,
Того не миновать!
Мужчинам три дороженьки:
Кабак, острог, да каторга…

Пир на весь мир: счастье поэта

Последнюю часть поэмы, «Пир на весь мир»,

Некрасов пишет уже смертельно больным, зная, что не успевает окончить свой заветный труд, пытаясь вложить в эти страницы все, передуманное за жизнь — договорить, объяснить, объясниться. Здесь происходит возвращение к композиционному принципу первой части. «Площадка перед Волгою, луною освещенная», на краю села, у большой дороги становится местом разговоров, рассказов, песен, воспоминаний о недавнем прошлом и гаданий о будущем — *пира на весь мир*.

Спокойно течет великая река — течет перед читателем река народной жизни.

О недавнем прошлом напоминают многие песни и сюжеты. «Голодная» и «Веселая», «Барщинная» и «Соленая» песни на самом деле не очень отличаются друг от друга.

«Кушай тюрю, Яша! Молочка-то нет» — успокаивает сына женщина в «Веселой». «Никто как Бог! Не ест, не пьет Меньшой сынок. Гляди — умрет!» — отчаивается другая мать в «Соленой».

«Пухнет с мякины живот» у Калинушки, героя «Барщинной». «Стоит мужик — Колышется, Идет мужик — не дышится! С коры его Распучило, Тоска-беда измучила», — начинается «Голодная».

Герои других рассказов-баллад демонстрируют бунт на коленях или предательство народных интересов. Настоящий бунт изображен в «древней были» «О двух великих грешниках» (она, действительно, опирается на народные предания). Страшный разбойник Кудеяр-атаман искупает грехи убийством жестокого пана Глуховского, который мучил, пытал и вешал холопов, не испытывая никаких мук совести. Это убийство оправдано не только людским мнением, но и Божьим промыслом: «Рухнуло древо, скатилося С инока бремя грехов!»

Эта месть — предельный случай прошлой жизни. Отмена крепостного права, действительно, является для автора поэмы *великим переломом*. Личная свобода по указу государеву не отменяет всех проблем, но создает основу для новой жизни, в которой уже будут невозможны ни прежние герои, ни прежние конфликты

Образы странников в этой главе раздваиваются: то они «люди гордые с уверенной походкою», то опять вахлаки, «досыта не едавшие, несолоно хлебавшие, которых вместо барина драть будет волостной». Однако выбор между этими вариантами все-таки происходит в эпилоге.

В первые годы работы Некрасов, как Пушкин в случае с «Евгением Онегиным», еще неясно различал даль своей эпопеи. «Начиная, я не видел ясно, где ей конец…» Из шести первоначально обозначенных кандидатов на роль счастливого странникам, как мы помним, удалось побеседовать лишь с двумя.

В середине 1870-х годов, через десятилетие после начала работы, предполагались весьма печальные варианты финала. «Если порассудить, то на белом свете нехорошо жить никому», — сказал поэт одному собеседнику.

Но умирая, поэт хочет поставить иную — оптимистическую — точку. В эпилоге поэмы появляется еще один персонаж с говорящей фамилией Добросклонов.

Гриша Добросклонов, сам выйдя из народной среды, выбирает обратный путь, ведущий к униженным и обиженным. Но его оружием, его инструментом на этом пути оказывается *слово*.

Счастливым герой предстает в тот момент, когда сочиняет «песню новую», в ней четко формулируются и некрасовские заветные мысли о России. Даже в крепостном рабстве народ сохранил свое золотое сердце и спокойную совесть. Вскоре появится неисчислимая рать (видимо, народных заступников), которая проявит несокрушимую силу.

Композиционным кольцом «песенки» становится с незначительными изменениями повторяющаяся строфа, имеющая максимально широкий, противоречивый и в то же время цельный характер (ее можно понять как главную формулу творчества Некрасова).

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка-Русь!..

В душе героя зреет и «новая песенка».

Счастье творчества, находящего отклик у народа, воодушевляющего его, напоминающего

ему о лучшей жизни, — становится последним, окончательно найденным финалом некрасовской поэмы.

Слышал он в груди своей силы необъятные,
Услаждали слух его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благородного —
Пел он воплощение счастия народного!..

Счастливым человеком у Некрасова оказывается не царь и не пьяный, а *поэт*, поющий лучезарные гимны о народном счастье. Умирая, «гений уныния» создал образ молодого творца, своего счастливого наследника, за которым — будущее.

«Кому на Руси жить хорошо» — эпопея национальной жизни, в которой страдание, уравновешивается улыбкой, безнадежность преодолевается надеждой и верой. Со страниц книги мощно звучит плачущий и смеющийся народный хор.

Один французский поэт говорил: мир существует, чтобы войти в книгу.

Великие книги, в свою очередь, существует, чтобы войти в жизнь нескольких поколений — стать пословицей, мифом, нарицательным образом, *вечным вопросом*.

Русь, куда ж несешься ты?
Кто виноват?
Что делать?
Кому на Руси жить хорошо?

Некрасов поставил еще один русский вопрос, ответ на который всякий раз, во всякую эпоху приходится искать заново.

Н.В.РАЙАН

РУССКИЕ ПОЭТЫ В КИТАЕ И В АВСТРАЛИИ

Нонна Владимировна Райан

Доктор филологических наук, зав. отделением русского языка факультета европейских языков университета Маквори, Сидней (Австралия)

XX век, войн и революций, был особенно жесток для России, испытавшей Первую мировую войну, Октябрьскую революцию, Гражданскую войну, Великую Отечественную войну, годы сталинского террора, советский режим и в конце века — перестройку. Результатом каждого из этих исторических событий были волны беженцев из России. Русские люди разъехались во все концы света, и судьбы у них сложились по-разному, но всем им пришлось покинуть свой дом, расстаться со своими друзьями. Единственный багаж, который берут с собой беженцы, — это свой язык, своя культура. Они всеми силами стараются сохранить свою русскость, свою народность.

Лишь осталось одно желание, —
От желаний других я отвык, —
Сохранить до конца изгнанья
Мой великий русский язык

(Павел Шевченко)

Русские писатели-имигранты в Китае

Русское население в Китае образовалось в результате постройки КВЖД, начавшейся в 1893 году.

Там в тишине, готовясь к бою,
Дракону в каменную грудь
Россия мощною рукой
Вковала свой железный путь.
И страны дальнего востока,
В глухие дикие края
Влилась стремительным потоком
Культуры светлая струя.

(Н. Байков)

Позднее русское население увеличилось за счет иммигрантов, бежавших от революции. Интеллигенция составила кадры первой эмиграции, развивала русскую культуру и продолжала ее за пределами собственной страны. Русская литература зарубежья тесно связана с историческим и эстетическим опытом русской культурой в целом.

Города Харбин и Шанхай были главными литературными центрами русских в Китае. Шанхайская русская молодежь, попав под иностранное влияние, не болела «русской тоской». Русское литературное объединение в Шанхае «Понедельник» привлекало на собрания в основном людей среднего возраста, там читали стихи русских парижских и местных, дальневосточных поэтов.

Русские, оказавшиеся в северном Китае, не чувствовали себя полностью отрезанными от России. Маньчжурия и особенно город Харбин с установившимся русским образом жизни стали для них временной родиной. Природа там тоже почти не отличалась от русской: также падал снег, цвела черемуха и осень раскрашивала леса и сады в яркие краски.

Эта осень — ужасный мот!
Багряницей одела леса,
Разбросала червонцы, и вот,
На убогой земле — чудеса!

(М. Рокотов)

Дети, родившиеся там, воспитывались в русском духе, им прививалась любовь к России и ко всему русскому.

На скудные доли я сердце мое не дроблю,
Россия, Россия, Отчизна моя золотая;
Все страны вселенной я сердцем широким люблю,
Но только, Россия, одну тебя больше Китая люблю.

(Валерий Перелешин)

Харбин был русским городом, там был русский язык, русские школы, церкви, театры, русская жизнь. Эта русская жизнь и нашла отражение в литературе.

Нам не забыть Маньчжурских сопок,
Долин и рек, полей, лесов,
И звонких водопадов рокот,
Луга пестреющих цветов…
Черемухи душистой рощи,
В садах лиловую сирень,
Очарованье летней ночи,
Хрустящий снежный зимний день
(Валентина Чекальская)

В Харбине поэты издавали свои сборники стихов, устраивали литературные вечера и конкурсы. Главным литературным объединением была «Чураевка». Это объединение основалось по инициативе белого русского офицера Алексея Грызова. Название было взято из многотомного романа писателя-эмигранта Г. Гребенщикова «Братья Чураевы» о первых русских поселенцах на Алтае. Грызов родился в Сибири в поселке Ачаир, и это название он выбрал для своего псевдонима. В объединение, кроме Ачаира, Арсения Несмелова, Валерия Перелешина и Б.Н. Иванова, входило еще 38 писателей и поэтов. В Харбине русская молодежь болела «русской тоской», стремилась к совершенству в творчестве.

В 30-е годы молодежь сменила название объединения на «Цех поэтов», избрав поэта Николая Гумилева своим духовным руководителем. С 1932 г. Объединение издавало ежемесячную восьмистраничную газету «Чураевка», появление которой приветствовал Г. В. Адамович в «Парижских новостях». В начале 1934 г. харбинские поэты получили признание в Европе. «Цех поэтов» обратился к объединению русских поэтов в Париже, и последовал отклик — Адамович написал статью в одной из парижских газет: «Можно судить по журналу «Молодая Чураевка», что чураевцы служат России и ее культуре дельно и искренне». За годы своего существования объединение «Чураевка» выпустило в свет четыре сборника стихотворений: «Лестница в облака», «Семеро», «Багульник» и «Излучина».

Русская эмиграция в Харбине существовала в сложной и резко изменявшейся политической обстановке. Во время Второй мировой войны многие русские, особенно молодые люди, уезжали из Харбина, чтобы избежать принудительного вовлечения в японские военные отряды. Отъезд большого количества русских людей из Харбина послужил причиной прекращения существования «Чураевки». В начале 60-х годов русский Харбин трагически закончил свое существование. Харбинцы разъехались по разным странам мира, многие нашли себе приют в Австралии.

Русские писатели-иммигранты в Австралии

Русских писателей-иммигрантов в Австралии можно разделить на три группы:

— люди, приехавшие из Европы в 1946–49 гг. после Великой Отечественной войны;

— люди, приехавшие из Китая в 1957–62 гг., большинство — первое и второе поколение родившиеся в Китае;

— люди, приехавшие после распада СССР.

Центральным мотивом писателей европейской послевоенной иммиграции стал мотив страданий и мотив покинутой родины:

Я прошел по долинам и горам,
В снежных вихрях и в синий мороз;
Не окинешь ты старческим взором
Тех страданий, что я перенес.
(Михаил Голубен)

Это люди, прошедшие всю войну, испытавшие ранения, часто плен, потерявшие дом и родных, после победы оказались не нужны своей родине и вынуждены были искать себе пристанище в чужих краях.

Уже печаль при потерях не гложет,
Я к потерям привык навек.
Потерял я все, что может
Потерять на земле человек.
(Павел Шевченко)

Обида, горечь и ужасная трагедия каждого из них не погасила в них любовь к России и ко всему русскому:

Я пришел к тебе с болью сердечной,
Поскорее мне дверь отвори,
И простым языком человечьим
Ты по-русски со мной говори.
(Михаил Голубен)

В то же время писатель понимает, что, живя в Австралии, он изменился, стал другим.

Я привержен русскому народу,
Хоть живу среди других людей,
Полюбив всем сердцем их свободу,
Без прикрас и призрачных идей.
(Иван Богут)

Поэзия Анатолия Карель, прошедшего Великую Отечественную войну, полна ностальгии. Он пишет о своей родной земле, о русской истории, о русских поэтах.

Я не учился с Пушкиным в лицее
С ним в Царскосельском не гулял саду,
Но с талисманом русскости бесценным —
С его поэзией — я через жизнь иду.

Со временем его чувство ностальгии слабеет, все еще любя Россию, он начинает понимать и даже любить свою приемную родину — Австралию.

Мы еще мечтаем о России,
Но уже, по правде говоря,
Для России мы давно чужие,
А для нас Австралия — своя.

Олег Козин встает в защиту иммигрантов и пишет ответ от их имени:

Нас много лет в России упрекали…
А мы несли ее по странам мира
И славили на разных языках —
От улиц пыльных знойного Каира
И до Гренландии, закованной во льдах.

Русские поэты-иммигранты, приехавшие из Китая

Русские поэты, приехавшие в Австралию из Китая, являются представителями молодого поколения. Они родились в Китае, Россию никогда не видели, но, будучи воспитанными в русских семьях, они чувствовали себя русскими. В их произведениях есть ностальгия, но не только по России, а также и по Китаю. Россия для них — абстрактное понятие о родине, а Китай — это место, где они родились, где прошло их детство и во многих случаях и их молодость.

Мы песни слыхали про синие дали,
Утесы на Волге, Дунай голубой,
Волну на Амуре, байкальские бури, —
А я вам спою про Харбин наш родной.
(Суворов)

М. Белоногов является одним из типичных поэтов этого поколения:

Пусть я родился на чужбине,
Хоть не бывал в родном краю,
Но я тебя, Россия, вижу,
Как песню русскую, пою.

Второму и третьему поколениям русских, родившимся за пределами России, гораздо легче ассимилироваться и считать себя австралийцами. В их поэзии выражена любовь к Австралии, которую они признают своей приемной родиной.

Китай, Китай, — там я родился,
Маньчжурский край — моя страна.
Но Сидней вот мне полюбился
И где ж ты, родина моя?

В 1997 г. австралийская писательница и поэтесса Н.А. Мельникова составила библиографию русских изданий, опубликованных с 1912 по 1997гг. За эти годы вышло в печать 12 газет, несколько журналов, самые значительные из них: «Берега», «Вести», «Крылья», «Эмигрантский шиповник». 121 книга, из которых 5 книг вышло на английском, 4 — на английском и русском, все остальные — на русском языке. В 1998 г. Н.А. Мельникова опубликовала Антологию 46 русских поэтов в Австралии. Благодаря ее стараниям мир узнал о русских писателях и поэтах в Австралии.

Третья волна эмигрантов покидала свою родину по личным причинам, добровольно. У них нет желания вернуться в Россию, они не испытывают чувства ностальгии.

В заключение можно сказать, что русские писатели и поэты-иммигранты первой волны и их потомки в зарубежье, в Китае и в Австралии, в какой-то степени создали свой мир, бытие на чужой земле и отразили этот мир в литературе. Литература русского зарубежья — это личная трагедия, пережитая каждым из покинувших родину. Русская литература в зарубежье существовала в условиях свободы слова.

[предлагаем вашему вниманию]

Мысли о русском языке: прошлое, настоящее, будущее: Сборник статей к 155-летию кафедры русского языка (1849--2004) / Отв. редактор П. А. Клубков. —СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. — 336 с.

ISBN 5-288-03890-2

Настоящий сборник состоит из двух частей. В первой части представлены научные статьи русистов российских вузов по трем разделам: I. Из истории лингвистики; II. Из истории русского языка; III. Современный русский язык. Вторая содержит библиографию научных работ членов современной кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета. Предваряют труд две статьи — «Вступительное слово» проф. В. В. ,Ко лесова и статья доц. И. С. Лутовиновой «К истории кафедры русского языка».

Предназначен для всех русистов.

М.ОСТАШ

ПОЛЬСКАЯ ДЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ КАК ИСТОЧНИК ГУМАНИТАРНОГО, ПРИРОДОВЕДЧЕСКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО И МАТЕМАТИЧЕСКОГО ВДОХНОВЕНИЯ

Мария Осташ
Краковская Педагогическая Академия

Эволюция польской детской литературы идет в том же направлении, что и эволюция литературы других народов. Для детской литературы всегда был первичен игровой аспект, хотя он до сих пор еще не достаточно описан и эксплицирован.

В Польше отцом официальной литературы, предназначенной для маленького адресата, был Станислав Яхович (1796–1857), который писал морализаторско-дидактические стихи для дворянских детей, основателем игрового направления детской поэзии стала Мария Конопницка (1842–1910).

Для каждого ребенка игра — это непосредственная жизненная необходимость. И поэтому в литературе, а в особенности в детской поэзии, создание атмосферы игры является естественной формой контакта с маленьким адресатом. Игры, понимаемой буквально, как инсценировки поэтических текстов и словесных забав[1]. В большинстве стихотворений, предназначенных для маленьких адресатов, присутствует поэтика игрового типа, выполняющая определенные задания. С игрой связана естественная мотивация саморазвития.

Маленький адресат (слушатель или читатель), которому всего лишь несколько лет, находится в преддверии познания принципов и жизненных норм. Мир для ребенка еще не упорядочен отчетливо, он не предстает перед ним целостным. Этот мир даже в чем-то хаотичен, поскольку ребенок смотрит на мир, не зная законов физики, природы, общества и т.д. Воспитательная функция и смысл произведений — игровых сценариев — проявляется в том, что они знакомят ребенка со всевозможными правилами и принципами.

Для иллюстрации обозначенного выше круга проблем я выбрала лучшие образцы польской поэзии, сама тема и языковая организация

которых стимулируют к разворачиванию текста в игровую форму, к удовлетворению стихийной потребности ребенка в игре.

Дидактичность выбранных мной стихов заключается в том, что они вдохновляют маленького адресата на распознавание принципов и отношений в мире, приобщают к культуре («*Варила сорока кашку*» Чеслава Янчарского и др.), учат пользоваться абстрактными знаниями («*Трудный счет*» Юлиана Тувима и др.), а также знакомят с основами языка и литературными способами выражения мысли («*Наши цветы*» Марии Конопницкой, «*Птичье радио*» Юлиана Тувима, «*Носороги в дороге*» Людвика Ежи Керна, «*Поиски льва*» Юзефа Ратайчика, «*Снег*» Тадеуша Кубяка и др.), с законами природы («*На прилавке*» Яна Бжехвы, «*Не оставляй…*» Ванды Хотомской, «*Осень*» Тадеуша Ружевича и др.), а также с географией («*Глобус*», «*Сойка*» и «*Ссора рек*» Яна Бжехвы и др.) Поэты упорядочивают мир при помощи стихотворной детской игры.

1. Сценарии познания правил социокультурной жизни

Литературное введение в принципы и нормы общественной жизни, подготовка к участию в культурном процессе и приобретение навыков использования абстрактных знаний иногда принимают игровые формы.

Сценарии познания общественной жизни

Примером такого сценария является стихотворение Чеслава Янчарского «*Варила сорока кашку*», которое приглашает к игре, ненавязчиво исполняющей познавательную функцию — счет от одного до пяти и обратно, а также функцию воспитательную — культура поведения за столом. Фольклорный текст «*Сорока-воровка кашку варила*», инсценированная забава, известная всем польским детям, расширен автором до рассказа в десяти строфах. Пространство мира указанного произведения — это, прежде всего, пространство дома с его основной утварью: столом, печью, дверями и т.д., являющейся одновременно реквизитами игры в прятки персонифицированной сорочьей семейки, насчитывающей пятеро детей. Нелегко собрать за столом всю эту ватагу, и, конечно, «больше всего с пятым хлопот», потому что он самый маленький, хотя старшие братья за ним присматривают. Видно это в строфах:

Warzyła sroczka	Варила сорока
kaszkę jaglaną.	Пшенную кашку.
Zaraz sroczęta	Сейчас сорочата
obiad dostaną.	Обед получат.
[...]	[…]
A gdzie jest piąte?	А где же пятый?
Nie ma piątego!	Пятого нету!

А дальше начинается игра в прятки — бесконечные поиски братишки и перечисление мест в доме, где он мог спрятаться.

[...]	[…]
Aż w końcu wybiegł	И вот наконец выбежал
braciszek pierwszy.	первый братишка.
Już nie ma sroczął....	Нет больше сорочат…
Czy skończyć wierszyk?	Закончить стишок?

Поскольку все сорочата вышли из дому, потерялись, их нужно найти и посадить за обеденный стол. На вопрос рассказчика «Закончить стишок?» маленький слушатель отвечает отрицательно, потому что дети любят искусство слова, активно участвуют в его восприятии и хотят слушать рассказ до бесконечности. Они заинтересованы загадкой: где спрятались сорочата? Автор стихотворения-сценария тотчас дает разгадку и вновь перечисляет возвращающихся домой сорочат, но теперь уже в обратной последовательности — от самого старшего к младшему. Стихотворение объясняет принципы общественной жизни, конкретизирует абстрактный характер натуральных и порядковых чисел и учит их повседневному использованию.

Сценарий познания искусства счета

Поговорка (фразеологизм) «ходить гуськом» послужила Юлиану Тувиму предлогом к созданию шутливого стихотворения «*Трудный счет*». В нем говорится о трудностях счета, с которыми сталкивается каждый малыш, старающийся усвоить эти абстрактные знания.

Героинями стихотворения являются персонифицированные утки, не умеющие считать до десяти, что становится причиной их курьезного возвращения домой. Приведем последнюю строфу этого забавного стишка:

I nie mogły się doliczyć,	Не сумели досчитаться,
Nic nie wyszło z tego,	Как уж ни старались,
Więc do domu, choć to kaczki	Хоть и утки, но домой
Wróciły gęsiego.	Гуськом возвращались.

Игра в этом произведении заключается в имитации упорядочивания в утином мире, при чем основана она на многократном, достаточно хаотичном применении чисел. В этой игре используется множество повторов, важных в мнемотехническом усваивании ребенком абстрактных знаний. Поскольку числа для детей, как и для персонифицированных в стихотворении уток, являются чистой абстракцией, усваивание принципов их употребления представляет для детей трудность и требует повторения. В стихотворении показаны правила упорядочивания мира, например, «ходьба гуськом», то есть, один за другим, а так же применения чисел.

2. Сценарии литературного обучения

Сценариями литературного обучения являются стихи, в которых заложена определенная эстетическая программа — правила организации художественного текста, то есть произведения, позволяющие познать секреты художественности и осваивающие разные способы построения литературного текста.[4] Если литературность текста выражена явно, то ее легко подхватить и продолжить в игровом действии. Все действия подсказываются сценарием, которым является сам текст, его упорядочивающие принципы.

Введение в нормы и принципы языка

В польской литературе имеется множество маленьких шедевров, знакомящих ребенка с определенными языковыми нормами и правилами. Такие стихи особенно трудны в написании, но вместе с тем находят благодарный отклик у молодых читателей. Для того чтобы проиллюстрировать этот аспект, мы выбрали сценарии лингвистической игры, знакомящей с принципами ономастики, этимологии, словотворчества и т.д. на примере стихотворений «*Наши цветы*» Марии Конопницкой, «*Дыра в мосту*» Яна Бжехвы, «*Шуточка*» и «*Птичье радио*» Юлиана Тувима, «*Носороги в дороге*» Людвика Ежи Керна и «*Поиски льва*» Юзефа Ратайчика.

Великолепные произведения, приглашающие к игре словом, писал Юлиан Тувим. В них представлено богатство выразительных средств, а игровое начало сочетается с лирическим. Если Бжехва своими парадоксальными сказками потакал вкусам молодых читателей, то Тувим стремился развивать их с целью подготовки к восприятию взрослой поэзии[5]. Так, например, в стихотворении «*Шуточка*» автор рассказывает, как ведут себя различные животные, обнаруживая связь между их названиями и совершаемыми ими действиями. Принимая во внимание небольшой объем стихотворения, а, прежде всего, игру слов, приведем его целиком:

Raz się komar z komarem przekomarzać zaczął Mówiąc, że widział raki, co się winkiem raczą.	Комары как-то раз выкомариваться стали, Как дурачился рак, будто бы они видали.
Cietrzew się zacietrzewił słysząc takie słowa, Sęp zasępił się strasznie, osowiała sowa,	Петухи от этих слов радостно запели, Сип тихонько засипел, совы осовели.
Kura dała drapaka, że aż się kurzyło, Zając zajęczał smętnie, kurczę się skurczyło.	Куры начали курить и завыл волчонок, Зайка заикаться стал, съёжился ежонок.
Kozioł fiknął koziołka, słoń się cały słaniał, Baran się rozindyczył, a indyk zbaraniał.	Гуси бегали гуськом, слон слоняться начал Свинка дулась индюком, а индюк свинячил.

Сценарий очень прост, ясен и прекрасно зарифмован. Уже в первой строфе раскрывается его структура — регулярным, ритмичным тринадцатисложным стихом автор рассказывает (и объясняет) маленькому читателю, что употребляемые в разговорной речи названия действий могут

быть связаны с названиями тех, кто их выполняет: «комары выкомариваются», «раки дурачатся» и т.д. Стихотворение объясняет словотворческие и номинационные принципы. Поток примеров совсем не случаен. Многократное повторение литературного приема обнажает словесную игру. Маленький читатель, вероятно, с восторгом заметит ошибку в четвертой строфе, поскольку «свинка должна свинячить», а «индюк — дуться индюком». Это провоцирует ребенка поправить взрослого — рассказчика. Ребенок почувствует себя умнее рассказчика и захочет продолжать рассказ о том, как вели бы себя другие животные, автором не упомянутые. И, возможно, сделает это по уже известному ему образцу, поскольку структура поэтического высказывания легка для выявления и подражания[7].

Это стихотворение побуждает к игре, потому что дети любят каверзные игры со словами. Читатель, которому адресуется текст, оказывается им пленен, чтобы до бесконечности (пока не надоест) повторять, перечислять, так же, «как Тувим», что «гуси загоготали, а кряквы закрякали» и т.д., чувствуя себя при этом творческим последователем, соперником, состязающимся в выдумках словесной игры, которые потом нужно корректировать.

Шедевром лингвистической игры, несомненно, является стихотворение Юлиана Тувима *«Птичье радио»*. Языковая изобретательность автора, представленная в этом стихотворении виртуозным сочетанием звуковых комбинаций, приводит к тому, что это произведение становится оригинальным музыкальным концертом. Само же название носит характер персонифицирующей метафоры. Персонификация птиц делает «правдоподобными» их беседы, точнее, споры.

«Птичье радио» — это также сценарий игры, который втягивает в перечисление названий птиц, их «трелей», поощряет ребенка, заставляя его таким образом многократно произносить трудные сочетания звуков, часто стыкующихся согласных (логопедическое упражнение), подражать голосам птиц. Магия, чудо стихотворной игры основано на предрасположенности ребенка к артикуляции птичьих голосов, в способности увлечься очарованием звуков, ведь притворяться птицей, играть роль, например, кукушки, подражать ее голосу пробует каждый ребенок. Игра может длиться бесконечно долго, а споры соперников с кукующей птицей, эхом ее голоса, или с приятелями, подражающими кукушке, и выяснение, кто был лучшим в игре, часто заканчивается так же, как в этой истории — ссорой.

«Птичье радио», как и *«Шуточка»*, иллюстрируют важный звукоподражательный принцип — связь названия с его определением. Этот принцип близок и знаком детям, поскольку сами они применяют его, когда учатся говорить, в том числе и давая звукоподражательные названия животным: курица — это *ко-ко-ко*, а петух — *кукареку!*

Словесная игра вводит маленького адресата в нормы, правила и принципы языка, а также свидетельствует о высоком поэтическом мастерстве их авторов.

3. Сценарии познания законов жизни природы

В произведениях для детей богато представлен литературный образ природы[8]. Среди них шуточная характеристика персонифицированных овощей из стихотворения Яна Бжехвы *«На прилавке»*, поэтическая миниатюра с описанием летнего ливня (*«Летний ливень»* Стефании Шуховой), осязаемый образ воспоминаний о каникулах (*«Не оставляй»* Ванды Хожомской), печальный осенний пейзаж (*«Осень»* Тадеуша Ружевича). Эти стихотворения являются учебными сценариями распознавания свойств растений (например, овощей), познания явлений природы, поэтической характеристики времён года и признаков жизни природы.

Игровая и дидактическая характеристика овощей содержится в стихотворении Бжехвы *«На пролавке»*[9]. Персонажи произведения встретились в «базарный» день и беседуют о своих проблемах.

В диалогах этого произведения одушевлен-

ные овощи дают друг другу характеристики. Стишок является сценарием с множеством ролей: Укропа, Зеленого Лука, Кольраби и т.д., «на прилавке в день базарный», вызывающим к продолжению игры по стихотворному сценарию, «какие слышно разговоры» и каковы их герои. Шутливо-меланхолический смысл слов соревнующихся персонифицированных овощей достаточно легок для понимания. Сценок с участием очередных персонажей может быть бесконечно много, что следует из рефренного дистиха, дважды начинающего последовательность диалогов:

— A to feler —	— Вот загвоздка —
Westchnął Seler.	Вздохнул Сельдерей.

Слушатель произведения поощряется к участию в игре, которая предполагает создание все новых и новых ролей. А в перечислении названий овощей, в шутливых диалоговых характеристиках, переданных одной чертой, заключается причастность этого текста к познанию природы — богатого «ассортимента» овощей, их названий и свойств.

4. Сценарии изучения географии Польши

Литературными примерами веселых уроков географии являются, прежде всего, такие стихотворения Бжехвы, как «*Глобус*», «*Сойка*» и «*Ссора рек*». Своей тематикой и способом ее изложения они позволяют игровым и спонтанным образом изучать топографию Польши.

Так, Ян Бжехва в стихотворении «*Глобус*»[10], которое представляет собой веселую лекцию по географии[11], рассказывает о необычайных приключениях своего героя, школьного глобуса:

W szkole	В школе
Na stole	На столе
Stał globus —	Глобус стоял —
Wielkości arbuza.	Величиной с арбуз.
Aż tu naraz jakiś łobuz	Как вдруг один карапуз
Nabił mu guza.	Набил ему шишку.
Z tego wynikła	Из-за этого вышла
Historia całkiem niezwykła.	История совсем необычная.

И тут начинается перечисление последствий этого школьного происшествия, которое заключается в том, что на глобусе все перемешалось: города превратились в озера, реки — в горы и т.д. Исчезла также столица Польши — Варшава.

В последующем тексте анафорически перечисляется, где не было Варшавы, в то время как обнаружить ее можно было бы где угодно. И это перечисление простым рифмованным легким для подражания образом может длиться очень долго, благодаря соперничеству в состязании на знание названий рек, городов, регионов страны, географических областей, одним словом, — топографии Польши.

Как показано в статье, проанализированные стихотворения являются почти готовыми совершенными сценариями или проектами игрового обучения. Игровым и спонтанным образом они вводят в правила упорядочивания мира. Они позволяют дошкольникам в процессе игры познавать нормы и принципы общественной жизни и подготавливаться к участию в культурном процессе, приобретать навыки применения абстрактных знаний — чисел, усваивать правила языка и литературные конвенции, закономерности жизни природы и географические знания.

Все проанализированные стихотворения, предназначенные для такого особенного читателя, каким является ребенок, имеют еще одно очень важное свойство. Это — игровые стихи, то есть такие, которые обладают определенными характеристиками, и, кроме того, связаны между собой специфическим образом, создавая особый стихотворный климат, проявляющийся в подражании, заинтересованности, повторении и соперничестве. Такие стихи выделяются среди прочих детских стихов тем, что они хороши. Это означает также и то, что ребенок охотно обращается к ним, как к своеобразным образцам игры и обучения, верным спутникам прекрасного детства.

Примечания

[1] См. A. Baluch, *Przestrzeń międzyosobowa a wychowanie (o modelach wierszy dla dzieci)*, [в:] *Dziecko i świat przedstawiony czyli tajemnice dziecięcej lektury*, Warszawa 1987, c. 80. — А. Ба-

лух, *Межличностное пространство и воспитание (о моделях стихов для детей)*, [в:] *Ребенок и представленный мир или тайны детского чтения, Варшава* 1987.

[2] Cz. Janczarski, *Warzyła sroczka kaszkę*, [в:] *Antologia poezji dziecięcej*; wybrał i opracował J. Cieślikowski, Wrocław — Warszawa — Kraków 1991, c. 198. — Ч. Йнчарский, *Варила сорока кашку,* [в:] *Антология детской поэзии,* составил и обработал Я. Цесьликовски, Вроцлав — Варшава — Краков 1991.

[3] J. Tuwim, *Trudny rachunek*, [в:] *Tuwim dzieciom*, Warszawa 2002, s. 39. — Ю. Тувим, *Трудный счет* [в:] *Тувим детям*, Варшава 2002.

[4] Ср. W. Żuchowska, *Oswajanie ze sztuką. Początki edukacji literackiej*, Warszawa 1992, c. 73. — В. Жуховска, *Знакомство с искусством. Начало литературного образования,* Варшава 1992.

[5] Ср. R. Waksmund, *Od wiersza do poematu* w: tegoż, *Od literatury dla dzieci do literatury dziecięcej (tematy — gatunki — konteksty)*, Wrocław 2000, c. 275. — Р. Ваксмунд, *От литературы для детей к детской литературе (темы — жанры — контексты)*, Вроцлав 2000.

[6] *Figielek*, [в:] J. Tuwim: *Wiersze dla dzieci*, wyd.VII, Warszawa 1973, c. 34. — *Шуточка,* [в:] Ю. Тувим: *Стихи для детей,* изд. VII, Варшава 1973.

[7] См. R. Waksmund: *Od wiersza do poematu*, [в:] tegoż: *Od literatury dla dzieci do literatury dziecięcej*, op. cit., c. 297-300. — Р. Ваксмунд: *От стихотворения к поэме,* [в:] Р. Ваксмунд: *От литературы для детей к детской литературе.*

[8] Ср. Z. Ożóg, *Przyroda w liryce dla dzieci u schyłku XX wieku*, Toruń 2001; ср. также M. Kątny, *Przyroda w polskiej prozie dla dzieci i młodzieży*,Kielce 2002; ср. также *Literatura i przyroda. Antologia ekologiczna.* Wyboru dokonał, opracował i wstępem opatrzył J. Kolbuszewski, Katowice 2000. — З. Ожуг, *Природа в лирике для детей на исходе XX века,* Торунь 2001; М. Контны, *Природа в польской поэзии для детей и юношества,* Кельце 2002; *Литература и природа. Экологическая антология.* Сост. обработка и предисловие Й. Колбушевски, Катовице 2000.

[9] *Na straganie*, [в:] *Brzechwa dzieciom*, Warszawa 1989, c. 18. — *На прилавке,* [в:] *Бжехва детям,* Варшава 1989.

[10] *Globus*, [в:] *Brzechwa dzieciom*, op. cit., c. 88. — *Глобус,* [в:] *Бжехва детям.*

[11] Ср. A. Baluch, *Przestrzeń międzyosobowa a wychowanie (o modelach wierszy dla dzieci)*, op. cit., c. 81. {А. Балух, *Межличностное пространство и воспитание (о моделях стихов для детей).*}

А.-П.ЛОНГО

О ПОЭЗИИ КАРОЛИНЫ ПАВЛОВОЙ

Из книги «Мраморная вуаль»

Русская поэзия есть вещь миром совсем непонятая,
абсолютно эзотерическая для него. Сама она приняла
как родных почти всех великих поэтов мира,
но, впитав все это и породив принципиально новое и значительное в духовном и чисто поэтическом смысле, осталась неведомой для иных языков

Елена Шварц.

Айза Пессина Лонго
профессора Болонского Университета

Каролина Павлова — поэт и писатель — «первая королева русского стиха» (по выражению Евгения Евтушенко) — родилась 10 (22) июля 1807 года в Ярославле. С 1826 года молодая Каролина начинает активно посещать московские литературные салоны, в которых она знакомится с великими поэтами того времени — Баратынским, Вяземским, Одоевским, Пушкиным, а также с выдающимися представителями европейской культуры — польским поэтом Адамом Мицкевичем, немецким лингвистом Александром вон-Гумбольдтом. В салонах Евдокии Елагиной и Зинаиды Волконской Павлова впервые прочитает свои первые стихи на немецком и французском языках. Прекрасно владея несколькими иностранными языками, Каролина занимается переводами русских поэтов. В 1833 году выходит ее первая книга переводов Das Nordlicht, а через шесть лет, в 1839 — книга Les Preludes. За свои заслуги в переводческой деятельности в 1859 году Каролине Павловой будет присуждено звание почетного члена Ассоциации любителей русской литературы.

В 1837 году Каролина выходит замуж за писателя Николая Филипповича Павлова. Этот брак не принесет ей счастья и распадется в 1853 году. Вследствие непримиримых разногласий с московским обществом, которое будет упрекать ее в расторжении брака, Павлова покинет Москву, чтобы укрыться в Петербурге, а затем в Дерпте (Тарту). Последние годы своей жизни она проведет в Дрездене, в одиночестве и нищете. Каролина Павлова скончалась 2 (14) декабря 1893 года.

Публикацию подготовила, выполнив авторизованный перевод, аспирантка филологического факультета СПбГУ Анна Васильева

Из ее произведений до нас дошли: 115 стихотворений, один роман в стихах и прозе, четыре поэмы, переводы с немецкого, французского, английского, шотландского, польского, древнегреческого, а также ее собственные стихотворения на немецком и французском языках.

Женская поэзия начала девятнадцатого века, уже при первом своем появлении на страницах таких видных журналов той эпохи, как Библиотека для чтения, Современник, Дамский журнал, вызывала самые разноречивые мнения, в основном безосновательные. Большинство критиков высказывались о ней с сарказмом, полагая, что "генетически" женщине-поэту не подвластны многие из тех тем, которые традиционно рассматривали в своем творчестве поэты-мужчины. Следует сказать о том, что многие литературные деятели, преимущественно мужчины, отказывались принимать женскую поэзию, не желая признавать существенного вклада женщин в формирование и развитие литературной культуры отдельных наций. В этой связи Анна Ахматова часто с горькой иронией повторяла своим почитателям, что "Быть женщиной-поэтом — нелепость".

В Антологии русской поэзии, вышедшей в 1974 году, собраны избранные произведения сорока семи поэтов, из которых только шесть — поэты-женщины. Среди них мы встречаем имя Каролины Павловой. Следующее издание, появившееся в 1989 году под редакцией В.Ученовой, посвящено исключительно русским поэтессам XIX— начала XX века. Прежде всего, в нем обращает на себя внимание очень показательный заголовок: "Вы помните обо мне?" Эта фраза приобретает исключительно важный смысл, в особенности, если мы обратимся к первому изданию произведений Каролины Павловой 1915 года. Вступление к этому собранию сочинений в двух томах написал критик-символист Валерий Брюсов, который указал на то, что Павлова принадлежит к ряду выдающихся русских поэтов, и отметил, что при всем неоднозначном отношении к русской женской поэзии, ее творчество вызывает самый положительный отзыв таких поэтов, как Баратынский, Языков, А. Толстой, К. Аксаков, К. Бальмонт и многих других. Однако критик замечает, что лишь немногие знакомы с творчеством Каролины Павловой, более того, большинство читателей даже не знают о существовании ее поэзии. Причиной этому, по мнению Брюсова, является малочисленность изданий ее произведений.

Как уже отмечалось, благосклонных отзывов в адрес поэзии Павловой было отнюдь немного. По большей части критика была несправедлива к ее поэзии. После выхода в свет в 1863 году Сборника ее стихотворений журналы Современник и Библиотека для чтения, заметим, разные по своей социально-эстетической направленности, напечатали в целом довольно безжалостные рецензии, в которых в один голос критиковали творчество поэтессы за "незаконное" обращение к традиционно "мужским" темам.

Но все же, вопреки "навязанному молчанию" и жесткой цензуре, Каролина Павлова никогда не прекращала творить. Даже ее современники — мастера "золотого века русской поэзии"— Пушкин, Лермонтов, Баратынский, Языков, с которыми Павлову связывали самые теплые дружеские отношения, не всегда были в состоянии понять ту абсолютную преданность, с которой она относилась к своему ремеслу поэта. В течение более тридцати лет она будет писать в основном для себя и про себя о том, как она *проживает* жизнь, об истории, о своих самых интимных переживаниях, и оставит нам немалое наследие, которое, по воле обстоятельств, будет очень долгое время недоступно читателю.

В сороковые годы Каролина Павлова проделывает необычайный путь. Подобно куколке, которая за одно мгновение чудесным образом превращается в бабочку, Павлова как бы покидает свой "кокон", в котором она находилась как в заточении, и выходит на солнечный свет с тем, чтобы наконец-то взглянуть с высоты на землю и воспрянуть духом. Это потребовало от поэтессы немалых жертв, но она была готова к этому. Силой своей поэзии Павлова преодолевает все тяготы жизни. Ее печальный стих превращается в плод ее духовного ремесла.

Надо сказать, что в своем творчестве Павлова придает понятию ремесло почти терминологическое значение. По мнению поэтессы, божественное ремесло возможно только при наличии особого дара. Такое поэтическое ремесло необходимо терпеливо и с бесконечной любовью совершенствовать, не покладая рук. Сравнивая свою работу с ежедневным упорным трудом сеятеля полей, Павлова, тем самым лишает поэта привычного романтического ореола. Только путем тяжелого, изнурительного труда святое семя, брошенное в бразды, сможет превратиться в плод большой любви: поэзию. О своем собственном даре Павлова, с одной стороны, говорит как о гнетущей, разрушающей силе, с другой — как о силе живительной и окрыляющей, которая позволяет "неизвестному соловью петь в ночной тишине". Так, после многочисленных испытаний, душевных терзаний и творческой пустоты поэт находит спасение в стихах:

Нет! Как бы туча ни гремела,
Как ни томила бы жара,
Еще есть долг, еще есть дело:
Остановиться не пора!

Поэзия Каролины Павловой "вернулась к жизни" лишь в начале двадцатого века, благодаря поэтам и критикам символизма, которые обратили внимание на "необычайную элегантность ритма этой великой, но забытой поэтессы" (А. Белый. Символизм, Москва, 1910, с. 359). Святое семя, которое заронила Каролина Павлова, дало свой урожай, который был собран в следующем веке поэтами,

ставшими гордостью русской литературы и культуры в целом. Сегодня уже не подвергается сомнению тот факт, что творчество этой поэтессы оказало сильное влияние на женщин-поэтов двадцатого века, в том числе Анну Ахматову, Марину Цветаеву. В их стихах отчетливо ощущается послание, которое Павлова оставила следующим поколениям: та же смелость в использовании новых лексических сочетаний, то же стремление открыто говорить о самых интимных чувствах.

Нужно отметить, что поэтов "серебряного века" связывает с Павловой и общность тем. Так, тема поэта и его божественного ремесла, являющаяся одной из фундаментальных для поэзии Цветаевой и Ахматовой, представляет центральный узел поэтики Каролины Павловой. В ее стихах сосуществуют чувствительность, гордость, сдержанность и искренность — качества, которые были так свойственны Ахматовой и Цветаевой.

О роли поэта, о вдохновении, об окружающем мире поэтессы писали уже в зрелом возрасте. Так, для Павловой поэзия несет в себе божественные черты, а ремесло образно представлено в виде вдохновения, без которого поэт не может превратить в стихи свои эмоции, фантазии и сны. Понятие ремесла у Цветаевой носит более материальный характер. В результате ежедневных отношений между поэтом и его письменным столом рождается поэзия, недаром Цветаева говорит, что "каждый стих — дитя".

Ремесло у Ахматовой, ровно как у ее великой предшественницы, носит таинственные и божественные черты. Примечательно здесь обратить внимание на то, что свое собрание 1936–1960 годов Анна Ахматова называет Тайны Ремесла:

Наше священное ремесло
Существует тысячи лет…
С ним и без света миру светло.
Но еще ни один не сказал поэт,
Что мудрости нет, и старости нет,
А может, и смерти нет.

1944

Удивительно, насколько сильны перекличк и между творчеством Каролины Павловой и женскими поэтическими голосами XX века. Еще одно подтверждение этому мы находим в стихотворении Павловой Не пора: Еще есть долг, еще есть дело, которое невидимой нитью связано с Реквиемом Анны Ахматовой: У меня сегодня много дела.

Юношеские стихи Павловой, в которых она связывает воедино воспоминания о своей отверженной любви с мыслями о несправедливости жизни, которая выстраивает столько препятствий на пути к счастью, часто перекликаются с ранними стихами Марины Цветаевой. Этих женщин, бесспорно, связывает наличие у обеих необыкновенного дара, благодаря которому они по-

особенному воспринимают любовь, более остро переживают те или иные события в их жизни. Их души порой переполняет огромное количество желаний, которым зачастую не суждено сбыться, именно поэтому они обречены на несчастье.

Еще одна тема, к которой обращается Павлова — это тема "двойной жизни", проживаемой в реальности дня и в ночных снах. У Цветаевой этот контраст увековечен в дихотомии Быт и Бытие, повседневность и судьба. У обоих поэтов экзистенциальная концепция находит своё символическое выражение в поэзии. Именно в ней Павлова и Цветаева находят спасение от одиночества.

Кажется, что между тремя великими поэтессами завязывается своеобразный диалог, несмотря на шестьдесят лет, которые их разделяют.

Стихотворения Каролины Павловой из цикла "Большая любовь":

Небо блещет бирюзою

Небо блещет бирюзою,
Золотисты облака;
Отчего младой весною
Разлилась в груди тоска?

Оттого ли, что беспечно
Свежей радостью дыша,
Мир широкий молод вечно,
И стареет лишь душа?

Что всё живо, что всё цело, -
Зелень, песни и цветы,
И лишь сердце не сумело
Сохранить свои мечты?

Оттого ль, что с новой силой
За весной весна придет
И над каждою моголой
Равнодушно расцветет?

(Февраль 1840)

Не пора!

Нет! в этой жизненной пустыне
Хоть пала духом я опять,-
Нет! не пора ещё и ныне
Притихнуть мыслью и молчать.
Еще блестят передо мною
Светила правды и добра;
Еще не стыну я душою;
Труда покинуть не пора.

Еще во мне любви довольно,
Чтобы встречать земное зло,
Чтоб все снести, что сердцу больно,
И всё забыть, что тяжело.
Пускай солжет мне "завтра" снова,
Как лгало "нынче" и "вчера":
Страдать и завтра я готова;
Жить бестревожно не пора.

Нет, не пора! Хоть тяжко бремя,
И степь глуха, и труден путь,
И хочется прилечь на время,
Угомониться и заснуть.
Нет! Как бы туча ни гремела,
Как ни томила бы жара,
Ещё есть долг, ещё есть дело:
Остановиться не пора!

(Москва, июнь 1858)

Труд ежедневный, труд упорный!

Труд ежедневный, труд упорный!
Ты дух смиряешь непокорный,
Ты гонишь нежные мечты;
Неумолимо и сурово
По сердца области всё снова,
Как тяжкий плуг, проходишь ты,
Её от края и до края
В простор невзрачный превращая,
Где пестрый блеск цветов исчез…
Но на неё, в ночное время,
В бразды — святое сеять семя
Нисходят ангелы с небес.

(1862)

Интервью с директором Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме

БИОГРАФИЯ — ЭТО ЧАСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Нина Ивановна Попова
Директор Музея
А.А.Ахматовой

Тема очередного номера нашего журнала — поэтическая речь, поэтическое слово. Мы просим Вас рассказать о работе музея и хотели бы вместе с Вами поразмышлять о поэтическом слове Анны Ахматовой.

Можно рассматривать слово Ахматовой в контексте стихотворения как характеристику ее особого мира. Она была, конечно, поэтом детали, поэтом конкретного взгляда на ситуацию, характер, человека, а за деталью скрывалась определенная ситуация: борьба высших и низших начал в человеке, борьба плоти и духа. Наш музей — некая попытка не то что обобщения, а, скорее, лотмановского взгляда на биографию, на жизнь поэта как продолжение творчества. Биография — это такой же текст: этот ландшафт, этот дом, это место, вещи, комнаты… Мы исходим из того, что биография — это тоже часть поэтического текста. К сожалению, биографию знают не очень хорошо. Мы стараемся выйти за узкие рамки хронологии и говорим об истории жизни современников Ахматовой, о творческой интеллигенции, о довоенном и послевоенном времени. Как случилось, что представители дворянской культуры оказались в коммунальных квартирах, все прошли через уплотнения. Как жила, менялась та часть творческой интеллигенции, которая не уехала из страны. Как менялась их жизнь, как они приняли эти изменения: по-блоковски ли как возмездие, по-ахматовски ли. Об этом было не принято говорить прямо. Они жили в этих неудобствах, в коммунальных квартирах, нужно было пройти через красное колесо, колесо террора и сохранить свой поэтический голос.

Кто приходит к Вам в музей?

Очень разные люди. Например, к нам часто приезжают эстонские школьники, они соединяют в своем взгляде два мира, два подхода, два языка. Мы начинаем с одного стихотворения, с одной точки, потом расширяем до этого дома, до городского контекста: Фонтанный Дом и сад, до культурного контекста: дворянская культура. Образ жизни людей во дворце и примыкающем к нему флигеле. Это единственное место, где проходит такой шов, прямо по лестнице: дворец и коммунальная квартира. Затем мы расширяем до Шереметьевского квартала и естественно приходим к современным выставкам, к современному сознанию, говорим о том, чем живет современный город. Сегодня мы сотрудничаем с международным молодежным проектом, это молодые художники из России,

Германии, Финляндии. Они рисуют на асфальте, заборах, их цель — заявить, что бедность — это плохо. А для нас важно, что это говорят 20-летние ребята.

Расскажите, пожалуйста, как создавался музей.

Я пришла сюда в 1989 году из музея А. С. Пушкина, проработав там почти 25 лет. Музей на Мойке — большой стеклянный колпак, где все мы, работники, считали, что знаем о Пушкине все самое глубокое, точное. Это было элитарное, эзотерическое знание о Пушкине. Мне казалось, что здесь будет так же, но другое время, другая эпоха. А получилось по-другому. Захотелось разбить этот стеклянный колпак, работать по-другому. Не нужно бояться авангарда. Надо, чтобы возникло отношение к месту.

Какие экспозиции представлены в вашем музее?

У нас есть постоянные экспозиции: жизнь Ахматовой в Фонтанном Доме, жизнь семьи Пуниных, «Поэма без героя». На втором этаже выставки меняются. Есть американский кабинет И. Бродского, галерея, видеотека, где собраны фильмы об Ахматовой и Бродском… Мы стараемся раскрыть разные грани жизни и творчества. Но все начинается с поэтического слова Ахматовой. Сотрудники нашего музея ищут расширение ахматовского слова, ищут новое сюжетостроение.

Скульптор А.Ковальчук Тверская обл., г. Бежецк

Какие формы работы Вам хотелось бы назвать?

Лет пять назад мы пришли к новой форме экскурсий для детей. Мы собрали вещи 10–60-х годов. Например, плетеная корзинка для гимназических завтраков, карта Коми, тех мест, где в лагере был Лев Николаевич Гумилев, учебник по литературе 60-го года со статьей Жданова… Документы и предметы. Приходит группа неподготовленных детей 8–18 лет, иногда с родителями. Они выбирают какую-либо вещь и должны найти ее связь с биографией поэта, жизнью Дома, страны. Среди воспоминаний и стихов нужно выбрать текст, который вызывает ассоциативную связь с вещью или может комментировать ее. И дети выстраивают свое повествование. Это хорошая, активная работа, к которой иногда подключаются и родители. Тогда экскурсоводы задают вопросы: «А что было в вашей семье в 1949, 1946, 1956 годах?» Включается родительский опыт и устанавливается связь между непонятной для детей жизнью Ахматовой и жизнью их собственной семьи.

Все рассказанное Вами чрезвычайно близко нам. Последняя рубрика нашего журнала традиционно посвящалась какому-либо городу, его университету. Мы решили выйти за эти рамки. В рубрику вошли музеи, картины, музыка... потому что язык, слово реализуются везде. И второе, когда говорят об Ахматовой, то естественно в сознании возникают слова: любовь, муза, город. Но есть более широкая тема — жизнь. Как Вы считаете, что самое главное для Ахматовой, что представляет ее личность?

Поразительная память, этот дар — потребность запомнить, удержать все. Это память, ощущение себя свидетелем разных событий и эпох. Когда здесь, в Фонтанном Доме, Ахматова стала секретарем Владимира Казимировича Шилейко, который переводил «Гильгамеша», она оказалась свидетелем событий 26 века до нашей эры. И она удивительно чувствовала этот мир, воспринимала его и находила к нему ключ. Для нее естественно существовала античность и Гомер. Пусть это связано с Николаем Степановичем Гумилевым.

Известно, что он всегда возил с собой «Илиаду». В 1919 году он приходил сюда с «Илиадой», на Шпалерной во время ареста читал «Илиаду». И наконец, в 1926 году Шилейко дарит Ахматовой «Илиаду», ту самую, в переводе Гнедича 1830 года, и пишет ей: «На память о дочитавшем Гомера». Шилейко имел в виду стихотворение Гумилева 1914 года «Я открыл «Илиаду» и сел у окна». А история Древней Руси — это для Ахматовой земля обетованная, она никогда оттуда не уходила. Для нее немыслимо отринуть прошлое. Главное для Ахматовой — понимание России, ее глубинной жизни, вслушивание в Россию. Для поэта это почти религиозное переживание. При создании музея Анна Ахматова нам очень помогла: мы чувствовали ее отношение к человеку, ее меру вещей и сам воздух культуры.

Вы видели передачу М.Е. Швыдкова «Устарел ли музей»? Нам представляется, что даже при использовании рыночных механизмов, на чем настаивали многие участники передачи, целью музея должно оставаться привлечение людей.

Многие провинциальные музеи очень интересно работают. Да и крупные музеи ищут новые пути, вот Эрмитаж, например, пришел к современному искусству. Прошлое должно быть во имя будущего.

А какими Вы видите перспективы вашего музея?

Во-первых, разнообразные издания для широкого круга читателей. Во-вторых, мультимедийные компьютерные диски. Мы планируем также сделать в квартире Л.Н. Гумилева видеоэкспозицию «Сон об отце». Тема: память о репрессированном отце в сознании сына. С одной стороны, героический образ отца в памяти Льва Николаевича, а с другой — говорить об этом нельзя и даже помнить об этом нельзя. Создать звуковую инсталляцию: голос Ахматовой, голос Фонтанного Дома, времени, специально написанная музыка. Интересны летние вечерние экскурсии. Увлекательная перспектива: соединить XIX и XX вв., людей, живших тогда, и людей, пришедших им на смену. Создать музей человеческих историй. Мы начали работать с детьми-инвалидами и слабовидящими детьми, для них будут интересны звуки истории; звуки ахматовского дома — это для них.

Сначала было трудно привыкнуть к новому облику музея. Как Вы пришли к мысли о переустройстве музея в квартиру?

Толчком к преобразованию музея, к созданию композиции коммунальной квартиры была работа с иностранцами… Они мечтали увидеть сопряжение с историей. Наш музей расширяется, растет. Квартира Л. Н. Гумилева на Коломенской 1/15 — это филиал музея. А если говорить главной перспективе, то наша задача — вернуть детей к книге, к чтению.

Т.И. РАСПОПОВА,
Е.Ф.АКАТКИНА,
О.Н.ОЛЕЙНИКОВА,
Т.И.СТАРИКОВА

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА СОЗДАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНИКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО ГЛАЗАМИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ-ПРАКТИКОВ

Т. И. Распопова
Доцент, кандидат филологических наук, зав. кафедрой русского языка довузовского этапа обучения
Е. Ф. Акаткина
Доцент, кандидат филологических наук
О. Н. Олейникова
Доцент, кандидат филологических наук
Т. И. Старикова
Старший преподаватель
Институт международного образования, Воронежский государственный университет

Методика преподавания русского языка как иностранного (РКИ) в последнее десятилетие переживает особый этап развития, обусловленный воздействием на нее не только новых реалий общественно-экономической жизни страны, но и недавних достижений российской системы образования. Мы имеем в виду внедрение в процесс обучения РКИ государственных стандартов и развитие системы тестирования. Эти факторы естественным образом скорректировали методические подходы к созданию учебников для иностранных учащихся всех этапов обучения, в том числе довузовского. Актуальность проблемы подчёркивает тот факт, что разработка собственных учебников нового поколения стала приоритетным направлением работы многих кафедр РКИ.

Несмотря на современное изобилие учебно-методической литературы по РКИ, спрос на качественные, эффективные учебники, способные «обеспечить базу процесса обучения» (1, с.31), остаётся не в полной мере удовлетворённым.

Анализ изданных за последние 5 лет учебников по РКИ для довузовского этапа обучения позволил выявить четыре основные закономерности, отчасти объясняющие этот парадокс.

1. Отсутствие единого мнения по вопросу о том, должен ли быть современный учебник универсальным, т. е. ориентированным на интернациональные группы без учёта будущей специальности студентов, или он должен быть мононациональным и профильным.

В последнее время отмечается явное преобладание национально ориентированных учебников, например: «Учебник русского языка и культуры» (2) для испаноговорящих учащихся, «Дорога в Россию» (3) для

китаеговорящих, «По России…с любовью» (4) и «Русский язык. Лексико-грамматический курс для начинающих» (5) для англоговорящих, «Русский язык для начинающих» (6) для говорящих на итальянском языке и др. Приверженцы «мультикультурности» (7, с.110) считают, что учебник «должен быть построен как на принципах национально ориентированной методики, так и на принципе сопоставления реалий культуры изучаемого и родного языка» (8, с. 134).

Однако в реальной практике преподавания РКИ студентам довузовского этапа обучения на территории России формирование учебных групп, как правило, определяется будущей специальностью студента, а не его национальной принадлежностью. При этом контингент иностранных учащихся провинциальных вузов в основном составляют выходцы из стран третьего мира, не владеющие или слабо владеющие иностранными языками. Таким образом, в большинстве интернациональных групп отсутствует язык-посредник, который можно было бы использовать для реализации принципа «мультикультурности» (1, с.32). Кроме того, национально ориентированные учебники не всегда содержат достаточное количество разнообразных упражнений, направленных на максимальное преодоление интерференции, возникающей под влиянием языков учащихся (например, фонетического характера, упражнений на отработку конструкций типа объект-предикат-субъект, предикат-субъект в учебниках, предназначенных для китайских учащихся).

Создание профильных учебников представляется нам также нецелесообразным по двум причинам.

• Универсальный учебник — «это основа и для владения языком специальности» (1, с. 32).

• Популярность той или иной специальности имеет динамику роста и спада. Например, в 2004–2005 году на факультете довузовской подготовки Института Международного образования Воронежского государственного университета по специальности «биохимия» обучалось 2 человека, по специальности «журналистика» — 17 человек, по специальности «филология» — 4 человека. А в 2006 году картина изменилась следующим образом: «биохимия» — 7 человек; «журналистика» — 2 человека; «филология» — 13 человек. Думается, нерентабельно создавать профильный учебник для 2–3 человек, который к тому же требует переиздания хотя бы раз в пять лет.

2. Отсутствие преемственности обучения, в первую очередь, между начальным и средним этапами. Например, уже упоминавшийся учебник «Дорога в Россию» целенаправленно и успешно готовит обучаемых к сдаче теста элементарного уровня владения языком. Однако, к сожалению, пока отсутствует продолжение этого учебного комплекса для базового и первого сертификационного уровней.

3. Отсутствие единого научно обоснованного подхода к определению объема изучаемых языковых явлений. Как правило, при решении вопроса, в каком виде — расширенном или минимизированном — следует подавать программный материал, авторы учебников руководствуются собственными пристрастиями и личным практическим опытом. Так, например, в учебнике «По России … с любовью» (4) различение видов глагола дается в основном на понимание, без отработки, зато большое внимание, достаточное для успешного усвоения этой темы, уделяется возвратным глаголам. В учебнике «Русский язык. Элементарный курс для иностранных студентов» (9) упор делается на развитии грамматических навыков в ущерб фонетическим и лексическим и т.д.

4. Отсутствие объяснительной силы в очередности подачи лексико-грамматического материала. Например, трудно понять, в соответствии с какой логикой в учебнике «Русский язык. Элементарный курс для иностранных студентов» (9) согласование прилагательных с существительными опережает по времени предъявление согласования притяжательных местоимений с существительными, например в дательном, предложном и других падежах. Представляется не совсем целесообразным изучение глаголов движения одновременно с формами будущего времени глаголов совершенного вида.

В разных учебниках наблюдается разная очередность предъявления русских падежей.

Предлагаются, например, такие варианты:

И.п., В.п., П.п., Р.п., Д.п., Т.п. (Л.В. Московкин); И.п., П.п., В.п., Д.п., Р.п., Т.п. (С. А. Хавронина); И. п., П. п., Р. п., В. п., Д. п., Т. п. (Н. Вешнева) и т.д.

Создавая учебный комплекс «Время учить русский», мы стремились по возможности избежать вышеназванных недочетов. В комплексе, состоящем из 2-х частей основного учебника и большого количества приложений (поурочные и сводные словари на английском, французском, испанском, арабском и китайском языках; сборники диктантов, изложений и контрольных работ; Практикумы по грамматике и по развитию речи и т.д.), реализуются следующие основные принципы.

1. Принцип универсальности. Учебный комплекс «Время учить русский» адресован студентам-иностранцам довузовского этапа подготовки независимо от их будущей специальности и национальности.

2. Принцип преемственности обучения. «Время учить русский» полностью охватывает весь период довузовской подготовки и последовательно, поэтапно готовит учащихся к сдаче тестов элементарного, базового и первого сертификационного уровней владения русским языком как иностранным.

3. Принцип баланса. Приоритет в изучении того или иного лингвистического аспекта находится в прямой зависимости от целей и задач соответствующего уровня языковой подготовки иностранных студентов. Так, на элементарном уровне в роли ведущего аспекта обучения в учебном комплексе «Время учить русский» выступает практическая фонетика. На базовом уровне — грамматика. На этапе, соответствующем первому сертификационному уровню, — коммуникативная компетенция. Такая структура учебника позволяет в полной мере реализовать способность обучаемых «использовать языковые средства для построения правильно сформулированных и несущих определённый смысл высказываний» (10, с. 110).

4. Принцип системности. С нашей точки зрения, учебник РКИ, особенно предназначенный для начально-среднего этапа обучения, должен, как дом, строиться из одинаковых «кирпичиков» — чётко структурированных по единому принципу знаний о языке. Логика «строительства» такого «дома» должна опираться на фундамент целесообразности и системности и быть понятной не только обучающим, но и обучаемым. При этом, как нам кажется, нужно ориентироваться в первую очередь на восприятие учебного материала иностранцами, на то, чтобы максимально облегчить им усвоение программного объема. В комплексе «Время учить русский» этой цели служит, например, последовательность подачи грамматических явлений по принципу сходства и подобия формальных и семантических показателей. Так, одинаковое флективное оформление и выполнение схожих семантических функций обусловило такую последовательность предъявления русских падежей: И. п., В. п., Р. п., П. п., Д. п., Т. п. Для закрепления в сознании учащихся сходства и различия функционирования падежей в разных значениях даётся большое количество упражнений на их сравнительное употребление. Например, сравнивается использование в речи В. п., Р. п. и Д. п. после глаголов движения, В. п., Р. п. и П. п. для обозначения времени и т. д.

Одинаковый механизм согласования притяжательных местоимений, прилагательных и порядковых числительных с существительными послужил авторам учебника основанием для практически одновременного их ввода и т. п.

5. Принцип эффективности. Составной частью всех этапов обучения по комплексу «Время учить русский» является контроль — неотъемлемая часть процесса обучения. В комплексе «Время учить русский» ему отводится важное место: созданы не только сборники поурочных и поэтапных контрольных работ для каждого семестра, но и «Методические рекомендации оценки письменных работ», состоящие из двух разделов: 1) система классификации ошибок в письменной речи; 2) шкала оценок письменной речи, а также «Методические рекомендации устной компетенции иностранных учащихся». По

мнению авторов, создание таких рекомендаций обусловлено тем, что преподаватели сталкиваются с определёнными трудностями, особенно при определении качества письменных работ, ввиду отсутствия чёткой дифференцированной системы оценки этих форм учебной деятельности иностранных учащихся.

Следующим этапом работы авторского коллектива должно стать создание пособий по научному стилю речи к комплексу «Время учить русский», которые составят с ним органичное целое. В этом случае наши выпускники будут вполне подготовлены к следующему этапу обучения, целью которого является овладение профессиональными навыками на русском языке.

В заключение отметим, что опыт кафедры РКИ довузовского этапа подготовки иностранных учащихся Воронежского государственного университета и отзывы коллег из других вузов, работающих по комплексу «Время учить русский», позволяют считать, что он соответствует современным требованиям методики и дидактики и удовлетворяет академические запросы иностранных учащихся.

Литература

1. Величко А. В. Регламентация процесса обучения и современный учебник РКИ//РЯЗР. — 2005. — №3–4. — С. 31–32.

2. Manual de lengua y cultura rusas/ Servicio de Publicaciones. Universidad de Las Palmas de Gran Canaria. 2004. — 685с.

3. «Дорога в Россию». Учебник русского языка (элементарный уровень)/Антонова В.Е., Нахабина М.М., Сафронова М.В. и др. — М.: ЦМО МГУ им. М.В. Ломоносова. — СПб.: «Златоуст», 2001. — 344 с.

4. Veshneva Natalia. Trough Russia…with love. A complete course for beginners in Russian. — London: Melrose Publishing. — 2002. — 386 с.

5. Хавронина С.А., Харламова Л.А. Русский язык. Лексико-грамматический курс для начинающих. — Москва: Русский язык Медиа. — 2006 — 568 с.

6. Овсиенко Ю.Г. Русский язык для начинающих (для говорящих на итальянском языке). — М.: Изд-во «Русский язык». — 2003. — 458 с.

7. Воробьёв В.В. Комплекс учебников по русскому языку для испаноговорящих студентов//РЯЗР. — 2005. — №1–2.

8. Жукова Е.В. К проблеме разработки комплекса учебных пособий нового поколения для иностранных аспирантов и стажёров. X Конгресс МАПРЯЛ. Русское слово в мировой культуре.Т. IV. — СПб: 2003.

9. Московкин Л.В., Сильвина Л.В. Русский язык. Элементарный курс для иностранных студентов. СПб: СМИО Пресс, 2002. — 512 с.

10. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. Департамент по языковой политике. Страсбург. Русская версия. МГЛУ, 2003.

ШЭН МАНЬМЭЙ

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЙ К РОДСТВЕННИКАМ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Шэн Маньмэй
Доцент факультета русского языка Чанъаньского университета КНР, стажер кафедры славянских языков МГЛУ

Изучение терминов родства и обращения представляет собой большой интерес для лингвистических исследований. Терминология родства отражает систему родственных отношений, характерную для народа, говорящего на данном языке в определенном ареале и в определенную эпоху. Обращение является одним из важных выразительных средств языка, которое организует речевую деятельность человека.

Согласно определению, приведенному в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», обращение — грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь[6,с.340].

Существенным свойством обращения как синтаксической единицы является назывной (номинативный) характер. Обращение представляет собой специфический тип наименования, к которому направлено то или иное речевое действие (сообщение, побуждение, или вопрос). Именно признак направленности является наиболее существенным признаком обращения как синтаксической единицы. При этом обращение представляет собой не только специфическую грамматическую единицу, но и один из наиболее ярких и широко употребляемых этикетных знаков, с помощью которого мы обозначаем человека по его социальной роли, по индивидуальным признакам либо по своему отношению к нему.

1. Национально-культурная специфика обращений к родственникам.

Язык, рассматриваемый как достояние всех говорящих на нем, в силу коммуникативной функции является подлинным зеркалом национальной культуры. [3,с.15].

У разных народов имеется различная система родства, обусловленная национально-культурной спецификой, а также существуют определенные традиции употребления обращений.

В китайском языке система родства и обращения к родственникам национальности Хань отличается сложностью и широтой использования. В книге «Различные обращения китайцев», написанной лингвистом Чжао Юань Жень, перечисляется 114 обращений к родственнникам. Из

этого многочисленного перечня видно, что в китайском языке обращения имеют богатый количественный состав и строго дифференцированы [9,с. 403–404].

Историческими корнями этих особенностей были феодально-патриархальные отношения древнего Китая, при которых кровному родству придавалось очень большое значение, что отразилось в общественной деятельности. Например, удачная карьера одного из родственников в древнем Китае вызывала гордость всей семьи, а преступление одного из семьи падало тенью на всех членов семьи.

В семейно-бытовом укладе (при замужестве, женитьбе, наследовании имущества) существовали строгие иерархические отношения, характеризующиеся выполнением строгих правил преимущественно в пользу старших членов семьи.

Наборот, европейские языки не обладают подобным лексическим богатством, система наименования родства характеризуется большей простотой. Например, названиями родственников в китайском языке bo fu ‘старший брат отца’, shu fu ‘младший брат отца’ , jiu fu ‘братья матери’, gu fu ‘мужья сестер отца’, yi fu ‘мужья сестер матери’ и т.д. соответствует в русском языке только одно слово дядя (в англ. языке uncle), а наименованиями их супруг: bo mu ‘жена старшего брата отца’, shu mu ‘жена младшего брата отца, jiu mu ‘жена братьев матери’, gu mu ‘сестры отца’, yi mu ‘ сестры матери’ и т.д. тоже только одно слово тетя (в англ. языке aunt) [7, с.256–257].

То же самое наблюдается и в наименовании родственников — детей. В китайском языке существуют отдельные названия для детей сестер и братьев матери, детей сестер и братьев отца. Например, tang xiong ,tang di, tang jie ,tang mei‘дети братьев отца’, biao xiong, biao di, biaojie, biao mei‘-дети братьев и сестер матери , дети сестер отца’. В русском языке этим многочисленным названиям соответствует одно понятие «двоюродный (ая) брат, сестра» (в англ. языке — cousin). В европейских странах (языках) отношения к детям-родственникам не дифференцируются, уравниваются. Для еврапейцев не имеет значения ребенок сестры отца или ребенок брата отца, а в китайском языке наличие большого количества наименований обусловлено тем, что все родственники по отцовской и мужской линиям более близки, чем по материнской и женской. Это явление — подлинное зеркало национальной культуры и общественного строя.

Две национальные культуры никогда не совпадают полностью. Это следует из того, что каждая состоит из национальных и интернациональных элементов [3,с.30]. В европейских странах члены семьи живут самостоятельно, отдельно, семья отличается большой финансовой и экономической самостоятельностью, обеспеченной государством. Это ведет к определенному утрачиванию значимости кровных отношений.

В Китае обращение к старшим отличается особой почтительностью. К старшему нельзя обращаться только по имени. Уважение к старшему поколению в Китае считается важнейшим морально-нравственным качеством, а молодое поколение, проявляющее уважение к старшим, — почтительным и послушным. Ввиду этого, при обращении к пожилому человеку в Китае часто добавляется элемент lao, что соответствует русскому «почтенный»? для подчеркивания уважения. Например, lao da ye ‘почтенный + дедушка’, lao nai nai ‘почтенная + бабушка’ или wang lao ‘фамилия + почтенный’ — обращение к пожилому человеку высоконравственному и высокочтимому. В европейских странах не любят, когда подчеркивают возраст человека, для пожилых людей самое неприятное — это , когда говорят об их возрасте и старости. В связи с этим подобный элемент в обращении отсутствует.

Под широтой употребления наименований родства в роли обращения понимается выход обращения за пределы семейного круга. Например, обращение к мужчине, возраст которого приблизительно одинаков с возрастом поколения отца da bo ‘дядя’, da shu ‘дядя’. К женщине, соответственно, da ma ‘тетя’, da shen ‘тетя’, a yi ‘тетя’. Обращение к людям своего возраста — da ge ‘старший брат’, xiong di ‘ брат’, da jie ‘старшая сестра’, mei mei ‘младшая сестра’ и т.д. Вне семьи широкое употребление наименований родства

в роли обращения к незнакомому объясняется и тем, что в китайской традиционной культуре существует идеал человечества, т.е. «Вся страна — одна общая семья». В общении используют родственные обращения с целью создания более теплой атмосферы[9,с.405–406].

2. Прямые и косвенные обращения к родственникам в русском и китайском языках.

А) к родственникам старшего поколения

В китайском языке в качестве обращения к старшим родственникам чаще всего используются наименования родства, избегая употребления личного имени. «Нормой вежливого обращения к старшему родственнику было именование его термином родства, к которому присоединялось обозначение его места в горизонтальном ряду» [5,с.266].

В русском языке наименование и обращение совпадают при обозначении близких родственников «дедушка-бабушка», «папа-мама». Если у ребенка две бабушки и два дедушки(со стороны матери и отца), то нередко в семье возникает обычай различать их по именам, предваряя имя словом бабушка (баба), дедушка (деда). Например, бабушка Вера, баба Шура, деда Вася. Такие же обращения могут быть применены и к сестре, брату дедушки и бабушки, т.е. к двоюродным бабушке и дедушке.

При общении детей с родителями обращение *мать* и *отец* встречаются редко, главным образом со стороны взрослых детей и в знак того, что последующий разговор может иметь серьёзный характер. Гораздо чаще в функции обращения выступают слова *мама* и *папа*.

— Папа, ну что мы подарим Коле Радомскому?—спрашивали Аркадия Николаевича дочери. (А. Куприн «Тапер»).

— Моя мать — самая сильная! (М. Горький «Детство»).

В русском обиходе обращение «дядя,тетя» — брат и сестра отца или матери принято чаще всего именно как сочетание слов *дядя*, *тетя* с собственным именем:

— Тетя Катя! — крикнул он поднимавшейся по лестнице пожилой женщине.(Г.Токарев «Самый жаркий месяц»)).

— Это дядя Михайло, это — Яков ... Тетка Наталья.(М. Горький «Детство») .

В русском языке в семейных отношениях имя и отчество приняты для обращения к свекру, свекрови и к тестю, теще (если для них не установлено в данной семье наименование *мама* и *папа*), а также и для более дальней родни со стороны жены и мужа.

— Свекровь хвалила меня! Я ушам своим не поверила.

Но пожаловалась свекровь: «Все хорошо, только не зовет меня Саша матерью» [1,с.103] .

Б) К родственникам младшего поколения

В китайском языке обращение адресатов старшего поколения к младшему по родству поколения реализуется в двух формах: при прямом обращении — чаще всего по собственным именам и реже — по наименованию родства. Например:

‘Юаньюань, иди купи лепешку и кушай! ’(Zhen Rong : «Ren dao zhong nian»).

‘Моя доченька, моя добрая Сяо ло цзя. ’

(«Han zi: wu ke xiao xiao xin»).

В русском языке со стороны родителей по отношению к детям могут употребляться обращения *сын*, *дочь*, обычно снабжаемые уменьшительно-ласкательными суффиксами: сынок, сыночек, дочка, доченька. Формы обращения сын, дочь звучат строго.

Бабушка и дедушка пользуются обращениями *внук*, *внучка*, снабжая их не редко уменьшительно-ласкательными суффиксами: внучек, внученька. Однако и здесь преобладают собственные имена.

К племяннику и племяннице в русской среде обычно обращаются по имени. Обращения *племянник*, *племянница* в этой функции употребляются редко и могут свидетельствовать, как и в случае *мать*, *отец*, о серьезности разговора. Суффиксальные образования в функции обращения применяются несколько чаще. Эти вокативы имеют сниженный фамильярно-ласкательный оттенок [8,с.43–45]. Например:

— А ну-ка, дочь, говори! — сказал себе в усы Данило.

— Славно, дочка! Слышал господарь? Не

идет дело .(М.Горький «Макар Чудра») .

В) К родственникам одного поколения.

В китайском языке между родственниками одного поколения, по нашим наблюдениям, при обращении лиц младшего возраста к старшему используются наименования родства, а наоборот, старшего — к младшему употребляются имена (наименования родства здесь редки). Если в семье много детей, то между ними существует особый этикет обращений. Например, младшие братья (сестры), обращаясь к старшим братьям (сестрам), используют такие обращения, которые соответствуют их положению, т.е. «старшинство +jie 'сестра', ge 'брат'». Например:

'Саньсао (жена третьего брата), когда ты пришла? Саньге (третий старший брат) пришел или нет? '(Zhao Shuli: « Mai yan ye»).

В русском языке в повседневном обращении к брату и сестре обычно обращаются по имени в сокращенной форме. Это форма наиболее употребительна и стилистически нейтральна [1].

Обращение *брат*, *сестра* в функции прямого обращения редко, они имеют торжественный риторический оттенок и могут служить сигналом серьезности, важности разговора.

— Коля, Коля! — я вскрикнул и подбежал к придорожной канаве.

— А ... брат! — крикнул он в ответ. Он меня почему-то никогда не называл по имени, а всегда — брат. Я старше его на десять лет.(М.Булгаков «Красная корона»).

В функции же косвенного обращения такие обрашения вполне обычны:

— Старшая сестра — несчастная вышла замуж за человека много старше ее... (М.Горький «Мать»).

Г) обращения, принятые между супругами.

Большое разнообразие обращений можно отметить на примере общения мужа и жены в китайском и русском языках.

В китайском языке, если супруги ещё молоды, при прямом обращении муж обычно обращается к жене, называя её по имени или используя вокатив Сяо+фамилия, или hai zi ta ma 'мама ребенка'. При разговоре с третьем лицо qi zi' жена', ai ren 'супруга', hai zi ta ma' мама ребенка' и т.д. Жена может позвать мужа при прямом обращении: по имени, Сяо+фамилия, hai zi ta ba 'папа ребенка', при косвенном: zhang fu 'муж', air-en 'супруг', hai zi ta ba 'папа ребенка 'и т.д.

Если супруги достигли пожилого возраста, то они обычно обращаются друг к другу, используя вокативы lao ban 'старик, старуха', lao tou zi 'старик', lao po zi 'старуха' или имена детей плюс вокативы ba, die 'папа', ma, niang ' мама'.

В русском языке номинации *муж*, *жена* в функции обращения применяются сравнительно редко, заменяясь чаще всего собственными именами или другими принятыми в семье ласковыми обращениями [8]. У молодой пары мы обнаружили бы наименования разнообразных зверюшек, птичек, рыбок и т.д. Да и собственные имена порой меняются до неузнаваемости. Цель одна — обращением передать ласковое любовное отношение [1].

Старики-супруги, прожившие совместно много лет, по преимуществу деревенские жители, могут обращаться друг к другу при помощи вокативов старик, старуха, или отец, мать.

Следует обратить внимание, что в китайском языке такое обращение мужа к жене, как «мама», точно так же как и в русском языке, будет обусловливаться её социальной ролью — ролью матери, присутствием общих детей, а также языковой привычкой говорящего. Иногда можно слышать в семье, как муж и жена называют друг друга *мать*, *отец*, *мама*, *папа*. Действует, видимо, частая апелляция к третьем лицу: baba shuo 'папа скажет', qu wen mama 'спроси у мамы 'и т.д.

Сопоставительный анализ обращений к родственникам в китайском и русском языках позволяет сделать следующие выводы.

В китайском и русском речевом этикете функции обращений идентичны. Но при этом сопоставление обращений к родственникам позваляет зафиксировать ряд существенных различий.

1. Для китайского речевого этикета характерно не фиксируемое в русском добавление при обращении к пожилым людям специального элемента 'lao', который служит для выражения особого уважения и почтительности.

2. В китайском речевом этикете не употребляются аналоги широко используемых в русском этикете сочетаний единиц *бабушка* , *дедушка* (в детской речи также *баба*, *деда*), *тётя*, *дядя* с личным именем (баба Шура, дядя Миша и т.п.) . В китайском языке не возникает необходимости уточнения того, о каком дедушке или какой тете идет речь, так как соответствующее уточнение (дедушка 'отец отца' или 'отец матери', тетя 'старшая сестра матери 'или 'жена младшего брата отца') «встроено» в лексическое значение соответствующей лексемы.

3. В китайском речевом этикете наблюдается специфичная система обращения к родственникам одного поколения. Если в русском языке в качестве обращений к братьям, сестрам (как родным, так и двоюродным), а также их мужьям и женам используются главным образом личные имена (зачастую сокращенные), то китайский речевой этикет предписывает в таких ситуациях использование соответствующих наименований родства.

4. При обращении друг к другу супругов русский речевой этикет предписывает использование личных имен (в том числе сокращенных) и допускает широкое употребление переосмысленных апеллятивов (типа солнышко, зайчик, котенок и под.); в китайском же здесь наблюдается, кроме использования личного имени, употребление таких специфических единиц, как конструкция «Сяо+фамилия» а также hai zi ta ba 'папа ребенка', hai zi ta ma' мама ребенка' и т.д. Использование апеллятивов не допускается.

5. Наиболее очевидные культурно-специфические черты китайского речевого этикета в сравнении с русским представлены в обращениях к родственникам старшего поколения, т.е. в семье этикет обращения основывается на иерархии семейных отношений. Адресат, принадлежащий к младшему поколению, должен проявить уважение к адресаду старшего поколения (независимо от возраста). Таким образом, адресат младшего поколения обязательно обращается к старшему по родству, используя вокативы-термины (наименования) родства, связывающиеся с формой на «вы». В русском языке наименования родства в роли обращения используются только для самых близких людей и сочетаются с формами общения на «ты».

Итак, можно сказать, что обращение как в китайском, так и в русском речевом этикете имеет и универсальные, и культурно-специфичные черты.

Литература

1. Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет: Пособие для студентов иностранцев. — М.: Русский язык, 1982. — 179с.

2. Большой русско-китайский словарь. — Пекин: Шан у инь шу гуань, 1988. — 2737с.

3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: Методическое руководство. — 4-е изд. Перераб. и доп. — М.: Русский язык, 1990. — 246с.

4. Краткий русско-китайский словарь. — Шанхай: Вай юй цзяо юй, 1992. — 903с.

5. Крюков М.В. Система родства китайцев. — М.: Наука, 1972.- 314с.

6. Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 489с.

7. Син Фуи. Лингвокультурология. — Хубэй: Ху бэй цзяо юй чу бань шэ, 2000. — 616с.

8. Формановская Н.И. Употребление русского речевого этикета. — М.: Русский язык, 1982. — 191с.

9. Чжао Юнсинь. Язык, культура и обучение китайскому языку иностранцев. — Пекин: Бай цзин юй янь да сюе чу бань шэ, 2001. — 443с.

АББАС ЯСИН ХАМЗА

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Проблемы и перспективы современной методики РКИ

Изменения в мировой геополитической системе, произошедшие на рубеже веков, интенсивное проведение реформ в системах образования разных стран, создание новых подходов в методике обучения иностранным языкам позволяют иначе взглянуть на педагогическую деятельность и роль преподавателя и учащегося в учебно-образовательном процессе. Преподаватель воспринимается не как передатчик информации, а как организатор осмысленного процесса обучения. Одной из основных образовательных функций становится воспитание самостоятельной, ответственной личности, воспитание человека, приспособленного жить в глобальном, изменяющемся мире.

Русский язык и русская культура рассматриваются как единый компонент образовательного процесса в теснейшей взаимосвязи с языками и культурами других стран. Сегодня исследователи обращают особое внимание на мотивацию изучения русского языка, так как она в значительной степени зависит от характера отношений с Россией в сфере политики и экономики. Отношение к изучению русского языка на филологическом факультете Багдадского университета подтверждает это.

Именно политические, экономические факторы, военные события оказывают влияние на процесс преподавания русского языка в Ираке, на выбор «русского языка» как учебной университетской дисциплины. Нестабильность ситуации не даёт возможности получить квалифицированные знания по языку и культуре и пугает своей бесперспективностью: выпускники после окончания университета не находят работы по специальности. На выбор дисциплины изучения влияет также сложившаяся в Ираке централизованная система приёма в университеты. Приём на разные факультеты долгое время осуществлялся и осуществляется на основании общей оценки по выпускному тесту. Так, школьники, получившие высокий балл (90–100 баллов) определяются на медицинские факультеты, средний балл (80–90 баллов) — на инженерные факультеты, все остальные выпускники — на другие факультеты. Ни желания, ни интересы, ни способности учащихся в данном случае не принимаются во внимание.

Аббас Ясин Хамза
Багдадский университет
(Ирак)

В настоящее время необходимо обратить особое внимание на мотивацию. Следует определить ведущие учебные мотивы выбора такого предмета обучения, как русский язык с тем, чтобы оказывать целенаправленное воздействие на них. Результатом такого воздействия будет

не только расширение контингента учащихся, но и повышение эффективности процесса изучения русского языка в стране. В связи с решением правительства о совершенствовании системы образования, проблема повышения эффективности обучения становится особенно актуальной.

Значимость мотивации в процессе изучения русского языка в мире подтверждается огромным интересом ко всем ее аспектам, о чем свидетельствуют доклады, публикации методистов. Особо отмечается необходимость создания учебников по русскому языку, имеющих совершенно определенную этническую и национальную ориентацию, учитывающих современную методику.

Важно также проводить мысль о престижности русского языка как учебного предмета, о тех культурных ценностях, которые с ним связаны, научных достижениях, которые станут доступными при овладении им (см. об этом, например, Вертоградская, 1982, 71).

В методике преподавания русского языка как иностранного под *мотивом* понимается побуждение к тому или иному виду деятельности (активности), связанное с удовлетворением потребностей человека; совокупность внешних и внутренних условий, вызывающих активность субъекта и определяющих её направленность. В качестве мотивов могут выступать присущие данному обществу объективные ценности, интересы и идеалы. В случае принятия их человеком они приобретают личностный смысл и побудительную силу. *Мотивация* — это процесс действия мотива (Глухов, Щукин, 1993, 138–139). Исходя из современных психологических представлений в педагогике, *мотивационной сферой человека/личности* «называют совокупность стойких мотивов, имеющих определённую иерархию и выражающих направленность личности» (Бордовская, Раен, 2004, 184).

В каждом конкретном случае мотивация обучения/изучения иностранного языка, как и мотивация обучения другим предметам, представляет в итоге сочетание социально-познавательных, личностно-нравственных и утилитарных мотивов.

Как показывают данные различных исследований, мотивация в изучении языка поддерживается его местом в системе образования конкретной страны. В современных условиях русский язык как в странах Европы, Америки, так и в Азии, Африке испытывает значительную конкуренцию со стороны других международных языков (английского, немецкого, французского, испанского, китайского, арабского), что влечёт за собой сокращение объёма часов на его преподавание. В связи с этим возникает вопрос: “Для чего сегодня необходимо изучать русский язык? ”.

В качестве основных объективных факторов, определяющих мотивы выбора иностранного языка, выступают следующие:

— необходимость использования языка в последующей деятельности (учёбе, работе и т.д.);

— получение доступа к существующей на изучаемом языке информации;

— осознание роли языка как языка-посредника при контактах.

Объективные факторы преломляются в индивидуальном представлении и становятся источником мотивации в изучении языка. По мнению составителей словаря «Терминов методики преподавания русского языка как иностранного», сложившиеся индивидуально-личностные представления, возникшие на основе полученных впечатлений и оказавшие благоприятное воздействие на воображение (представления могут быть связаны с полюбившимися героями фильмов и литературных произведений, мелодиями песен и т.д.), являются источником мотивированного подхода к изучению русского языка. Среди факторов, также формирующих мотивацию, названные выше авторы выделяют способы организации учебной деятельности (Глухов, Щукин, 1993, 139).

Исследователи традиционно относят к внешним источникам, влияющим на поддержание и повышение мотивации, следующие составляющие: способы организации учебной деятельности (сюда входят: методика занятий, учебные материалы, личность преподавателя, контингент учащихся, организация аудиторной и внеаудиторной деятельности обучаемых, подключение их к языковой сфере, актуальность материала, а

также социальные факторы: престиж и зарплата). Однако деление мотивов на внутренние и внешние происходит не механически: сами внешние мотивы могут быть *положительными (мотивы успеха, достижения) и отрицательными (мотивы избегания, защиты).* В связи с этим сегодня говорят о *социально-психологической оптимизации учебного процесса* (Леонтьев А.А.), связанной с выработкой оптимального педагогического общения на уроке (общения учителя и ученика), создающего наилучшие условия для развития мотивации учащихся и творческого характера учебной деятельности.

Согласно закону Йеркса-Додсона, который был сформулирован несколько десятилетий назад, эффективность деятельности зависит от *силы мотивации* (Цит. по: Бордовская, Реан, 2004, 185). Иными словами, чем сильнее побуждение к действию, тем выше результативность деятельности. *Мотив* может характеризоваться не только качественно, но и количественно *(сильный — слабый).*

Если иностранным учащимся интересно на занятиях, если они ощущают необходимость знания того, что они изучают, то у них лучше работает память, мышление, внимание — все механизмы когнитивной и речевой деятельности. У них повышается работоспособность, они быстрее усваивают учебный материал. Итак, сильная мотивация является и важным фактором *интенсификации обучения*.

Таким образом, в настоящее время в методике выделяют личностные и профессиональные интересы. Последние изначально обеспечивают более высокий уровень мотивации. При этом, важно отметить, что образовательная ценность любого языка состоит также в том, что язык открывает прямой путь к познанию инокультуры, истории, взаимоотношений и особенно духовных ценностей, созданных народом, что способствует лучшему пониманию между людьми в современном межкультурном пространстве, а также помогает развивать навыки поведения, необходимые для адекватного существования в обществе выбранного для изучения языка и общения с его носителями. Культура как отражение национального менталитета способна мотивировать учащихся к изучению языка, привлекая самобытностью, фольклорными чертами, правилами этикета, чертами повседневной жизни, туристической и духовной экзотикой.

Сравнивая, анализируя, изучая чужую культуру, учащиеся глубже познают свою, ломают сложившиеся стереотипы и барьеры межкультурного общения не только в культурной сфере, но и в области политики и экономики.

Литература

1. Аббас Ясин. Преподавание русского языка и литературы в Ираке. Проблематика и перспективы. Магистерская диссертация. Багдад. 2000.

2. Бордовская Н.В., Реан А.А..Педагогика — СПб.: Питер, 2004

3. Вертоградская Э.А. .Психологическое содержание явления мотивация и обучение русскому языку как иностранному//Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русскому языку и литературе: Докл.сов.делегации/Пятый междунар.конгресс преп. рус.яз. и лит., Прага, 16–21 авг. 1982 г. — М., 1982. — С.70–75.

4. Глухов Б.А., Щукин А.Н.Термины методики преподавания русского языка как иностранного. — М.: Рус.яз., 1993.

В.М.МОКИЕНКО

ИЗ ИСТОРИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕВРОПЕИЗМОВ

ЭЙ, ЗАВЯЖИ НА ПАМЯТЬ УЗЕЛОК!

[Фамусов:] Эй, завяжи на память узелок!
Просил я помолчать — не велика услуга.
А.С. Грибоедов. Горе от ума. 2, 5.

Валерий Михайлович Мокиенко

Доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии СПбГУ

Благодаря комедии А.С. Грибоедова выражение *завязать узелок* запомнилось каждому из нас в форме повелительного наклонения и с уточнением *на память*. Оно отражено большинством словарей и употребляется классиками и современными писателями в разных формах: *завяжи узелок, завязал узелок на память, завяжу узелок* и т.п.:

До завтра! Ты же побывай ко мне вечером, и так как ты рассеян и можешь забыть, то *завяжи узелок*. Ф. Достоевский. Крокодил.

А ты, между прочим, тоже жук хороший. От меня свои шуры-муры скрываешь, а тут весь Архангельск знает. Ладно, я не злопамятный, но *узелок завяжу*. Ф. Абрамов. Две зимы и три лета.

Показательно, что большинство словарей (Михельсон 1994, 1, 313; ТСРЯ 4, 909; ФСРЛЯ 1991, 1, 193; ЖСШ 1987, 238 и др.) в качестве иллюстраций проводят именно цитату из комедии А.С. Грибоедова. Вероятно, грибоедовское *завяжи на память узелок* повлияло и на формулировку многих словарных дефиниций, таких как «крепко запомнить, учесть на будущее» (ЖСШ 1987, 238); «завязанный кончик носового платка как напоминание о том, что нужно сделать» (Ож. 1973, 761) и др.

У А.С. Грибоедова, как известно, собственно русское, народное — речевое (и просторечное) языковое начало выступает в симбиозе с общеевропейским культурным, книжным наследием. К какому же из этих двух живительных потоков отнести выражение о завязывании узелка?

На первый взгляд, разговорный характер фразы поэта предполагает её отнесение к первому, исконно русскому народному источнику. Вот почему историки восточнославянской фразеологии считают, что в основе как русского, так и соответствующего белорусского (*завязаваць / завязаць вузялок*) оборотов таится отголосок древнего обычая завязывать на нитке узелки для запоминания чисел или еще чего-л. (Лепешаў 1993, 65; 2004, 132; Зимин, Спирин 1996, 238; БМС 2005, 709). На первый взгляд, такое этимологическое толкование кажется вероятным. Но одна деталь все-таки сразу же противоречит ему: и в цитате А.С. Грибоедова, и в словарных дефинициях для запоминания узелок завязывается не «на

нитке», а на кончике носового платка. Собственно, и бытовая логика несколько противоречит «ниточной» системе запоминания: ведь узелок на нитке столь мал и туг, что развязывать его потом весьма хлопотно. Иное дело — кончик носового платка, узел на котором и более «памятен», и нетруден для развязывания.

Именно подчеркиваемая словарями прозрачная связь выражения с носовым платком рождает сомнение в его исконности. Ведь носовой платок — реалия европейская, что уже само по себе предполагает и заимствование нашего оборота.

Сомнение в исконности подтверждается и, так сказать, «от противного» — при обращении к фактам русской народной речи. В нашей разговорной речи, просторечии и диалектах, правда, известно немало выражений со словами *узел* и *узелок.* Большинство из них, однако, по значениям довольно далеки от употребленного А.С. Грибоедовым фразеологизма.

Так, одни отражают ассоциацию завязывания узла с приведением в покорность, подчинение: разг. *завязывать/ завязать в узел кого* ‘заставлять кого-л. быть покорным, полностью подчинять кого-л. своей воле’ (БТС, 1377; ФСРЛЯ 1, 193). Другие подчёркивают трудности и безвыходную ситуацию, третьи характеризуют «прижимистость», способность экономно вести хозяйство, четвёртые отражают символику больших узлов, в которые пакуют вещи перед отъездом.

Развязывание же узла обычно характеризует решение какой-л. трудной проблемы: прост. *развязывать/ развязать узел* ‘решать какое-л. сложное, запутанное дело’ (Мокиенко 2003, 127). Отсюда — и «развязка» трудных родов или мучительной предсмертной агонии. Даже новг. *привязать память* ‘наказать кого-л.’ (НОС 8, 10), компоненты которого, казалось бы, предполагают интересующее нас значение ‘запомнить’, имеет иную семантическую направленность — ‘наказать’.

Немало выражений с компонентом *узел, узелок* отразил и русский жаргон: самым употребительным здесь является оборот *завязать узелок (узел),* в уголовной среде значащий ‘прекратить воровать; прекратить совершать противоправные действия; покончить с преступным прошлым’. Он достаточно часто употребляется современными писателями и породил некоторые обороты иной структуры (напр., *быть в завязке*) и «сплющился» в выразительный глагол *завязать* — ‘покончить с чем-.л., навсегда отказаться от чего-л. (напр., от алкоголя, курения, наркотиков и т.п.)’.

Как видим, практически во всех сферах живой русской речи семантика завязывания узла вовсе не соотносится с запоминанием. Следовательно, остается вновь предположить, что наш оборот имеет не собственно русские народные корни, а заимствован из европейских языков.

Основная масса славянской народной фразеологии с компонентом *узел, узелок* имеет семантику, прямо не связанную со знаковой функцией запоминания. Многие из них (в том числе и приведенные русские жаргонизмы) уходят корнями в древнюю славянскую и индоевропейскую магическую символику завязывания узла.

Узел также символизирует беспрерывность, судьбу, неизбежность и потому может быть инструментом колдуна или ведьмы. В таких случаях завязывать узлы значит вызывать магичных духов, колдовать. Завязанный узел — помеха, неудача, а развязанный узел — воля, спасение, решение проблемы. Развязать узел означает избрать сложный, но самый краткий путь к спасению, осуществлению задуманного. Узлы (фактически — замкнутые магичные круги) эффективно помогают бороться с нечистой силой. Напр., в народной медицине часто используются амулеты (обвязки, узлы, навязи) против дурного глаза и наговоров.

Завязывание и развязывание нити, веревки, ленты, тесьмы или платка в узел символизируют связь или препятствие. Не обязательно при этом приносящее человеку вред, поскольку узел может символизировать и прочную долгую связь. Тем не менее, в европейских народных суевериях «препятственная», связывающая узы зла роль узла превалирует над другими и имеет много мифологических воплощений (HDA 5, 16–23).

Весьма древней, конечно же, является и «запоминательная» функция завязывания. Уже в Ветхом Завете Господь, заповедуя Моисею бояться и любить Бога и хранить Божьи заповеди в сердце своем, наказывает: «И навяжи их в знак на руку твою, и да будут они повязкою над глазами твоими» (Второзаконие 6, 8).

Функция запоминания, воплощенная европейскими фразеологизмами, отразилась и в русском выражении *завязать на память узелок*. Хотя оно, как мы видели, и «чужеродно» на фоне других более традиционных русских представлений о магии узла, но — как часто бывает при фразеологическом калькировании — быстро адаптировалось на русской почве. Таким образом, все пути лингвистического анализа грибоедовского выражения ведут в немецкий язык.

Немецкий оборот *sich einen Knoten ins Tschentuch machen (*или реже *Schnupftuch binden*) определяется как ‘сделать знак, чтобы чего-л. не забыть; обязательно о чём-л. вспомнить, не забыть что-л.’. Он восходит к обычаю завязывать уголок носового платка узелком, чтобы при его употреблении тут же вспомнить то, что «завязано» (RSR, 394). При этом историки немецкой фразеологии также апеллируют к общемифологической семантике узла как символа «связывающего» обязательства. Он связывает демонические силы, а в качестве любовного колдовства обладает способностью привязать к себе любимого человека. «Разумеется, нельзя полностью утверждать, — подчеркивает при этом автор одного из историко-этимологических словарей, — что в обычае завязывать узелок на кончике носового платка прямо отражены реликты подобных магических действий. В поговорке могло отразиться лишь их шутливое переосмысление» (Muller 1994, 324). Тем самым древняя мифология претворяется в бытовую привычку, которую и отразил оборот.

Кроме немецкого, выражение о завязывании узелка на носовом платке в идентичной структуре и семантике известно и некоторым романским языкам — напр., ит. *aver (fare) un nodo nel (al) fazzoletto (alla pezzola)* (ИРФС, 669); фр. *faire un nœd a la (a sa) mŭmoire* (ФРФС, 741), *faire un nœd a son mouchoir* (RCh 1997, 633).

Итак, европейские истоки выражения *завязать узелок на память* доказываются всем комплексом приведенных языковых фактов. Скорее всего, оно было заимствовано из немецкого, что подтверждается и наличием прямого лексического германизма в польском, и отмеченностью оборота в хорватском, где фразеологическое калькирование преимущественно шло именно по немецким каналам. И по структуре, и по семантике, и по сохранению культурологической привязки к обычаю завязывать кончик платка на память оборот — типичная калька. Характерна здесь даже сама уже упомянутая предпочтительность формы повелительного наклонения, подчеркиваемая историками немецкой фразеологии: *Mach dir einen Knoten ins Taschentuch! Mach dir'n Knüpp (Knoten) ins Taschentuch!* (Röhrich 1992, 2, 861). Возможно, в ней отразилась привязка к упомянутым магическим действиям, обусловленным древней символикой узла.

Именно в повелительном наклонении звучит и крылатая фраза Фамусова и в комедии «Горе от ума». Так калька с немецкого, органично вписанная А.С. Грибоедовым в текст, не только стала одной из ярких характеристик привыкшего повелевать и поучать московского сановника, но и надолго «навязалась» в памятные скрижали русского литературного языка.

Литература

БМС 2005: Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов. /СПбГУ: Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина. — Под ред. В. М. Мокиенко. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. — 926. [2] с.

БТС 1998: Большой толковый словарь русского языка. Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. — Спб.: «Норинт», 1998. — 1536 с.

ЖСШ 1987: Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М.: «Русский язык», 1987. — 441 с.

Зимин, Спирин 1996: Зимин В. И., Спирин А. С. Пословицы и поговорки русского народа. — М: «Сюита», 1996. — 544 с.

ИРФС: Итальянско-русский фразеологический словарь. Около 23 000 фразеологических единиц. Сост.: Т.З.Черданцева, Я.М.Рецкер, Г.Ф. Зорько / Под ред. Я.И.Рецкера. М.: Русский язык, 1982. — 1056 с.

Лепешаў 1993: Лепешаў І.Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя», 1993. Т. 1 (А-Л). 590 с.; Т. 2 (М-Я). 607 с.

Лепешаў 2004: Лепешаў І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск: «Беларуская энцыклапедыя», 2004. — 448 с.

Михельсон 1994: Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Предисловие и комментарии В.М.Мокиенко. — М.: «Русские словари», 1994. — Т. 1 — 779 с. Т. 2. — 580+250 с.

Мокиенко 2003: Мокиенко В.М. Новая русская фразеология. — Uniwersytet Opolski: Instytut Filologii Polskiej. — Opole, 2003. — 168 s

Мокиенко, Никитина 2003: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь русской брани (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы). — СПб.: «Норинт», 2003. — 448 с.

НОС 1–13: Новгородский областной словарь. — Сост. В.П.Строгова, А.В.Клевцова, Л.Я. Петрова и др. — Отв. ред. В.П.Строгова. Вып. 1–13. — Новгород, 1991–1999.

ТСРЯ: Толковый словарь русского языка // Под ред. Д.Н.Ушакова. Тт. 1–4. Л., 1934–1940.

ФСРЛЯ 1991: Фразеологический словарь литературного языка конца XVIII–XX в. Под ред. А.И.Федорова. Тт. 1–2. Новосибирск: «Наука», 1991.

ФРФС: Французско-русский фразеологический словарь. Сост.: В.Г. Гак, И.А. Кунина, И.П. Лалаев и др. / Под ред. Я.И. Рецкера. М., 1963. — 1111 с.

HDA: Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. — Hg. von E. Hoffmann-Krayer und Bächtold-Stäubli. — 10 Bde. — Berlin, 1927–1942 (Nachdruck: Berlin, 1987). Germanistik-Fachbibliothek: 342/GB 1252 B139.

Müller 1994: Müller, Klaus. Lexikon der Redensarten. Herausgegeben, zusammengestellt und erläutet von Klaus Muller. München: Lexikographisches Institut; — Gütersloch: Bettelsmann Lexikon Verlag, 1994. — 781 S.

RSR: Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Bearbeitet von Günther Drosdowski und Werner Scholze-Stubenrecht. Duden Bd. 11. — Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich, 1992. — 864 S.

RCh 1997: Rey, Chantreau: Rey, Alain et Chantreau, Sophie: Dictionnaire des expressions et locutions. Édités par les Dictionnaires le Robert, Paris, 1997. — 1085 p.

Röhrich 1991–1993: Röhrich Lutz. Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Bd. 1–IV. Feiburg-Basel-Wien, 1991–1993.

В нашем журнале № 1 за 2006 год была опубликована рецензия В. Д. Черняк на серию словарей «Давайте говорить правильно», составленных и отредактированных Г. Н. Скляревской в рамках проекта создания пособий по культуре речи филологического факультета СПбГУ . В редакцию продолжают поступать отзывы на них.

Н. А. КУПИНА,
О. А. МИХАЙЛОВА

ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ ПРАВИЛЬНО!

«Вербальная свобода», которой характеризуется культурно-речевая ситуация в постсоветской России, привела к либерализации языковых норм. Норма становится не столько системой запретов, сколько выбором языкового варианта [Панов 1998]. Прямое следствие интенсивной демократизации русского языка [Русский язык… 1996; Скляревская 2001 и др.] и отсутствия строгого ортологического контроля — снижение коммуникативной компетенции носителей современного русского языка. В этих условиях «поиск объективных норм и их кодификации стоит особенно остро» [Ширяев 2000: 14]. Возрастает необходимость оперативного создания авторитетных словарей, отражающих реальное языковое существование, адресованных широкому кругу пользователей.

Ортологическим запросам российского общества в полной мере отвечает лексикографический проект русистов Санкт-Петербургского университета (руководитель проекта — С. И. Богданов, инициатор проекта — Л. А. Вербицкая) — серия словарей «Давайте говорить правильно!». Остановимся на характеристике четырех словарей названной серии. Два из них относятся к словарям трудностей — «Трудности современного русского произ-ношения и ударения» (авторы-составители — Л. А. Вербицкая, Н. В. Богданова, Г. Н. Скляревская. СПб, 2002), «Трудности грамматического управления в современном русском языке» (авторы-составители — Г. Н. Скляревская, Е. Ю. Ваулина. СПб, 2002); два являются толковыми словарями — «Политический язык современной России» (авторы-составители — Г. Н. Скляревская, И. О. Ткачева. СПб, 2003) и «Новейшие и наиболее распространенные заимствования в современном русском языке» (авторы-составители — Г. Н. Скляревская, Е. Ю. Ваулина. СПб, 2004). Изданные словари отражают основные ортологические аспекты культуры речи: акцентологический, орфоэпический, грамматический, лексический.

Особую ценность лексикографического проекта мы видим в наличии единой теоретико-лингвистической базы, реализации единого подхода к кодификации нормы. Единство словарей серии обеспечивается также общими принципами составления словников, структурой словарной статьи, системой помет.

Словники словарей серии «Давайте говорить правильно!» составлены по материалам современных толковых и отраслевых словарей русского языка, Электронного лексического фонда русского языка, (около 3 млн. словоупотреблений), а также материалов, представленных в средствах массовой информации и на сайтах Интернета.

Отбор словарного материала осуществляется на основе принципов, которые строго соблюдаются во всей серии и в то же время корректируются в соответствии с целью каж-дого конкретного словаря. Обозначим данные принципы.

Во-первых, принцип современности, актуальности интерпретируемой лексики. Основу словников толковых словарей серии составляют слова, связанные с наиболее важными сферами жизни современной России: политикой, экономикой, финансами, коммерцией, информатикой, публицистикой. Словники, однако, не дублируют друг друга. В словарь «Новейшие и наиболее распространенные заимствования в современном русском языке» включены некоторые иноязычные слова из области искусства (андеграунд), меди-цины (суицид), спорта (тайм-аут), а в словарь «Политический язык современной России» — обозначения, связанные с политической жизнью зарубежных стран (канцлер, лейбористы, Тайный совет), некоторые исторические понятия (генерал-губернатор, НЭП, продовольственная диктатура). Также в последнем словаре присутствуют важные для речевой коммуникации собственные имена и аббревиатуры: Федеральное собрание, «Союз правых сил», Совбез, Шенгенское соглашение, ООН, МВЭС, ФСО). Словники словарей трудностей включают разряды слов, активно употребляемых в современной речи, но вызывающих затруднения в произношении или правильном грамматическом управлении.

Второй принцип — принцип адресности. Хотя словари «предназначены для самого широкого круга читателей» [Трудности современного русского произношения и ударения, 2002: 3], целевой адресат — это люди, занимающиеся политической деятельностью, связанной с социальными, экономическими и другими актуальными проблемами. Именно на политический дискурс ориентированы в первую очередь словники всех словарей серии.

Словарная статья строго структурирована. Структура статьи в целом точно соответствует назначению и цели каждого словаря. Так, в толковых словарях присутствуют следующие обязательные для традиционной отечественной лексикографии зоны: грамматическая характеристика, стилистическая характеристика, толкование, иллюстрации употребления слова, устойчивые сочетания. Кроме того, в словаре «Новейшие и наиболее распространенные заимствования в современном русском языке» обязательно содержится информация об этимологии слова. Полезны указания на ближайший источник заимство-вания и первоисточник — латинский или греческий: конфликтология [нем. Konflikt < лат. cōnflictus столкновение + logos учение], этимологические справки не усложнены. В словарных статьях «Политического языка современной России» номинации новых международных организаций сопровождаются полезной исторической справкой о времени их создания (см., например, Европейский союз, Шенгенское соглашение). Ориентация на массового читателя прослеживается и в характере грамматических справок. Так, в трудных и спорных случаях авторы не ограничиваются указанием на род существительного или аббревиатуры, в словарную статью включается комментарий, объясняющий особенности употребления слова. Например:

НАТО, нескл., ж. — По правилам русского языка аббревиатура «НАТО» женского рода, поскольку опорное слово аббревиатуры — «организация». Однако рекомендуется избегать согласования по женскому роду (например, «НАТО» решила и т.п.), так как по форме аббревиатура совпадает со словами среднего рода.

Некоторые грамматические рекомендации вызывают недоумение. Так, для аббревиатур ЕЭВС «Европейский экономический и валютный союз», ЕС «Европейское сообщество», ЕЭС «Европейское экономическое сообщество» отмечены родовые варианты — м. и ср. [Политический язык современной России 2003: 78]. Поскольку это буквенные аббревиатуры (об этом свидетельствует и транскрипция, данная авторами словаря), несклоняемые (это также указывают авторы), их род однозначно определяется по ключевому слову, т.е. ЕС и ЕЭС — сообщество, среднего рода, а ЕЭВС — союз, мужского рода.

Глубокой продуманностью отличаются предлагаемые толкования слов. Они обладают простотой и доступностью, известной долей популяризации при отсутствии упрощенности и примитивизма. В объяснении новых слов, недавно вошедших в лексикон и еще недостаточно освоенных (антитоталитарный, маргинал), особенно ярко проявляются эти особенности лексикографических толкований. В словарях отсутствует идеологическая тенденциозность, толкования освобождаются от идеологических добавок. Ср., например: бюрократизм «система управления в классовом обществе, при которой государственная власть осуществляется через чиновников, оторванных от народа и защищающих интересы господствующего класса» [МАС, т.1: 131] и «власть и влияние чиновничьего аппарата, основанные на громоздкой структуре управления» [Политический язык современной России 2003: 46].

В толковых словарях серии с помощью системы помет дается стилистическая характеристика слова. Представлены пометы, характеризующие сферу употребления (астрономия, религия, уфология, парапсихология) и функционально-стилевую принадлежность слова (разговорное, книжное). Данные пометы поддерживают принцип адресности. Любопытно, что из группы эмоционально-экспрессивных помет в словаре «Новейшие и наиболее распространенные заимствования в современном русском языке» авторы используют только помету неодобрительно, а в словаре «Политический язык современной России» только помету высокое. Выбор именно таких помет, к сожалению, никак не объ-ясняется.

Особого внимания заслуживает помета новое, встретившаяся в двух словарях серии. В словаре «Трудности грамматического управления в современном русском языке» эта помета «служит знаком того, что данный вариант управления хотя и не соответствует традиционным нормам, но получил широкое распространение и имеет тенденцию стать нормативным» (с.14-15). В словаре «Политический язык современной России» данная по-мета сопровождает неологизмы (ваххабизм, глобализм, омбудсмен, талибы) либо новые значения, появившиеся у известных ранее слов (оппонент «политический противник; со-перник на выборах»).

Целесообразным представляется отражение во всех словарях орфографических вариантов. Вариантные написания предлагаются для слов, находящихся

за пределами Свода правил 1956 г. Например:

президент и (в официальных документах и торжественной речи) Президент;

дума и Дума;

Городская Дума, Городская дума и городская дума;

для заимствований, написание которых пока не закреплено нормой: медиа-магнат и медиамагнат, фитнес и фитнесс, сендвич, сэндвич и сандвич; промоушен и промоушн.

В словарях трудностей нормативные характеристики корректны и удобны — дается простая и понятная не специалисту транскрипция.

Особенности произношения отмечены во всех словарях, и в этом нам видится большая ценность рецензируемых изданий, которые должны стать незаменимым пособием для всех, кому приходится выступать публично.

Обратим внимание на отдельные рекомендации, которые представляются нам неточными или спорными.

Для всех слов с начальным «э» дается два варианта произношения: эволюция — [и]волюция и [ы]волюция; электорат — [и]лекторат и [ы]лекторат; эскорт — [и]скорт и [ы]скорт и т.д. [Трудности современного русского произношения и ударения 2002: 138, 142, 143 и сл.]. Такое произношение кажется не соответствующим современной орфоэпической норме, поскольку иканье и ыканье свойственны исконно русским словам, тогда как во многих иноязычных словах звук [э] сохраняется в безударном положении [Ср.: Русский язык и культура речи 2002: 141].

Рекомендованное для разговорной речи ударение на начальном слоге в словах типа жалюзи [Трудности современного русского произношения и ударения 2002: 61] может отрицательно повлиять на единообразное воспроизведение слов французского происхождения.

При переиздании словаря «Трудности грамматического управления в современном русском языке» целесообразно большее внимание уделить регулярному сопоставлению паронимов с разным управлением (например, отличие/различие).

Рекомендация нормы ударения осведоми′ть ! неправ. осве′домить [Трудности современного русского произношения и ударения 2002: 92] противоречит рекомендации действующих академических словарей [Ср.: Орфоэпический словарь… 2001: 334].

Завершая рецензию, отметим, что универсальность серии в целом и индивидуальность каждого словаря серии — несомненное достоинство лексикографического проекта, способствующего осуществлению насущной задачи культурно-речевого просвещения, поддерживающего функционирование русского языка как государственного.

Литература

Орфоэпический словарь… 2001 — Орфоэпический словарь русского языка: Произноше-ние, ударение, грамматические формы / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 2001.

Панов 1998 — Панов М.В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык со-временной публицистики. М., 1998.

Русский язык… 1996 — Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1996.

Русский язык и культура речи 2002 — Русский язык и культура речи: Учеб. для вузов / А.И. Дунев, М.Я. Дымарский, А.Ю. Кожевников и др.; Под ред. В.Д. Черняк. М.; СПб, 2002.

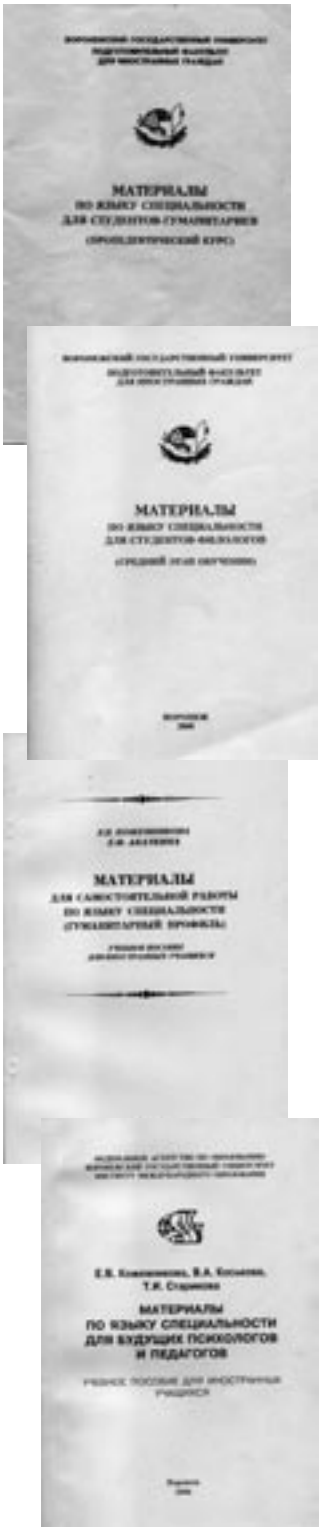
Скляревская 2001 — Скляревская Г.Н. Слово в меняющемся мире: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам 2001. 6. Корейская ассоциация славистов. Сеул, 2001.

Ширяев 2000 — Ширяев Е.Н. Типы норм и вопрос о культурно-речевых оценках // Куль-турно-речевая ситуация в современной России / Отв. ред. Н.А. Купина. Екатеринбург, 2000.

Д.А.ЩУКИНА

«МАТЕРИАЛЫ ПО ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ»

Воронежский государственный университет



Учебные пособия из серии «Материалы по языку-специальности», подготовленные на кафедре русского языка довузовского этапа обучения Института международного образования Воронежского государственного университета, предназначены для иностранных учащихся, готовящихся к поступлению в российские вузы по гуманитарным специальностям: филологии и журналистике, истории, политологии и юриспруденции, а также по экономике, педагогике и психологии. Цель пособий, составленных в соответствии с требованиями «Государственного образовательного стандарта по русскому языку как иностранному. Профессиональные модули. Первый уровень», заключается в формировании у учащихся языковых и речевых навыков в учебно-профессиональной сфере общения, предусмотренных «Образовательной программой по русскому языку как иностранному. Предвузовское обучение».

По замыслу авторов, каждый из трех учебных комплексов, объединяющих пособия по профилям (филологическому/гуманитарному, экономическому), а также по психолого-педагогическим специальностям, имеет стабильную структуру. В соответствии с разными видами работы (аудиторная, самостоятельная, контроль) весь программный материал распределен по нескольким пособиям:

1) основное пособие (состоящее из двух частей: пропедевтический курс и основной курс);

2) дополнительные пособия (пособия для самостоятельной работы отдельно к пропедевтическому и к основному курсам);

3) сборник контрольных работ, включающий книгу для преподавателя и книгу для студента.

Единый подход к интерпретации учебного материала, на наш взгляд, продиктован следующими обстоятельствами. Для успешной работы на занятиях по научному стилю учащимся любой специальности необходимо усвоить инвариантный набор грамматических конструкций. Вместе с тем без ранней специализации невозможно овладеть предлагаемым Программой лексическим минимумом по данной специальности. Поэтому основное внимание уделяется грамматической работе с конструкциями научного стиля речи, имеющими лексическое наполнение из предметного ядра соответствующих наук — филологии, истории, юриспруденции, экономики, педагогики и психологии. Идея вариативности реализуется в трех основных пособиях на уровне композиции: пропедевтический курс открывается темой «Моя специальность», основной курс — темой «Филология (Экономика/ Психология/ Педагогика) как наука»; вторая тема основного курса посвящена описанию структуры соответствующей науки; третья — способам характеристики предметов и явлений и т.д.

Благодаря наличию инварианта (общих грамматических конструкций, пересечения тем и лексики), выделен блок базовых упражнений и заданий, включенных во все основные пособия. Такой подход, предполагающий определение инварианта и предметного ядра, поможет сделать менее болезненным переход учащихся из группы в группу в связи с изменением специальности.

Кроме ранней специализации, при овладении языком будущей профессии огромное значение имеет дифференциация учащихся по уровню фоновых знаний (общих, предметных), а также лингвистической подготовки. В часы аудиторных занятий преподаватель не имеет возможности, с одной стороны, отработать со слабыми учащимися трудный грамматический материал, понятный другим членам группы, с другой стороны — предоставить учащимся с предварительной подготовкой по предмету и/или по русскому языку материал, соответствующий их уровню знаний. Такая работа обычно проводится во время индивидуальных занятий с отстающими учениками или самыми разными категориями учащихся самостоятельно. Поэтому «Пособие для самостоятельной работы» содержит тексты, упражнения и задания с разными уровнями трудности по каждой из 4 гуманитарных специальностей (филолог, журналист, историк, юрист).

Основное и дополнительное пособия, имея общее содержание, отличаются друг от друга по своим задачам: первое служит унификации учебного процесса, а второе — его дифференциации.

В первый год обучения иностранных учащихся РКИ речь идёт в основном о формировании у них языковой базы для дальнейшего изучения научного стиля речи. Из этих представлений о целях и содержании этого курса на предвузовском этапе исходили авторы при составлении «Сборника контрольных и самостоятельных работ по языку специальности (экономический профиль)».

Сборник состоит из трех частей: «Самостоятельные работы» (предназначенные для текущего контроля), «Контрольные работы» (содержащие материалы для промежуточного контроля) и «Зачётные работы».

Большая часть самостоятельных поурочных работ представлена в тестовой форме. Материалы под рубрикой «Чтение. Письмо» направлены на формирование навыков конспектирования и составлены в традиционной форме. Время выполнения этих заданий строго не регламентировано, как и критерии оценки: преподаватель самостоятельно определяет требования в зависимости от уровня подготовки учащихся и в соответствии с имеющимися в Сборнике образцами выполнения заданий. Материалы под рубрикой «Говорение» представлены в виде схем и включены только в первые уроки Основного курса: в рамках Пропедевтического курса работа по схемам может осуществляться, по мнению авторов, только под руководством преподавателя, а на более поздних этапах обучения учащиеся, уже овладевшие навыками конспектирования текста, должны самостоятельно составлять схемы на основе прочитанного текста.

Контрольные работы, составленные в традиционной форме, имеют различное количество вариантов в зависимости от срока заезда учащихся.

В настоящее время опубликованы 6 пособий из серии :

— Материалы по языку специальности для студентов-гуманитариев (пропедевтический курс)/Сост. Е.Ф. Акаткина, Е.В. Кожевникова. — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003.

— Материалы по языку специальности для студентов-филологов (средний этап обучения)/Сост. Е.Ф. Акаткина, Е.В. Кожевникова, О.Н. Олейникова. — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2000.

— Кожевникова Е.В., Акаткина Е.Ф. Материалы для самостоятельной работы по языку специальности (гуманитарный профиль) — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004.

— Кожевникова Е.В., Китаева Н.А., Погореленко Г.М. Материалы по языку специальности (экономический профиль). — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002.

— Кожевникова Е.В. Сборник контрольных и самостоятельных работ по языку специальности (экономический профиль). — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005.

— Кожевникова Е.В., В.А. Коськова, Т.И. Старикова. Материалы по языку специальности для будущих психологов и педагогов. — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2006.

Желаем авторам успеха в продолжении их работы!

КОНФЕРЕНЦИЯ В ВОЛГОГРАДЕ

19–20 апреля 2006 года в Волгограде в соответствии с Планом научно-практических мероприятий Министерства здравоохранения и социального развития РФ была проведена III Российская научно-практическая конференция «Проблемы качества обучения зарубежных граждан в медицинских вузах». В рамках работы этой конференции состоялось заседание секции «Особенности преподавания русского языка как иностранного на довузовском и вузовском этапах».

Работа секции была чрезвычайно интересной и плодотворной, так как давала возможность для обсуждения насущных проблем коллегам, объединенным не только общей специальностью «Русский язык как иностранный», но и теми особенностями, которые связаны с преподаванием РКИ именно в медицинских вузах. Особое место было отведено обсуждению преподавания русского языка как неродного для студентов из стран так называемого ближнего зарубежья, обучения русскому языку студентов-иностранцев, изучающих специальность на английском языке. Коллеги делились опытом обучения языку специальности, ведению дискуссии и деловому общению, обучения грамматике, аннотированию, реферированию.

На заседании с интересными и актуальными докладами выступили преподаватели русского языка как иностранного из различных медицинских вузов России: Т.В.Кочеткова (СГМУ) «Преподавание русского языка как иностранного в высшей медицинской школе России (современная ситуация)»; Т.К.Фомина (ВолГМУ) «Языковые трудности в контексте приобретения профессиональной роли»; Т.Ф.Матвеева (МГМСУ) «Обучение языку специальности»; О.М.Дедова (ВГМА) «Преподавание языка делового общения как составной элемент обучения профессиональному общению студентов медицинских специальностей»; Г.А.Коваленко (ВолГМУ) «Преподавание спецкурса “Методика преподавания РКИ” в Волгоградском государственном медицинском университете»; Е.В.Орлова (ИГМА) «Обучение иностранных студентов, ординаторов и аспирантов аннотированию, реферированию и рецензированию научного медицинского текста»; Э.М.Гирфанова (СПбГМА) «Обучение иностранных студентов способам выражения семантики футуральности на основе принципов функциональной грамматики»; Т.Б.Мульганова (ВолГМУ) «Грамматика научного стиля речи для студентов-медиков»; Г.Д.Скнар (РГМУ) «Методические подходы к обучению студентов-медиков на младших курсах»; В.М.Мирзоева (ТГМА) «Преподавание русского языка учащимся на среднем этапе обучения»; О.А.Клюшина, В.А.Гончаренко (ВолГМУ) «Особенности обучения русскому языку студентов, обучающихся на языке-посреднике».

Практически каждый доклад вызывал отклик аудитории, обсуждались действительно «наболевшие» вопросы.

В резолюции, принятой участниками заседания, была одобрена практика Министерства здравоохранения и социального развития РФ по проведению регулярных конференций сотрудников медицинских вузов России; отмечена необходимость создания рекомендательных и программных документов, разработки специальных программ и пособий по преподаванию русского языка как неродного; было предложено разработать и закрепить на уровне государственных стандартов документы, содержащие требования для поступления иностранцев в аспирантуру российских вузов; обсудить вопрос об изучении русского языка студентами-иностранцами, обучающимися в вузах России на языке-посреднике (чаще всего на английском языке).

Участники конференции просят Министерство здравоохранения и социального развития РФ обратить внимание на необходимость включения курса «Русский язык и культура речи», предназначенного для студентов — граждан РФ, как обязательного; считают необходимым просить Министерство здравоохранения и социального развития РФ взять под контроль возможность регулярного повышения квалификации преподавателями русского языка как иностранного на государственной основе и рассмотреть возможность проведения научных конференций иностранных учащихся на русском языке.

Участники конференции выражают глубокую благодарность Волгоградскому государственному медицинскому университету и его сотрудникам — радушными хозяевами, тепло принимавшими гостей.

Гирфанова Э.М.,
зав.кафедрой русского языка
СПбГМА им.И.И.Мечникова

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Б. Н. ГОЛОВИНА И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ»

23–25 мая 2006г. в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского проходила международная научная конференция, посвященная 90-летию Бориса Николаевича Головина (1916–1984), заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора. Имя Б.Н. Головина хорошо известно как отечественным, так и зарубежным лингвистам благодаря многочисленным работам ученого по теории языка, общей и русской грамматике, словообразованию и терминоведению, стилистике и культуре речи. Большой популярностью пользуются его учебники «Общее языкознание» (М., 1979; в соавторстве с Ф.М.Березиным) и «Введение в языкознание», которое выдержало пять изданий и было переведено на немецкий и литовский языки, а также первый созданный в нашей стране учебник по курсу «Основы культуры речи».

Б.Н.Головин не раз оказывался среди первооткрывателей многих научных направлений. Им была разработана вероятностно статистическая методика как инструмент изучения дифференциации стилей языка и стилей речи. Он одним из первых увидел необходимость всестороннего изучения терминологии (в том числе и для решения прикладных задач) и создал горьковскую школу терминоведения, ставшую одной из основных в российской науке. Он стал автором оригинальной теории культуры речи как учения о ее коммуникативных качествах и разработал первую вузовскую программу по новой, им же предложенной дисциплине «Основы культуры речи».

Об этом говорилось в сделанных на пленарном заседании докладах декана филологического факультета ННГУ Л.И. Ручиной и проф. К.Я. Авербуха (Москва).

Всего на конференции, организованной при содействии Российского фонда фундаментальных исследований, работало десять секций: «Теория языкознания», «Синхронические методы исследования языковых единиц разных уровней», «Терминология. Терминография. Терминосистемы», «Когнитивные аспекты изучения языка», секция по стилистике и культуре речи, по текстологии и др. Были представлены вузы более 25 городов РФ, а также университеты Чехии, Польши, Германии, Литвы, Украины, Беларуси. Сделано более ста докладов, не считая стендовых.

Обсуждались вопросы методологии лингвистики, методы изучения языковых единиц разных уровней, когнитивные аспекты лингвистики, проблемы функционирования и развития языка. Особое внимание было уделено современному состоянию языка и речи. Участников конференции заинтересовал доклад В.М.Шаклеина «Разнокультурный синкретизм как феномен отечественной лингвокультуры», в котором говорилось о разобщенности коммуникантов — представителей различных социальных групп в российском обществе. Едва ли не самую большую группу выступлений составили доклады, посвященные проблеме концепта. Много внимания было уделено также языку науки, терминологическому обеспечению научного общения. В этом плане «задал тон» доклад Л.П.Крысина «Лексикографическое представление терминологической лексики в толковом словаре», проиллюстрировавший важность раскрытия специфики термина. Поскольку многие термины восходят к латинскому и греческому языкам, в проблематику конференции органично вписались доклады, в которых рассматривалась метаязыковая функция древних языков. Дисциплины классического цикла — тот мост, на котором покоятся основы гуманитарного образования. Их изучение способствует вхождению в Болонский процесс.

Конференция показала, насколько остро российские лингвисты испытывают потребность в профессиональном общении, как глубоко заинтересованы они в том, чтобы русская речь не превращалась в смешение «французского (теперь — английского) с нижегородским».

Зав. кафедрой современного русского языка
и общего языкознания
Нижегородского госуниверситета
профессор Л.В. Рацибурская

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЯЗЫКОВОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОПЫ И МИРА — III МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ВАРШАВЕ

10-14 мая 2006 года в Варшаве проходила Ш Международная научная конференция «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание, Коммуникация. Интернет». Её организатором был Варшавский университет: Факультет прикладной лингвистики и восточнославянских филологий, Институт русистики, Главная библиотека университета. В работе конференции приняли участие польские, российские, американские, словацкие, испанские, немецкие, литовские, латвийские, казахстанские, итальянские, украинские и греческие русисты. Заседания проходили в великолепных зданиях библиотеки Университета и в Бизнес-Центре «Медзешин», что немало способствовало их успеху.

Первое пленарное заседание было посвящено памяти филолога, психолога, педагога академика А.А.Леонтьева. С докладами о его вкладе в лингводидактику, на которую он смотрел «глазами филолога и методиста», выступили российские учёные. Проф. А.Н. Щукин (Москва) осветил многогранную деятельность А.А.Леонтьева как учёного, занимающегося проблемами психолингвистики, психологии общения, методики обучения иностранным языкам, а также общего языкознания, психологии личности, поэтики и теории поэтической речи, обратив основное внимание на его лингвометодические взгляды, оказавшие значительное влияние на развитие современной теории и практики преподавания русского языка как иностранного. В докладе проф. И.П. Лысаковой (Петербург) «Лингвометодические заветы А.А.Леонтьева» был отмечен его вклад в развитие лингвокультурологии, «наполнением» содержания которой А.А.Леонтьев занимался в последние годы. Доклад д.ф.н. Н.В.Уфимцевой (Мо сква), в основу которого было положено возникшее в московской психолингвистической школе понятие «языкового сознания», был посвящён проблеме различий в национальных сознаниях коммуникантов. Именно эти различия рассматриваются как главная причина непонимания при межкультурном общении. Специфика общения при использовании национального языка, как отметила докладчик, включает образы сознания, отображающие предметы конкретной культуры, но системные качества этих предметов могут быть поняты только при осознании чужой культуры как системы. Докладчик обратила внимание на то, что одним из способов выявления системных свойств культурных предметов является массовый ассоциативный эксперимент, который должен выявить содержание образа сознания, стоящего за словом в той или иной культуре. Психолингвистическим основам методики преподавания иностранных языков, психолингвистическим факторам, определяющим особенности восприятия и реализации языковых единиц в речи на втором языке, был посвящен доклад проф. Н.А.Любимовой (Петербург). Проф. Ю.А.Бельчиков (Москва) остановился на рассмотрении отношения А.А.Леонтьева к проблемам культуры речи, непосредственно связанной с развитием и этическими основами социального существования личности.

Варшавский университет

Ряд докладов был посвящён проблемам лингвистической семантики. Проф. Ю.Н. Караулов (Москва) представил элементарную единицу знания в её составляющих, которые обусловлены и вписываются в многомерную структуру языкового сознания Проф. Л.П.Крысин в своём докладе показал различия между кальками Х1Х – начала ХХ века, где основными были словообразовательные модели, и кальками «семантическими и сочетаемостными», которые преобладают в русском языке наших дней. Проф. Д.А.Леонтьев (Москва), обратившись к проблеме понимания, выделил такие его стороны, как понимание действительности, понимание другого человека, понимание себя, текста, культуры, отметив, что текст культуры не поддаётся познанию, он, как и личность, подлежит только пониманию. Выводом стало утверждение, что «понимание – это путь, который ведёт не просто к накоплению знаний и углублению картины мира, но к развитию базовых механизмов регуляции отношений личности

с миром и к восхождению личности на качественно новые уровни своего развития».

Проблемы состояния русского языка как отражения лингвокультурного суверенитета (доклад проф. В.Н. Белоусова, Москва), национально-культурной специфики современных текстов и дискурсов русского речевого общения (проф.Ю.Е. Прохоров, Москва), национальных особенностей русского речевого поведения (проф. А.А. Акишина, А.П. Бубнова, Москва) стали предметом обсуждения на пленарном заседании второго дня работы конференции. Здесь также были заслушаны доклады методического характера: Мощинской Н.В и Стельмах П.Я. (Испания) о формировании межкультурной компетенции у испаноговорящих студентов и Шайхиевой Т.Н. (Испания) о мотивации испанских студентов при изучении русского языка в университете.

Восприятию русской литературы польскими студентами-русистами был посвящён доклад проф. А. Буткевич-Володзько (Польша). Проф. О.Д. Митрофанова (Москва) рассмотрела коммуникативную точность текста как категорию стилистики. В докладе проф. К.А. Роговой (Петербург) была представлена на материале такого жанра художественной литературы, как сказ, модельная личность Нового русского с присущими ему особенностями речевого поведения, существующими в языковом сознании носителей современной русской культуры.

Об интернете и специфике его языка поставила вопрос проф. Л. Шепелевич (Польша). На близкую тему сделала доклад на одной из секций конференции доц. И.М. Вознесенская (Петербург), рассмотрев языковую личность современника по её проявлению в сетевом дневнике.

Работа конференции была продолжена в 10 секциях, посвящённых современному состоянию русского языка, инновационным технологиям в сфере преподавания русского языка в школах и вузах, в изучении и преподавании литературы, коммуникативному поведению личности, русскому языку делового общения, проблемам межкультурной коммуникации, связям языка и культуры, психолингвистике в обучении иностранным языкам, русскому языку в медиапространстве, а также проблемам перевода.

Заключительная встреча прошла в форме презентации книги проф. И.А.Стернина (Воронеж), в которой представлены новые возможности учебной лексикографии для иностранцев, разрабатываемой на базе психолингвистики и контрастивной лингвистики, и доклада проф. Т.Е. Акишиной (США), посвященного тому, как видят мир билингвальные дети.

Предполагается издание книги, которая включит основное содержание докладов, что позволит коллегам получить более подробное представление о той разнообразной тематике, которая была представлена на конференции, выявив актуальные направления современных лингвистических исследований.

Конференция была прекрасно организована, Её участники познакомились не только с Варшавой, но и с городом Торунь – родиной Николая Коперника, городом, история которого в значительной степени отразила историю Польского государства.

Участники конференции с благодарностью вспоминают её организаторов – профессоров Войчеха Тыгельски, Владислава Фигарски, Алицию Володьзько-Буткевич, директора Главной библиотеки Варшавского университета Эву Коберска-Мачушко и Людмилу Шипелевич, а также студентов, радостно и доброжелательно встречавших гостей.

На снимках (слева направо):
Участники конференции — К.А.Рогова, Л.Шипелевич, И.М.Вознесенская, Г.И.Тунгусова, Н.А.Любимова;

Первое пленарное заседание — К.А.Рогова, Ю.А.Бельчиков, А.Н.Щукин;

После посещения Музея Н.Коперника, г. Торунь — Н.А.Любимова, Ю.Н.Караулов, И.П.Лысакова

ТУЛА

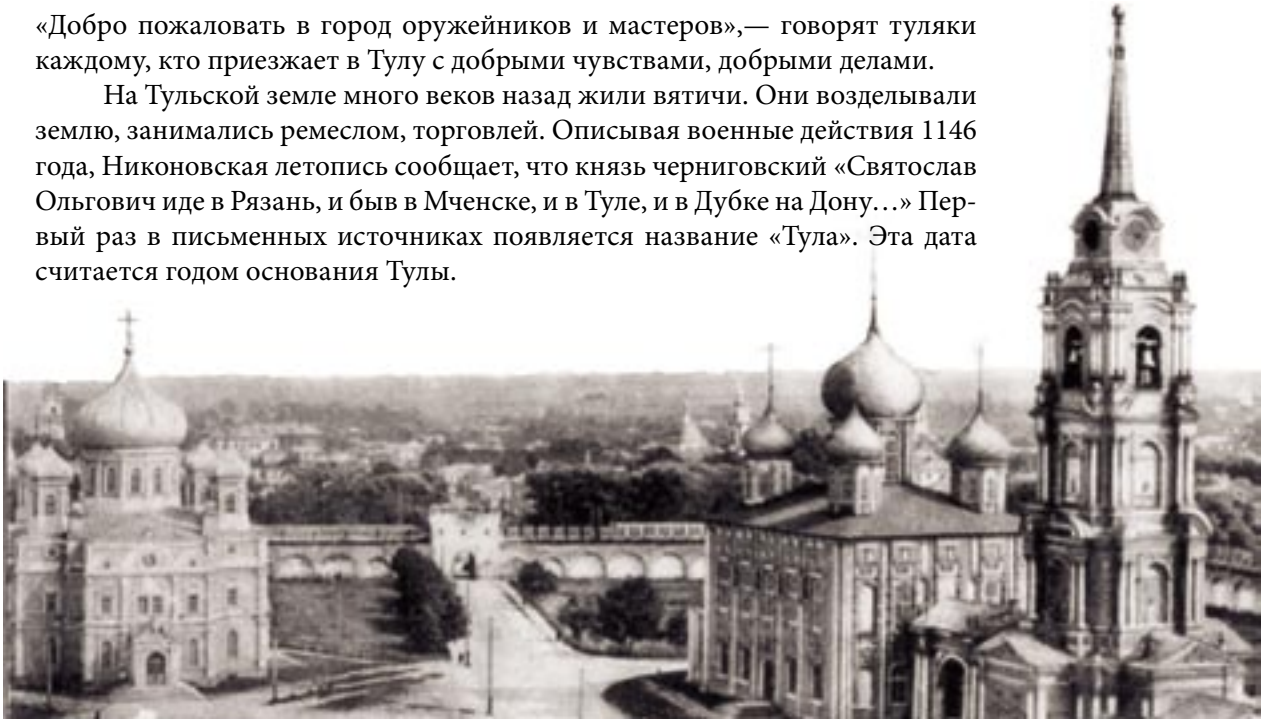
"В червленом поле горизонтально положенный на двух серебряных шпажных клинках, лежащих наподобие Андреевского креста, концами вниз, серебряный ружейный ствол; вверху же и внизу по одному молотку золотому: все сие показует примечания достойный и полезный оружейный завод, находящийся в сем городе"

1146 год — год первого упоминания в летописи о Туле.
В 1777 году была образована Тульская губерния в составе 12 уездов.
В 1778 году был утверждён герб Тулы.
Тульская область была образована в 1937 году.
Тульская область занимает площадь — 25,7 тысяч кв. км.
Протяжённость территории с севера на юг — 200 км,
с запада на восток — 190 км.
Население области — 1 млн. 826 тыс. человек.
Население г. Тулы — 550 тыс. человек.

ТУЛА — это:
- древний русский город, город-герой;
- родина русского металла;
- оружейная столица и первый в России оружейный завод;
- знаменитое на весь мир военное, спортивное и охотничье оружие;
- Ясная Поляна и Лев Толстой;
- Куликово поле;
- знаменитые на всю Россию тульские самовары;
- гармонь;
- вкусные печатные пряники.

«Добро пожаловать в город оружейников и мастеров»,— говорят туляки каждому, кто приезжает в Тулу с добрыми чувствами, добрыми делами.

На Тульской земле много веков назад жили вятичи. Они возделывали землю, занимались ремеслом, торговлей. Описывая военные действия 1146 года, Никоновская летопись сообщает, что князь черниговский «Святослав Ольгович иде в Рязань, и быв в Мченске, и в Туле, и в Дубке на Дону…» Первый раз в письменных источниках появляется название «Тула». Эта дата считается годом основания Тулы.



В народной памяти живёт поверие, что название города связано с рекой Тулицей. Эта небольшая речка пряталась, скрывалась в лесах, искала удобного места, где ей поселиться — «притулиться». Владимир Иванович Даль, известный языковед и писатель XIX века, объяснял слово Тула, как «скрытое, недоступное место, затулье, притулье для защиты». Действительно, защищаться вятичам необходимо было часто: от хазар и от князей — киевских, черниговских, рязанских, а позднее от войска монгольского хана Батыя. После 1380 года, когда в великой битве на Куликовом поле, в 130 километрах юго-восточнее Тулы, войско московского князя Дмитрия разбило Мамая, власть орды стала лишь формальной, а еще через столетие Русь вообще освободилась от нее, и Тула вошла в состав единого Русского государства навечно.

В памяти народной запечатлелся горькой отметиной Муравский шлях — путь, по которому крымские племена приходили с войной на Русь, жгли, разоряли селения, уводили в рабство молодых мужчин, женщин, детей. Слезами и кровью был полит Муравский шлях. Через степи, пройдя между реками Зушей и Красивой Мечой, выходил он к Туле.

Для защиты русской земли в 1507 году московский государь Василий III повелел построить «город каменной на Туле» — Тульский кремль. В 1520 году работа была закончена. Он и сейчас стоит, наш красавец кремль, в центре Тулы, радуя глаз своими совершенными и целесообразными формами. Подходя к нему ближе, невольно проникаешься ощущением крепости, прочности, надежности, несмотря на то, что наросший за пять веков культурный слой сделал его стены и башни значительно ниже, чем это было в XVI веке.

Поистине на бойком месте был воздвигнут кремль. Только за 1531–1540 годы крымские орды 14 раз «приходили на тульские места». Не всякий человек мог ужиться здесь, потому что в любой день и час нужно было быть готовым с оружием в руках выйти на кремлевскую стену, чтобы отразить очередное нападение врага. Потому смелый и ловкий народ обосновался в Туле. И эти качества, как показывает история, навсегда закрепились в характере туляков.

Особо тяжелое испытание на долю кремля и жителей города выпало в 1552 году, когда крымская орда во главе с ханом Девлет-Гиреем, «со всеми людьми и снарядом» внезапно появилась под Тулой. 22 июня противник «приступал весь день, а из пушек бил по городу и огненными ядрами и стрелы стрелял». Город горел, но туляки город не отдали в руки врага. «Побеже царь нечестивый от града с великим срамом».

Еще одно испытание выдержал город и его защитники летом 1607 года, когда войска царя Василия Шуйского, пытаясь подавить крестьянское восстание во главе с народным вождем Иваном Исаевичем Болотниковым, окружили город, под защиту укреплений которого отступили восставшие и присоединившиеся к ним многие туляки. Стотысячное войско привел царь к Туле, имея пятикратный перевес над силами восставших. Артиллерия обстреливала город, устраивались

штурмы. Осада Тулы длилась четыре месяца. С помощью предательства царским слугам удалось схватить Ивана Болотникова, после чего он был убит в г. Каргополе.

Богатея, Тула начинает одеваться в камень, жизнь в ней становится более оживленной. В кремле в 1684–1685 годах был построен каменный пятиглавый Успенский собор. Невдалеке от кремля, на посаде, возведена типичная для посадских церквей XVII века Благовещенская церковь (1692 г). Это вторая по древности дошедшая до наших дней постройка в Туле.

Охраняя южную границу Русского государства, постоянно участвуя в жестоких схватках с врагом, гарнизон, все жители Тулы остро нуждались в оружии. Оружейное дело зачиналось в Москве. Но по тем временам от Москвы до Тулы путь был не близок. Так появилась необходимость основать оружейное дело на месте.

Родина русской металлургии

Русская металлургия родилась на Тульской земле, богатой железной рудой. Здесь появилась первая в стране Кузнецкая слобода. К концу XVI века на правом берегу реки Упы по указу царя Федора поселились особой слободою 30 кузнецов. Наряду с обычной кузнецкой работой они выполняли «государево оружейное дело», получая на него казённые (государственные) заказы.

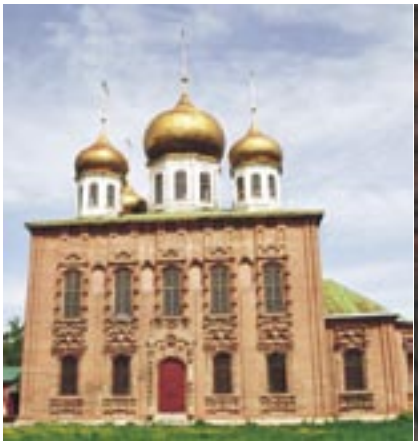
На рубеже XVII–XVIII веков известными людьми в слободе стали Исай и Максим Мосоловы, Никита Орехов, Никита Антуфьев, позднее писавшийся Демидовым. Петр I ежегодный заказ тульским мастерам на оружие увеличил до двух тысяч ружей.

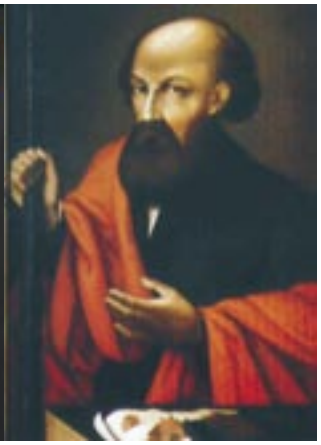
В 1706 году в Заречье был построен деревянный оружейный двор. Изготовление оружия увеличилось до 15 тысяч в год. Им бились Петровы войска под Полтавой. В 1712 году 15 февраля был издан указ Петра I: «... для лучшего в том ружейном деле способу, при той оружейной слободе, изыскав удобное место, построить заводы». Этот указ положил начало старейшему в России Тульскому оружейному заводу.

И сегодня Тула остается одним из главных центров страны по выплавке металла и производству металлических изделий. В городе работают два крупных металлургических предприятия — завод черной металлургии (в Пролетарском районе Тулы) и Косогорский металлургический завод (в поселке Косая Гора, под Тулой). Здесь выплавляется как чугун, так и самая качественная легированная сталь. Сохраняя традиции славных предков, рабочие-металлурги совершенствуют свое мастерство, используют в производстве современные достижения техники. Продукция тульских металлургов пользуется большим спросом и в России, и за рубежом.

Туляки бережно относятся к своему историческому прошлому. В Зареченском районе, за Упой, есть площадь, на которой стоит памятник Никите Демидову, знаменитому оружейнику и основателю металлургической промышленности в России.

Стальную душу Тулы веками закаливали мастера-оружейники. Уже в 12 веке туляки умели





Тула веками оружие ковала,
Стала похожа сама на ружьё,
Слышится звон боевого металла
В древних названиях улиц её.

«Тульская оборонная»

плавить и ковать сталь. При Петре I в Кузнецкой слободе уже было свыше тысячи мастеров. Они работали дома, изготовляя отдельные части ружья: ствол, штык, курок, дуло и т. д. Так образовались слободки, которые потом стали улицами. Они и теперь носят старые названия — Ствольная, Штыковая, Курковая, Дульная.

Славные солдаты Суворова во всех походах были вооружены ружьями, изготовленными тульскими мастерами. И эти ружья им служили безотказно. Во время войны с Наполеоном в 1812–1813 годах тульские оружейники сделали 600 тысяч ружей. Это было невиданное до этого дело!

На протяжении столетий тульские оружейники свято хранили свои славные традиции. В годы смертельной опасности для родины они работали «не щадя живота своего», чтобы помочь русским воинам одолеть врага. Туляки выполняли заказы армии, делали парадные и охотничьи ружья для царского двора. Они украшались чеканкой, художественной резьбой и росписью. Для украшения ружей использовалось золото, серебро, слоновая кость, перламутр. Лучшие образцы таких ружей представлены в Оружейной палате (Москва), Эрмитаже (Санкт-Петербург), Тульском музее оружия.

С годами мастерство тульских оружейников оттачивалось. В 1912 году оружейный завод был награжден четырнадцатью золотыми медалями за свои уникальные изделия, как гражданские, так и военные. Первым выдающимся конструктором военного оружия был Сергей Иванович Мосин, создатель лучшей в мире трехлинейной винтовки, которая была принята на вооружение русской армии в 1891 году и показала себя надёжной в бою. Другие знаменитые туляки-создатели стрелкового оружия — это Федор Васильевич Токарев, автор первой автоматической винтовки, и Василий Алексеевич Дегтярев, конструктор пулемета. Тульское оружие прекрасно выдержало испытание на полях сражений. Есть в Туле улицы Мосина, Токарева, Дегтярева. А в сквере около оружейного завода установлен памятник С.И. Мосину.

Сергей Иванович Мосин

Федор Васильевич Токарев

Василий Алексеевич Дегтярев

Тульский левша

Миниатюрная металлическая пластина размером 3,5 на 4,5 мм. С помощью специального устройства при сильном увеличении, можно увидеть изображённый на ней рисунок: тульский мастер Левша подковывает блоху. Рисунок-гравюру сделал известный тульский гравёр М.И. Почукаев. Кто такой Левша? Во все времена славились тульские мастера, по всей России ходили легенды об их удивительном мастерстве. Об этом мастерстве рассказал замечательный русский писатель Н.С. Лесков в «Сказе о тульском косом Левше и о стальной блохе» (1881 г.).

Возможно, что в основу «Сказа» положены реальные события. В 1785 году два тульских оружейника Алексей Сурнин и Яков Леонтьев были посланы президентом Военной коллегии Г.А. Потёмкиным в далёкую Англию для совершенствования в различных художественных работах по металлу, где учились у известных оружейников Г. Нока и Д. Эгга. Алексей Сурнин оказался «неутомим в приобретении успехов в пользу России». Английские оружейники высоко оценили мастерство Сурнина и предложили ему служить Великобритании за хорошие деньги. Но, верный своей родине, Сурнин отказался и в 1791 году вернулся в родную Тулу, где ему поручили руководить «оружейным делом». Он сумел улучшить качество тульского ружья, создать несколько собственных образцов оружия. Он стал уважаемым человеком. Имел свой большой дом, но, конечно, славы Левши у него не было. В 1886 году история о его жизни попалась на глаза Н.С. Лескову, так появился сказ о тульском Левше.

Совсем недавно на старинном тульском кладбище Дмитровском была обнаружена могила Алексея Сурнина. В знак любви и уважения к тульскому мастеру на могиле был установлен и 3 сентября 2005 года торжественно открыт памятник А. М. Сурнину.

Шедевры тульских мастеров

В Петербурге, в Эрмитаже есть стенды с надписью «Изделия тульских мастеров». Никто не проходит мимо них. Здесь можно увидеть вазы, шкатулки, туалетные столики, подсвечники, принадлежавшие царской семье. Когда смотришь на них, кажется, что они усыпаны драгоценными камнями. Но это не так. Сверкающие «камни» — обыкновенная сталь, отточенная на конус. Как только на них попадает солнечный свет, краски играют всеми цветами радуги. Цвета и оттенки — это секрет закалки стали, который знали только тульские умельцы.

В Екатерининском дворце города Пушкин хранится оригинальный туалетный столик. На нем две вазы, украшенные тульскими «бриллиантами». Их более семи тысяч! Автор этого тонкого стального «кружева» — мастер Лялин.

Ограда Летнего сада в Петербурге, открытого ещё при Петре Первом, сделана по проекту архитектора Фельтена тульскими кузнецами. Строгие линии и изящный рисунок ворот и решеток создают впечатление, будто она сделана из очень легкого металла. Узоры и вазы, украшающие ограду, выполнены вручную.

Традиции создания художественных металлических изделий сохранены. Если внимательно присмотреться к облику Тулы, можно заметить, что город одет в металл: дороги, мосты, решётки парков и скверов — все они изготовлены на тульской земле золотыми руками умельцев.

Куликово поле

Есть в России места, при посещении которых русский человек не может остаться равнодушным. Одно из них — Куликово поле. Ничем не отличается оно от многих других полей средней полосы России: широкая равнина, лесок, лента реки Непрядвы. Здесь, на Тульской земле, 8 сентября 1380 года произошло величайшее сражение за освобождение Руси от татаро-монгольского ига. Русские силы смогли, наконец, объединиться вокруг Москвы и нанести удар Золотой Орде. Ещё долго на Руси вели счёт лет от этого события. «...Ударила слава к железным воротам, к Риму и к Кафе по морю, и к Тырнову, и оттуда к Царьграду на похвалу: Русь великая одолела Мамая на поле Куликовом».

Московское государство «родилось на Куликовом поле, а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты» — эта мысль известного русского историка В. О. Ключевского выражает значение события.

В 5 часов 30 минут взошло солнце, через час зазвучали трубы. Русское войско двинулось навстречу врагу. Белели одежды воинов. По русской традиции, перед сражением воины всегда надевали белые рубахи. Навстречу им тёмной тучей шло татарское войско. Как было принято в те времена, перед сражением вышли вперёд два воина, чтобы начать поединок. С русской стороны — молодой сильный инок Андрей Пересвет, с татарской — опытный воин Челубей. Они встретились на конях и ударили копьями — и оба упали замертво. Сражение началось. Татарская конница обычно с огромной скоростью налетала на врага. Но здесь им не хватало места для быстрого и мощного удара.

Дмитрий Иванович сражался в одежде простого воина. Сражение продолжалось несколько часов, к вечеру татары стали одолевать русское войско, и в это время, когда татары уже ощущали радость победы, из леса выступил Засадный полк. Татары повернули назад. Русские начали преследовать их. Существует легенда, что те татары, которые добежали до реки Меча, превратились в камень, и сегодня можно увидеть эти каменные великаны.

Русское войско победило, но тысячи воинов навсегда остались лежать на Куликовом поле, отдав свою жизнь за Русь-матушку.

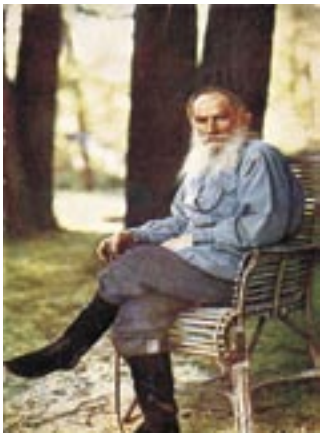
За эту великую победу князь Дмитрий Иванович назван Донским. Представьте себе Куликово поле, где когда-то сошлись два огромных войска, посмотрите на Красный холм. Там, откуда наблюдал Мамай за сражением, стоит памятник Дмитрию Донскому и всему русскому войску. Он был открыт 8 сентября 1850 года. Как русский воин, стоит на Куликовом поле храм Сергия Радонежского. Если будете в этих местах, послушайте ночное поле, посмотрите на вечные звезды над ним, и река памяти вновь откроет для вас величайшую страницу истории России и её народа.

Филимоновские волшебницы

Небольшая тульская деревня Филимоново известна своими народными мастерицами — игрушечницами. Филимоновская игрушка — одна из чудесных сказок России..

Важные барыни с детьми и птицами на руках, гордые всадники на конях, длинноногие солдаты, стройные олени, добродушные коровы и медведи, гармонисты и танцующие пары — это и есть знаменитая глиняная филимоновская игрушка. Традиционные цвета филимоновской росписи — фиолетовый, желтый и красный. Позднее стали пользоваться белым, малиновым, синим и зеленым цветом. Увидеть филимоновские глиняные игрушки можно в Тульском музее изобразительных искусств, в художественных салонах, в сувенирных отделах магазинов. Их

родина — тульская земля, край славных дел и талантливых людей.



Ясная Поляна

Этот уголок русской земли известен всему миру. В Ясной Поляне Л. Н. Толстой прожил более полувека. Здесь он родился. Здесь же и похоронен. «Без своей Ясной Поляны, — писал Толстой, — я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны я, может быть, яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристрастия любить его». Название усадьбы могло произойти от широкой солнечной долины, которая открывается при повороте от теперешнего шоссе, ведущего к деревне Ясная Поляна, или по названию речки Ясенки, протекающей рядом с ней и впадающей в Воронку.

В 60-х годах XVIII века Ясную Поляну купил прадед Толстого князь С. Ф. Волконский. Новый владелец приобрел уже сложившуюся усадьбу. В ней были и главная аллея, получившая потом у Волконских-Толстых

название Прешпекта, и два крупных пруда — Большой и Средний, и красивый регулярный парк — липовые Клины.

В начале XIX века дед Л. Н. Толстого, князь Н. С. Волконский, усадьбу перестроил: был, разбит новый парк. Вся усадьба в плане приобрела ясную форму квадрата, который пересекался двумя главными аллеями — Прешпектом и исчезнувшей позднее юго-западной березовой аллеей. Л. Н. Толстой высоко оценивал работу деда: «Все его постройки не только прочны и удобны, но чрезвычайно изящны».

Здесь Толстым была написана большая часть произведений, в том числе романы «Война и мир», «Анна Каренина», многие главы «Воскресения». В этом доме у Толстого гостили Тургенев, Танеев, Стасов и многие другие выдающиеся деятели русской культуры. Сейчас Ясная Поляна — один из крупнейших литературно-мемориальных музеев мира, где все сохраняется по 1910 году — последнему году жизни Толстого.

Зелёная жемчужина Тулы

Центральный парк имени П.П. Белоусова—это 150 гектаров земли. Туляки с гордостью называют его гигантскими лёгкими города.

Рождением парка туляки обязаны удивительному человеку — Петру Петровичу Белоусову, который с 1889 года был санитарным врачом города и за короткое время сделал для города столько, что память о нём жива и сегодня. На месте окраиной свалки города он посадил вместе с другими жителями первые деревья. Потом

были разбиты аллеи, созданы пруды. В 1960 году в центре парка был поставлен памятник этому человеку. Сейчас парк туляки называют белоусовским.

В парке более 50 видов деревьев, 40 видов птиц гнездятся здесь. Если пройти по многочисленным дорожкам к прудам, то можно увидеть белых лебедей. А вот и центральные ворота. Возле входа стоит памятник русскому писателю, нашему земляку Виккентию Виккентьевичу Вересаеву.

Это любимое место отдыха туляков. Здесь можно побыть наедине с природой, посидеть в тени деревьев, наслаждаясь тишиной и покоем. Можно очень весело и шумно провести свободное время: в парке работают аттракционы, есть игровые площадки, спортивные кружки и секции, зимой можно взять лыжи напрокат и кататься. В парке проводятся концерты, выставки, а в сентябре здесь проходит особый праздник — День города.

Тульская гармонь

В России любят народные песни, которые исполняются под гармонь. Этот музыкальный инструмент полюбили во всем мире. Звуки гармони сравнивают с пением соловья. Где же она могла родиться? Оказывается, в Туле.

В России гармоники начали делать в тридцатых годах XIX века. Тула стала первым центром по их изготовлению: первую русскую гармонь

создал тульский мастер Сизов. Этот музыкальный инструмент имел всего семь клапанов, расположенных в одном ряду. Позднее конструкторы усовершенствовали этот образец. Появилась гармонь с двумя рядами клавиатуры – «двухрядка». Но и этот инструмент не мог передать все звуковые оттенки. Тульские умельцы стали изобретать новую конструкцию.

Гармонист-любитель Николай Иванович Белобородов сконструировал гармонь, которая передавала двенадцать звуков хроматической гаммы, а искусный мастер Леонтий Алексеевич Чулков сделал так, что у каждого клапана вместо одного голоса стало два. Возникла мысль создать оркестр гармонистов.

В 1885 году в Туле состоялся первый концерт, оркестром руководил Белобородов. Это был настоящий праздник русской народной музыки. На нем присутствовали Лев Николаевич Толстой, Сергей Иванович Мосин и популярный в то время певец Фигнер. Концерт имел огромный успех. Но настоящая слава к тульским музыкантам пришла в 1907 году, когда они выступили с концертом классической музыки в Московской консерватории. Дирижировал оркестром ученик Белобородова В.П. Хэгстрем. Москвичи были потрясены исполнением классических произведений на народном инструменте.

Ученики Белобородова и Чулкова – Владимир Петрович Хэгстрем и Геннадий Леонтьевич Чулков вскоре сконструировали новый инструмент с кнопочной клавиатурой, который стали называть баяном. В 1951 году в Туле был создан оркестр баянистов.

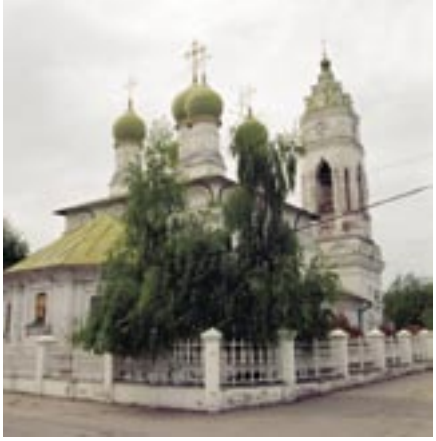
Особое признание в среде музыкантов получили баяны Чулкова. Их называют баянами-оркестрами, потому что каждая кнопка поет тремя голосами. Тульские баяны, которые производит крупное предприятие «Мелодия», можно услышать и в России, и далеко за пределами нашей страны.

Царский подарок

В России с XVIII века чай — самый любимый напиток. Русские люди говорят, что «без чая и жизнь — не жизнь». Чай зимой душу согревает, летом жару утоляет. В XIX веке вечерами купцы — торговые люди — выпивали за один присест (за один раз) 6 стаканов чаю: «Чай не пьёшь — откуда силу возьмёшь».

Тула всегда славилась своими самоварами. Первые тульские самовары были изготовлены мастерами-одиночками. Потом один из таких мастеров Иван Лисицын открыл свою мастерскую. Так началось фабричное производство самоваров в Туле. В начале XIX века в городе было уже 8 таких мастерских. Только на одной фабрике братьев Баташёвых изготовляли 120 тысяч самоваров в год. На каждого туляка — самовар.

Были когда-то в Туле фабрики, которые имели свои магазины в Москве и Петербурге. Самая большая фирма принадлежала Баташёвым, и за высокое качество основатель фирмы был награждён званием «фабрикант двора его императорского величества». А другая фабрика являлась поставщиком персидского шаха. Однажды



русский царь Николай II остановился в Туле по дороге на море. Баташёвы подарили 5 небольших самоваров детям царя. Самовары все имели одинаковый рост, а по форме отличались друг от друга: «шар», «ваза» и другие формы.

Фантазия тульских самоварщиков безгранична. Какие самовары только ни делались! Ручки и ножки самоваров также имели необычную форму: рыб, дельфинов, царских корон. Часто на самоварах делали различные надписи: «Самовар кипит, уходить не велит», «Где есть чай, там и под елью рай».

Разными были самовары и по величине: от несколько литров до таких, которые вмещали десятки и даже сотни литров. Так, в 1922 году в Туле был сделан подарочный самовар на 250 литров. Вода в нем закипала через 40 минут и оставалась горячей два дня, так как изготовили этот чудо-самовар из особого сплава, секрет которого знали только тульские умельцы.

Сейчас в Туле находится единственный в России завод, на котором делают сотни тысяч самоваров в год. На изготовление одного самовара требуется всего 45 секунд! А посмотреть уникальные модели самоваров можно в Музее самоваров, который находится рядом с Тульским кремлём.

Тульский пряник

В Тулу со своим самоваром не ездят. А из Тулы не уезжают без тульского пряника. Пряник — это тоже лицо города. Познакомиться с историей пряничного дела в России можно в музее тульского пряника.

На Руси пряники известны с давних времен. Их дарили, когда рождался ребенок. Посылали невесте перед венчанием. Пряниками, а не хлебом-солью в старые времена встречали молодоженов. И во время свадьбы на стол ставили пряники — для молодых и гостей. После свадьбы новобрачные шли с пряником к родителям невесты, которые должны были положить на этот пряник подарки и деньги. И даже когда человек умирал, в конце поминок подавали пряники.

Сколько лет тульскому прянику, точно неизвестно. Одни считают, что ему сто лет, а другие относят его появление к XVI веку. Тульские пряники очень разнообразны по форме и величине: прямоугольные, круглые, овальные, в форме сердца; маленькие, средние и огромные. Надписи на них тоже разные: «Тульский сувенир», «Подарок из Тулы», «Ясная Поляна», «С днем рождения», «С юбилеем», «С любовью» и другие. Можно выбрать пряник и с рисунком, и с надписью — какой по душе. Пряники с удовольствием покупают и гости города как сувенир.

ТУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Университет вырос из Тульского механического института, созданного в 1930 году. Тогда, в первые годы, в нём учились всего 240 студентов по четырем специальностям — холодная и горячая обработка металлов, инструментальное производство и станкостроение, было всего 35 преподавателей, но зато это были лучшие московские учёные и инженеры!

В 1963 году Тульский механический институт объединился с Тульским горным институтом и образовался Тульский политехнический институт, в состав которого входили 9 факультетов, 10 отраслевых научно-исследовательских лабораторий, в нем открылся первый Ученый совет по защите докторских диссертаций. Для Политехнического института строятся новые учебные корпуса и общежития для студентов.

За три десятка лет существования из его стен вышли не только инженеры, директора заводов, но и художники, артисты, писатели.

В 1995 году он переименован в Тульский государственный университет.

За последние 10 лет в университете открыто более 60 новых направлений и специальностей. На 12 факультетах и 70 кафедрах работают 1226 преподавателей, среди которых 266 докторов наук, профессоров и 675 кандидатов наук, доцентов. Самые молодые факультеты — гуманитарный, медицинский, экономики и права.

Вуз готовит математиков, механиков, физиков, химиков, психологов, политологов, историков-архивистов, теологов, лингвистов, юристов, дизайнеров и других специалистов.

Сегодня в университете 110 специальностей, причём в 45 направлениях ведется подготовка бакалавров с последующим обучением по 95 специальностям, в 23 направлениях — подготовка магистров по 70 магистерским программам.

Кафедра русского языка Тульского государственного университета

Первые иностранцы начали учиться в ТулГУ в 1962 году, когда в Тульский политехнический институт прибыла первая группа учащихся из Болгарской Народной Республики. 18 лет секция русского языка успешно справлялась с поставленной задачей — обучение русскому языку как иностранному.

В 1980 году эта секция при кафедре иностранных языков была преобразована в самостоятельную структуру — кафедру русского языка и психологии. С 1999 года и по настоящее время заведует кафедрой доктор педагогических наук Л.А. Константинова.

За время существования кафедры на ней прошли обучение около 3 тысяч иностранных граждан из более 33 стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

Успех обучения определяется прежде всего тем, что для преподавателей кафедры одинако-

во важны все категории обучаемых. Это могут быть и аспиранты, работающие над завершением своих диссертационных исследований, и выпускники средних учебных заведений, приезжающие изучать азы русского языка, и преподаватели, желающие прослушать курсы по методике преподавания русского языка. Поэтому, имея давнюю историю и богатый опыт преподавания, кафедра сегодня строит свою работу по 36 программам, которые обеспечены методическими комплексами, пособиями с грифами Министерства образования РФ и УМО по классической филологии и распределяются по следующим направлениям.

1. Обучение иностранцев русскому языку на подготовительном отделении для последующего изучения ими в университете специальностей технического, гуманитарного, экономического, медицинского филологического направлений.

2. Обучение русскому языку иностранных студентов, проходящих бакалаврскую подготовку, специалитет, магистерскую подготовку.

3. Обучение иностранных аспирантов.

4. Обучение иностранных стажеров-филологов.

5. Курсы русского языка для иностранных граждан, которые включают дисциплина как общего профиля: методика преподавания русского языка как иностранного, русский язык для деловых людей, — так и специализированные: жизнь и творчество Л.Н.Толстого, А.П. Чехов — драматург-новатор, Тульский край в произведениях Г.И. Успенского, Мир прекрасного в картинах В.Д. Поленова.

6. Обучение российских студентов ведется в рамках лингвистических и литературоведческих дисциплин: русский язык и культура речи, культура речи, стилистика русского языка и культура речи, стилистика и литературное редактирование, а также иностранная литература, история мировой и художественной литературы и культуры и другие.

Кафедра готовит аспирантов по двум специальностям: русский язык и теория и методика обучения и воспитания (русский язык).

Госбюджетные темы НИР всегда тесно связаны с методической работой кафедры, представляя собой разработку теоретических основ преподавания и являлась концептуальным обоснованием для создания учебно-методических комплексов, учебных пособий по русскому языку.

Преподаватели кафедры русского языка принимают участие в международных, всероссийских конференциях, в семинарах, организуемых РОПРЯЛ, «круглых столах» по актуальным проблемам языкознания и методики преподавания языка, международных конгрессах МАПРЯЛ, проводят научно-практические конференции, региональные семинары, такие как «Школа молодого преподавателя», «Актуальные проблемы языкознания», «ВУЗ — школа», участвуют в выставках, на которых представляют буклеты по образовательным услугам кафедры и циклы публикаций «Библиотека иностранного студента».

За последние 5 лет преподавателями кафедры выпущено 10 сборников научных статей, в том числе 7 выпусков ТулГУ, издано 3 монографии.

Кафедра русского языка является членом Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), членом Российской риторической ассоциации.

Все преподаватели кафедры курируют учебные группы и землячества иностранных студентов. Активно работает Клуб русского языка.

Работа кафедры и ее достижения определяются вниманием к современным условиям развития высшего образования и местом в нем русского языка, чутким отношением к потребностям разноязычного населения Российской Федерации, ближнего и дальнего зарубежья.

Основное направление работы кафедры русского языка — это образовательная программа «Язык. Культура. Провинциальная Россия». В соответствии с этим направлением 21–23 июня в Тульском государственном университете проходила

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА»

Конференция продемонстрировала поиски новых аспектов описания многоуровневой языковой системы и функционирования языковых единиц в личном, официально-деловом, эстетико-литературном, виртуальном и других типах коммуникаций.

Материалы конференции опубликованы в двух сборниках: Известия ТулГУ. Серия. Язык и литература в мировом сообществе. Вып. 9. Лингвокультурологические аспекты изучения русского языка. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2006; Известия ТулГУ. Серия. Язык и литература в мировом сообществе. Вып. 10. Методика преподавания русского языка и литературы. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2006.

На пленарном заседании с докладами выступили: доктор филологических наук, профессор ГИРЯП Ю.Е. Прохоров (Концептосфера и русское речевое общение. Структура и содержание), доктор педагогических наук, профессор ТулГУ Л.А. Константинова (Актуальность разработки подходов к описанию отдельно взятого российского региона с позиций лингвокультурологии), доктор наук, доцент Бухарестского университета Морару Михаела (Человек — это звучит грозно! Образы-символя астафьевской повести «Царь-рыба»), доктор филологических наук, профессор Шуйского педуниверситета В.Г. Маслов (Русский язык: современное состояние), доктор филологических наук, ст. преподаватель Бухарестского университета Аксиния Красовски (Поэтическое слово как «царственное слово». Лингвокультурологический подход к поэтическому тексту).

На конференции работали три секции: «Лингвокультурологические и когнитивные аспекты изучения языковых единиц», «Лигвокультурологические и когнитивные аспекты вербальной коммуникации», «Лингвокультурологические и лингвострановедческие аспекты методикипреподавания русского языка и литературы».

Предметом обсуждения было выявление различных национальных представлений о мире, выраженных средствами лексической, фразеологической, грамматической семантики русского языка, а также поиск путей повышения эффек-

Выступление Ю.Е. Прохорова – члена президиума РОПРЯЛ, ректора ГИРЯ им. А.С. Пушкина, доктора филологических наук, профессора. Президиум: Л.А. Константинова – заведующий кафедрой русского языка ТулГУ, доктор педагогических наук, профессор; Нилакши Сурьянарайан – кандидат филологических наук, доцент Ново-Делийского университета (Индия); Михаела Морару – доктор, доцент Бухарестского университета (Румыния).

тивности преподавания как РКИ, так и культуры речи русских учащихся в нефилологических вузах, создание учебных пособий, направленных на формирование языковой и лингвокультурологической компетенции учащихся.

Участники конференции рассматривали вопросы качества образовательной среды, системы оценивания знаний учащихся, интеграционные процессы, происходящие в преподавании различных дисциплин, приемы создания лингвокультурологических текстов и словарей.

В.Д. Кухарь – проректор по науке Тульского государственного университета (ТулГУ), доктор технических наук, профессор; Ю.Е. Прохоров – член президиума РОПРЯЛ, ректор ГИРЯ им. А.С. Пушкина, доктор филологических наук, профессор; А.Л. Кузнецов – заведующий кафедрой страноведения МАДИ ГТУ, кандидат исторических наук, профессор.

Пленарное заседание

Участники конференции

Знакомство с народным костюмом Богородицкого уезда Тульской области

Материалы подготовили Л.А.Константинова, Н.Н.Захарова, В.Г.Зябрева